

Саша Ардаша

Исследователь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Ардаша

Исследователь

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Исследователь / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

пОПАДАНЕЦ. Проводит индустриализацию СССР. После долгих странствий и жизни вдали от цивилизации Егор решает вернуть своих спутниц в современный мир. В Джакарте начинается новая глава их истории: документы, муниципалитет, непривычная городская суeta и большая вилла у моря становятся первым шагом к новой жизни.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Исследователь

Пролог

Когда-то я мечтал стать летчиком. Потом космонавтом. Мне казалось, что однажды я обязательно поднимусь выше облаков, увижу Землю такой маленькой, что все человеческие проблемы покажутся смешными. Но потом я закончил школу. И понял, что для мечты нужно слишком долго учиться. Институт. Академия. Экзамены. Конкурсы. Годы подготовки. Это казалось бесконечным. Я выбрал путь попроще. Рабочий вместо инженера института. Рабочая профессия вместо большой мечты. Работа, где ни за что не отвечаешь. Получил зарплату дотянул до следующей. От пятницы до пятницы. Напился вечером, очнулся в понедельник потому что, снова надо идти на работу. Годы летели незаметно. Дом. Работа. Пиво. Телевизор. Скандалы. Злая жена, недовольные дети, вечная нехватка денег. Потом появились внуки. Они росли, а я старел. Пенсия оказалась настолько маленькой, что я превратился в бесплатного сторожа собственных внуков. Их любили не за меня, а за деньги, которые получала бабушка. Мое мнение давно перестало что-либо значить. Незаметно я оказался в самом низу пищевой цепочки собственной семьи. Старый. Больной. Никому не нужный. Сначала отказала одна почка. Потом вторая. Врачи говорили о диализе, но денег не было. Я лежал и смотрел в лица людей, которые когда-то были моей семьей. В их глазах уже не было ни любви, ни надежды. Только усталость. Иногда мне казалось, что над кроватью кружат ангелы. Белые. Тихие. Но однажды я понял, что это не ангелы. Это была обычная белая крыса. Она выбралась неизвестно откуда, забралась ко мне на грудь и приняла меня к моему лицу, словно пыталась понять, жив я еще или уже нет. Я смотрел на нее долго. Потом поднял руку. Пальцы слушались плохо. Но их хватило, чтобы схватить крысу. Она отчаянно заверещала, пытаясь вырваться. Нет... прохрипел я. Если мне дорога в ад... ты пойдешь со мной. Я сжимал ее из последних сил. В комнате закричали люди. Кто-то бросился ко мне. Кто-то пытался разжать мои пальцы. Но я уже ничего не слышал. Перед глазами сгущалась темнота. В последний миг я понял только одно. Я прожил жизнь так, что не сделал счастливым ни одного человека. Потому что сам никогда не был счастлив. Темнота накрыла меня окончательно. Я был уверен, что это конец. Но ошибся.

Глава 1

Очнулся я от того, что по моей груди кто-то ползал. «Опять крыса...» Я понял это сразу. Белая крыса ползала по моей груди с того самого дня, как ее подарили внуку. Малой постоянно подсаживал ее ко мне, а та забиралась на грудь, обнимала лицо и требовала угощения. Я открыл глаза. Прямо передо мной были красные бусинки ее глаз. Крыса радостно запищала, узнав, что хозяин проснулся, и привычно потянулась носом к моему рту. Так она всегда выпрашивала еду. Не задумываясь, я взял ее в руки и посадил в клетку. Щелкнул замок. Опять клетку поменяли... пробормотал я. Что за хендмейд такой? Была же нормальная, большая... Ворча себе под нос, я пошел в туалет мыть руки. Не то чтобы я брезговал крысой. Просто жена годами твердила одно и то же: «Помой руки. Ты же потом внуков трогаешь.» Я открыл кран, поднял голову... и застыл. Из зеркала на меня смотрел незнакомый парень. Лет восемнадцать, не больше. Ни седины. Ни морщин. Ни мешков под глазами. Я машинально потер подбородок. Щетины не было. Провел ладонью по щекам. Кожа гладкая. Коснулся лица. Парень в зеркале сделал то же самое. Это кто? хрипло спросил я. Отражение молчало. Это я?.. Пальцы чувствовали собственное лицо. Но мозг отказывался верить. Я видел, как старая привычная рука должна была коснуться обвисшей щеки, а вместо этого молодая ладонь гладила молодое лицо. Совсем техника с ума сошла... пробормотал я. Раньше рожи в телефонах меняли, а теперь и зеркала научились. Ну и черти... Я вышел обратно в комнату. Сделал два шага... И остановился. Никакой квартиры. Никаких ковров. Никакого старого дивана. Передо мной

была обычная комната общежития. Две железные кровати. Стол. Шкаф. Тумбочки. На столе лежал надкусанный хлеб, рядом рассыпью валялись крошки. Все вокруг выглядело так, будто время откатилось лет на тридцать назад. Да что за... Я одним прыжком вернулся к зеркалу. Там по-прежнему стоял тот же незнакомый парень. Он тяжело дышал. И повторял каждое мое движение. На этот раз до меня начало доходить. Это было не зеркало. Это был я. Я несколько раз крепко зажмурился. Раз. Два. Три. Открыл глаза. Ничего не изменилось. Из зеркала по-прежнему смотрел тот самый парень. Ладно... сказал я вслух. Если это сон, то больно уж качественный. Я ущипнул себя за руку. Больно. Для верности ущипнул еще раз. Еще больнее. Нет... Так не бывает. В голове словно открыли старый шкаф, набитый чужими вещами. Вспышки воспоминаний накатывали одна за другой. Школа... Какой-то двор... Футбол... Первый поцелуй... Экзамены... Общежитие... Имена... Лица... Они были не моими. Я схватился за голову. Да прекратите вы... Воспоминания смешивались с моими собственными. Я помнил свою жену. Помнил детей. Помнил внука. Помнил, как умирал. И одновременно знал, что меня зовут совсем иначе. Что мне восемнадцать лет. Что вчера я лег спать после заселения в общежитие. Да вы издеваетесь... Я сел на кровать. Белая крыса выбралась к прутьям клетки и внимательно смотрела на меня. Хоть ты мне скажи, что происходит. Крыса только пошевелила усами. Ясно. От тебя помощи не дождешься. На столе лежал новый студенческий билет. Я осторожно открыл его. Фотография. Та самая молодая физиономия. Фамилия Круженов. Имя. Егор. Отчество. Дмитриевич. Я прочитал их вслух несколько раз, будто пробуя на вкус. Нет. Это был не я. И в то же время... теперь это был именно я. В дверь неожиданно постучали. Не дожидаясь ответа, она распахнулась. Ты чего еще спишь? раздался веселый голос. На первую пару опоздаем! На пороге стоял высокий худой парень с полотенцем на шее и зубной щеткой во рту. Он посмотрел на меня и нахмурился. Ты чего такой бледный? Заболел? Я молчал. Эй... Ты меня вообще слышишь? Слышу... Тогда собирайся. Через пятнадцать минут электротехника. Если опять проспим, Семеныч нас сожрет. Электротехника... Слово будто ударило током. Я ведь действительно когда-то учился на электрика... Только это было... тридцать с лишним лет назад. И вдруг меня прошиб холодный пот. Если мне снова восемнадцать... Если это не сон... Значит... Я действительно получил второй шанс. Значит, я... Круженов Егор Дмитриевич... Я несколько раз повторил имя про себя, привыкая к нему. «Егор Дмитриевич Круженов... Теперь это я.» А как зовут моего соседа? Стоило об этом подумать, как память сама выдала ответ. Димкеев Василий. Отчество, как ни старался, вспомнить не смог. Странное ощущение. Будто в голове лежали две жизни одновременно. Одна моя, прожитая до самой смерти. Вторая этого восемнадцатилетнего парня. Стоило о чем-то задуматься, как нужное воспоминание само всплывало из глубины памяти. Я помнил общежитие. Помнил корпуса энергетического института. Помнил преподавателей. Даже Семеныча вспомнил. Занудный мужик, если честно. Быстро умывшись, почистив зубы и натянув одежду, я выскочил вслед за Василием. Общежитие стояло прямо через дорогу от энергетического факультета, поэтому до первой пары мы добрались за несколько минут. Я влетел в аудиторию и остановился. Тридцать один человек. Двадцать три девушек. Восемь парней. Я никого не считал. Просто память сама подсказала. Чего стоим? раздался недовольный голос. Я словно очнулся. За преподавательским столом стоял Семеныч. Лет сорока с небольшим. Уже заметно седой, но с густой шевелюрой. Он внимательно разглядывал группу так, словно видел нас впервые. Все быстро расселись. Я занял место за первой партой. Семеныч обвел аудиторию тяжелым взглядом и вместо обычного приветствия произнес: Ну что... никто еще замуж не вышел? В аудитории стояла тишина. Может, хоть кто-нибудь забеременел? Девчонки смущенно покраснели. Парни дружно опустили головы. Никто даже не улыбнулся. Шутки Семеныча были опасны. Засмеешься не вовремя потом всю сессию будешь пересдавать именно ему. А электротехника была профильным предметом. Провалишь можно сразу собирать вещи. Семеныч еще раз оглядел аудиторию, отвернулся и крупными буквами написал на доске: «ДВИЖЕНИЕ ЭЛЕКТРОНОВ» Потом резко развернулся. Кто мне скажет,

чем электроны отличаются от сперматозоидов? Девушки окончательно смутились. Парни сделали вид, что вопрос их вообще не касается. Я мысленно выругался. У меня была одна старая болезнь. Сначала говорил. Потом думал. Сперматозоиды всегда имеют направление, услышал я собственный голос. Но результата обычно добивается один. Ну, иногда два. А электроны движутся все вместе, переносят энергию и работают, пока не потеряют ее в сопротивлении среды. В аудитории повисла такая тишина, что стало слышно, как где-то в углу тикают старые часы. Семеныч долго смотрел на меня. Очень долго. Потом спросил: Фамилия. Я поднялся. Круженов. Он медленно причмокнул губами. И фамилия у тебя странная... После этого спокойно повернулся к доске и продолжил лекцию, будто ничего не произошло. Я облегченно выдохнул. Первая пара закончилась незаметно. Потом была еще одна. Следующая лекция проходила уже в другом корпусе. Пока мы переходили через двор, девушки сбивались в небольшие компании, шептались и иногда посматривали в мою сторону. Некоторые улыбались. Другие откровенно смеялись. Мне казалось, что смеются именно надо мной. Я опустил голову и молча шел рядом с Василием. Спорить или что-то доказывать не хотелось. Да и не смог бы. Стоило мне начать волноваться, как я начинал заикаться. Эта особенность досталась мне вместе с новым телом. И бороться с ней я пока не умел.

Глава 2

Я вошел в аудиторию и, чтобы лишний раз ни на кого не смотреть, снова занял место за первой партой. Через несколько секунд рядом со мной села яркая девушка. Черные колготки, короткая юбка, уверенный взгляд. Она закинула ногу на ногу и выставила ее в проход, лениво покачивая носком туфельки. Я старательно смотрел вперед. Но боковым зрением все равно замечал это движение. Организм восемнадцатилетнего парня отреагировал быстрее, чем разум шестидесятилетнего мужчины. «Вот же...» Пришлось неловко прикрыться пиджаком. Кажется, девушка что-то поняла. Краешком губ она едва заметно усмехнулась, но ничего не сказала. А я был на вершине блаженства. У меня эрекция. Которой не было уже десять лет. Вот это блаженство. В этот момент дверь аудитории распахнулась. Вошел Семеныч. Все мгновенно разбежались по своим местам. Сегодня лекцию по электротехнике должен был читать декан, но его почему-то заменял Семеныч. Для всего первого курса энергофака московского энергетического института это было плохой новостью. Семеныч медленно оглядел аудиторию. Показал головой. Это откуда столько девчат набрали? проворчал он. Вы что, всю жизнь собрались только показания счетчиков снимать? В аудитории повисла привычная тишина. Он подошел к доске, взял мел, потом передумал, положил его обратно, тщательно вытер мокрой тряпкой руки и только после этого повернулся к студентам. А теперь простой вопрос. Чем атом отличается от электрона? Электрон самая активная часть атома! крикнул кто-то с верхних рядов. Мы что, на базаре? резко перебил Семеныч. Он медленно прошелся взглядом по аудитории. Вы будущие инженеры. Будущие энергетики. На вас рабочие смотреть будут, дети вами восхищаться должны. Если есть что сказать встаньте, представьтесь и ответьте. Или хотя бы выскажите свою догадку. Аудитория снова замолчала. Это была лекция. На лекциях обычно можно было просто сидеть и делать вид, что внимательно слушаешь. Но мой язык, как всегда, оказался быстрее головы. Атом отличается от электрона наличием ядра, услышал я собственный голос. Семеныч неторопливо направился к первой парте. По дороге его взгляд остановился на девушке рядом со мной. Она по-прежнему покачивала ногой. У вас нервный тик? спокойно спросил он. Девушка мгновенно опустила ногу и вжалась в спинку стула. Если нервный тик, переводитесь на физкультурный факультет. Там ногами махать полезнее. По аудитории пробежали сдержанные смешки. Потом Семеныч перевел взгляд на меня. Круженов. Я поднялся. Он похлопал меня по плечу. Запомнил я тебя, Егор.

Потом повернулся к девушке. Будьте добры, выйдите из-за парты. Она молча поднялась. Семеныч вывел меня в проход и развернул лицом к аудитории. Смотри внимательно, Егор, громко сказал он. Запоминай эти лица. И не вздумай ни на ком жениться. В аудитории кто-

то тихо хихикнул. После первой сессии половина этих барышень вылетит. Так что не успеешь привыкнуть. Он хлопнул меня по плечу. Садись. Потом указал девушке на свободное место несколькими рядами выше. А вы пересядьте. Здесь лекцию слушают, а не спектакли устраивают. Она молча взяла тетрадь и пересела. Семеныч вернулся к доске, словно ничего необычного не произошло. Итак, продолжим. Раз уж один человек в аудитории помнит, что у атома есть ядро, попробуем разобраться, почему без электронов вся наша энергетика превратится в грудку бесполезного железа... Слушая лекцию, я все чаще ловил себя на странной мысли. Я совершенно не помнил, каким был Егор Круженов. Веселым? Замкнутым? Наглым? Или тихоней, которого никто не замечал? Судя по тому, что рядом со мной никто не стремился сидеть, друзей у Егора почти не было. На отличника он тоже не походил. Обычный студент. Один из многих. Но кто он на самом деле? Как это узнать? И у кого спросить? Круженов! раздался голос Семеныча. Ты там ядерный коллайдер изобретаешь? Я поднялся. Его уже давно изобрели ответил я. Вот как? удивился Семеныч с таким видом, будто услышал мировую сенсацию. И кто же его изобрел? Он неторопливо подошел ко мне почти вплотную. От его взгляда я всегда терялся. Да еще это новое тело... Стоило заволноваться и язык начинал жить своей жизнью. Я... ядерный коллайдер... кто именно... не знаю, начал я, чувствуя, как снова появляется заикание. Но... он был развитием идеи циклотрона. Его изобрел американский физик Эрнест Лоуренс. За это он получил Нобелевскую премию. Семеныч молча смотрел на меня несколько секунд. Потом привычно похлопал по плечу. И ты, Егор, однажды получишь Нобелевскую премию. По аудитории пробежал смешок. Запомни мои слова. После этого он как ни в чем не бывало повернулся к доске и продолжил лекцию. Я только выдохнул. До конца занятия Семеныч больше меня не трогал. Когда прозвенел звонок, я специально не стал торопиться. Пусть сначала выйдет толпа. Я медленно складывал тетради, когда услышал: Круженов, задержись. Аудитория быстро опустела. Семеныч закрыл журнал и внимательно посмотрел на меня. Скажи честно. Ты настоящий студент? Я даже растерялся. Самый настоящий. Он усмехнулся. Тогда есть предложение. Я насторожился. Мне на кафедру нужен лаборант на полставки. Он выдержал небольшую паузу. Восемьдесят рублей в месяц. Я быстро прикинул в уме. Для студента это были огромные деньги. Если считать умеешь, то поймешь это почти двойная стипендия. А повышенную ты, насколько я знаю, пока не получаешь. Я машинально покачал головой. Потом вдруг вспомнил, что вообще-то не знаю, получал ли Егор повышенную стипендию, и неуверенно качнул головой в другую сторону. Семеныч рассмеялся. Понял, понял. Запутался. Он протянул мне руку. С понедельника после занятий приходи на кафедру. Посмотрим, что ты умеешь. Я крепко пожал его ладонь. Спасибо... Не благодари, перебил он. Я талант за версту чую. Он, как всегда, хлопнул меня по плечу и вышел из аудитории. Я остался один. Постоял несколько секунд. Потом вдруг подпрыгнул от радости. Есть! Работа! Настоящая работа в институте! С зарплатой! Это означало, что теперь я смогу жить не только на стипендию. Я почти бегом помчался в буфет. Сегодня я мог позволить себе роскошь. Горячую булочку. И стакан сладкого компота. Сам не знаю почему, но именно компот я любил с самого детства. Вернее... Теперь уже с детства Егора Круженова. Преамбула: здесь уже можно показать первое отличие взрослого человека от восемнадцатилетнего студента. Для остальных булочка просто перекус, а для героя, прожившего долгую жизнь, это почти праздник. В буфете, как всегда, стоял гул. Кто-то громко спорил о футболе. Девчонки смеялись у окна. Из кухни тянуло запахом свежей выпечки. Я остановился у витрины. Что будем? спросила полная буфетчица в белом колпаке. Я улыбнулся. Булочку с повидлом... и стакан компота. Она удивленно посмотрела на меня. И все? Я едва не рассмеялся. «Если бы ты знала, что еще час назад я был стариком на пенсии, ты бы не удивлялась.» Пока все. Получив поднос, я сел в самый дальний угол. Булочка оказалась еще теплой. Я осторожно отломил кусочек. Сладкое повидло обожгло язык. Я медленно прожевал. Закрыв глаза. Никогда бы не подумал, что обычная булочка может быть такой вкусной. В прошлой жизни я проглатывал еду на ходу. Работа. Дела. Проблемы. Потом

вообще перестал замечать, что ем. А сейчас... Я наслаждался каждым кусочком. Компот был холодным. Самый обычный из сухофруктов. Но для меня он оказался вкуснее любого дорогого напитка. Можно? Я поднял голову. Напротив стоял высокий парень в спортивной куртке. Память услужливо подсказала: Андрей Корнеев. Из соседней группы. Хороший спортсмен. Не отличник, но парень правильный. Садись. Он поставил поднос и внимательно посмотрел на меня. Ты чего сегодня с Семенычем вытворял? А что? Весь поток уже гудит. Из-за чего? Ты первый человек, которого он не сожрал, а похвалил. Я усмехнулся. Сам удивляюсь. Андрей откусил огромный кусок беляша. Слушай... А ты правда все это про циклотрон знал? Знал. Откуда? Я на секунду задумался. Не мог же я сказать, что прожил еще одну жизнь. Читать люблю. Вот оно что... Он кивнул так, будто получил исчерпывающий ответ. Потом неожиданно спросил: В шахматы играешь? Я чуть не поперхнулся компотом. Шахматы... В прошлой жизни я играл почти каждый вечер. Иногда сам с собой. Иногда с соседом по двору. Немного. Тогда приходи сегодня в семь в красный уголок общаги. У нас каждую среду собираются. Я улыбнулся. Приду. Андрей поднялся. Тогда до вечера. Он ушел, а я еще долго сидел с пустым стаканом в руках. Еще час назад я был одиноким стариком, которого собственная семья давно перестала замечать. А сейчас... У меня была молодость. Учеба. Работа. И, кажется... Появился первый человек, который просто подошел познакомиться. Я улыбнулся сам себе. «Нет, Егор...» «В этот раз ты не проживешь жизнь от пятницы до пятницы.» «В этот раз все будет иначе.»

Глава 3

Третьей парой была политэкономия. Вел ее доктор философских наук Фархид Михайлович Измайлов. Невысокий, худощавый мужчина с беспокойными, постоянно бегающими глазами. Во время лекции он почти не стоял на месте. То стремительно ходил между рядами, то неожиданно останавливался возле какой-нибудь красивой студентки и продолжал рассказывать, словно обращался только к ней. Остальная аудитория постепенно начинала шуметь. В какой-то момент Измайлов резко выпрямился. Товарищи студенты! громко произнес он. Кто мне скажет, в каком месяце проходил Апрельский пленум ЦК КПСС? Все дружно уткнулись в конспекты. Каждый надеялся, что вопрос достанется кому-нибудь другому. Но мой язык снова оказался быстрее головы. Студент Круженов, в апреле. Преподаватель удивленно посмотрел на меня. Что в апреле? Пленум. Какой пленум? Апрельский. По аудитории пробежал смехок. Измайлов нахмурился. Молодой человек, вы надо мной издеваетесь? Я спокойно поднялся. Странное дело, но рядом с ним я совсем не чувствовал робости. Наоборот, казалось, что разговариваю с человеком значительно моложе себя. Нет, не издеваюсь. Тогда объясните. Апрельский пленум ЦК КПСС проходил в апреле. Поэтому он и называется апрельским. Несколько секунд в аудитории стояла тишина. Потом Измайлов неожиданно улыбнулся. Он подошел ко мне почти вплотную, взял под локоть и с воодушевлением произнес: Вот она, молодежь! Вот такими и должны быть будущие коммунисты. Не бояться отстаивать свою точку зрения! Я невольно смутился. Как ваша фамилия, молодой человек? Круженов. Молодец, Круженов! Он похлопал меня по плечу и наконец отпустил. До конца лекции Измайлов то и дело возвращался взглядом к моей парте. Казалось, ему хотелось снова втянуть меня в спор, поэтому он периодически задавал провокационные вопросы всей аудитории, но уже не дожидаясь моего ответа. Наконец прозвенел звонок. Когда студенты начали расходиться, преподаватель окликнул меня: Круженов, задержитесь на минуту. Я подошел. Не хотели бы записаться в наш политический кружок? Я только открыл рот, а язык уже ответил сам: Спасибо за доверие. С удовольствием, но у меня сейчас с деньгами трудно. После занятий приходится подрабатывать вагоны разгружаю. Измайлов понимающе кивнул. Да, знаю... студентам сейчас нелегко. Он снова дружески взял меня под локоть. Но вы все-таки подумайте. Такие активные ребята нам нужны. Обязательно подумаю. Он отпустил мою руку и ушел. Я облегченно выдохнул. Сам не знаю почему, но его привычка подходить слишком близко, брать собеседника под руку и говорить почти вплотную вызвала у меня необъяснимое чувство неловкости. «Станный все-таки

человек...» подумал я и направился к выходу из аудитории. Ну вот и закончился первый учебный день. Я медленно шел к общежитию, засунув руки в карманы. Достав мелочь, пересчитал деньги. Три рубля. И это на целую неделю. Я невольно усмехнулся. В прошлой жизни я ворочал тысячами. Потом десятками тысяч. Покупал машины, строил дома, заключал договоры, торговался из-за миллионов. А сейчас стоял посреди институтского двора и радовался трем рублям. «Жизнь умеет шутить...» Я еще раз пересчитал деньги. Три рубля. На эти деньги можно было прожить, но очень скромно. Память Егора подсказала привычный распорядок. Завтрак хлеб с чаем. Обед студенческая столовая, если хватит денег. Ужин опять хлеб. Иногда удавалось купить пачку пельменей и сварить их всем этажом. Я вздохнул. Ничего... Бывало и хуже. В конце концов, я уже однажды начинал жизнь почти с нуля. Теперь хотя бы был молодым. У дверей общежития сидела вахтерша. Полная женщина лет пятидесяти в толстых очках. Она подняла голову от вязания. Круженов! Здравствуйте. Опять последний пришел. Я посмотрел на часы. До закрытия общежития было еще четыре часа. Так рано же... Для тебя рано, а для меня поздно, буркнула она и снова принялась вязать. Я поднялся на второй этаж. В длинном коридоре привычно пахло жареной картошкой, стиральным порошком и табачным дымом. Из одной комнаты доносился смех. Из другой кто-то брэнчал на гитаре. Где-то спорили о футболе. Из открытой кухни тянуло ароматом жареного лука. Я остановился. Странно... Еще утром это место было мне совершенно чужим. А сейчас казалось почти родным. Память Егора незаметно делала свое дело. Я вошел в комнату. Василий уже лежал на кровати с книгой в руках. Ну что, будущий академик, не поднимая головы, сказал он. Вся общага уже знает, что Семеныч тебя к себе лаборантом позвал. Я удивленно посмотрел на него. Так быстро? А ты думал? Здесь новости быстрее электричества распространяются. Он наконец поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Слушай... а ты сегодня какой-то другой. В смысле? Не знаю... Обычно ты молчишь как рыба. Слова лишнего не вытянешь. А сегодня преподавателям отвечаешь, будто всю жизнь только этим и занимался. Я улыбнулся. Может, поумнел. Василий громко рассмеялся. Тогда завтра еще умнее стань. Нам по сопромату тоже отличник пригодится. Я тоже засмеялся. И вдруг понял одну простую вещь. Вот он. Первый ответ на вопрос, который мучил меня весь день. Егор Круженов был молчуном. Тихим, незаметным парнем, которого почти никто не замечал. А значит... С сегодняшнего дня это могло измениться. Не успел я открыть дверь комнаты, как в конце коридора раздался властный женский голос: Круженов! А ну-ка зайди ко мне! Я обернулся. В памяти сразу всплыло: Комендант общежития. Гроза всех студентов. Если она кого-то вызывала к себе, ничего хорошего это обычно не означало. Я вздохнул и направился к небольшой каморке в конце коридора. Она сидела за старым письменным столом, заваленным журналами, ключами и какими-то ведомостями. Едва я переступил порог, как она строго посмотрела поверх очков. Круженов, ты почему сегодня на отработку не пришел? Я уже открыл рот, чтобы оправдаться, но вдруг заметил, как она поморщилась и потеряла шею. Движение было таким привычным, что я сразу понял. Шейный остеохондроз. Боль. Напряженные мышцы. Не знаю почему, но ноги сами понесли меня к ней. Разрешите? Она удивленно подняла брови. Что разрешить? Шею посмотрю. Не дожидаясь ответа, я аккуратно положил руки ей на плечи. Пальцы сами нашли напряженные мышцы. Спасибо прошлой жизни. Когда-то я окончил курсы лечебного массажа. Тогда денег катастрофически не хватало, и приходилось хвататься за любую возможность заработать. Карьера массажиста у меня не сложилась, зато технику я запомнил на всю жизнь. Да и жене потом много лет делал массаж после работы. Я медленно разминал мышцы шеи и плеч. Через минуту комендант закрыла глаза. Лицо, еще недавно суровое, заметно расслабилось. Ох... тихо выдохнула она. Круженов... Я продолжал работать, не отвечая. Ты почему в медицинский институт не пошел? Я невольно улыбнулся. Мама не пустила. Она тихо усмехнулась, не открывая глаз. И правильно сделала. Маму надо слушать. Мать плохого не посоветует. Через несколько минут мышцы под моими пальцами стали мягче. Женщина медленно открыла глаза. Несколько раз повернула

голову сначала вправо, потом влево. На лице появилось неподдельное удивление. Надо же... Она сделала еще одно движение шеей. Не болит... Потом внимательно посмотрела на меня. Совсем другим взглядом. Не как на очередного студента, а как на человека, который только что избавил ее от боли. Так... Круженов... Она помолчала. Считаю, сегодняшнюю отработку ты уже прошел. Я улыбнулся. Спасибо. Нет... Это тебе спасибо. Она снова осторожно повернула голову. Если шея опять прихватит... зайдешь? Конечно. Когда я вышел из комендантской, настроение было совсем другим. За один день я получил работу на кафедре. Познакомился с преподавателями. И, кажется, впервые за долгое время сделал человеку что-то действительно полезное. Я поймал себя на мысли, что начинаю привыкать к этой новой жизни. Только Анна Павловна... наконец вспомнил я имя коменданта. Она с удовольствием покрутила головой. И правда легче стало. Потом внимательно посмотрела на меня. Ты где этому научился? Немного занимался... неопределенно ответил я. Она одобрительно кивнула. Молодец, Круженов. Я уже хотел попрощаться, но мой язык снова решил жить собственной жизнью. Только массаж это не разовая процедура. Для устойчивого эффекта нужен курс. Хотя бы пять сеансов. Едва слова слетели с языка, я мысленно хлопнул себя по лбу. «Ну вот зачем?» Анна Павловна широко улыбнулась. Вот это ты молодец, Круженов! Я обреченно вздохнул. Значит, сегодня вечером придешь еще раз. Первый сеанс, получается, ознакомительный. А вечером проведешь второй. «Попался...» Хорошо... Завтра тоже зайдешь. Хорошо... И послезавтра. Я только кивнул. Вот и договорились. Она открыла ящик стола, достала толстый журнал и что-то в нем записала. А за сегодняшнюю отработку можешь больше не переживать. Я уже взялся за ручку двери. И, Круженов... Да, Анна Павловна? Если у кого из преподавателей спина или шея болит, не вздумай бесплатно делать. Я удивленно посмотрел на нее. Она хитро улыбнулась. Работа должна оплачиваться. Запомни это. Я невольно рассмеялся. Запомню. Вот и молодец. Выйдя из комендантской, я прислонился к стене. Ну что за язык... В прошлой жизни он тоже постоянно втягивал меня в разные истории. Стоило открыть рот и через пять минут я уже кому-нибудь что-нибудь обещал. Похоже, после переселения эта привычка никуда не исчезла. Я усмехнулся. С другой стороны... Пять бесплатных сеансов массажа это не самая высокая цена за хорошее отношение коменданта общежития. А учитывая, что в общежитии комендант иногда значил больше, чем декан... Может, это была не такая уж плохая инвестиция в новую жизнь.

Глава 4

Не успел я вернуться в комнату, как водоворот событий снова захлестнул меня. В комнате я обнаружил Василия, который торопливо собирал свои вещи. Что случилось? спросил я. Он удрученно посмотрел на меня и вздохнул. Двухместные комнаты только для девочек. Нас переселяют в четырёхместную для мальчиков. Пока я складывал свои нехитрые пожитки, за мной прибежал Андрей. Не говоря ни слова, он схватил меня за руку и буквально потащил в красный уголок. Там шахматный турнир зашёл в тупик. Вся надежда теперь на тебя! Когда мы вошли, я сразу почувствовал напряжение. Меня усадили за доску, и тут же перед моим лицом появились два сжатых кулака. Выбирай. Я машинально указал на один из них. На меня смотрели двадцать глаз, пылающих ненавистью. «Это противники», подумал я. Оглядываться назад не было смысла судя по лицам ребят, наши проигрывали. Кто с кем играл и какой был общий счёт, я не знал. Андрей положил мне на плечо свою тяжёлую ладонь. Я невольно усмехнулся: «Как боксёр может быть шахматистом? Это же настоящий нонсенс». Мне выпало играть чёрными. И тут же удар под дых. e2–e4. С удовольствием. e2–e4. Ход прозвучал как выстрел стартового пистолета. Я молча ответил: e7–e5. В красном уголке повисла такая тишина, что было слышно, как за окном ветер шевелит ветви деревьев. Никто больше не разговаривал. Даже те, кто закончил свои партии, столпились вокруг нашей доски. Первые ходы прошли быстро. Соперник играл уверенно, почти не задумываясь. Было видно, что он рассчитывает задавить меня стремительной атакой. Но чем глубже мы уходили в середину партии, тем медленнее становились его движения. Теперь уже он начал тратить время, а я видел, как его позиция постепенно теряет

стройность. Я заметил слабость на королевском фланге. Она была едва заметной, но существовала. Одна неточность и вся его защита рассыпалась бы. Я сделал несколько спокойных, на первый взгляд ничем не примечательных ходов, постепенно подтягивая фигуры. Ладьи заняли открытые линии, конь прыгнул на сильное поле, слон прицелился в диагональ прямо к королю. Соперник нахмурился. Он понял, что оказался в неприятном положении. Несколько минут он неподвижно смотрел на доску. Потом сделал ход, который, как ему казалось, снимал все угрозы. Я ждал именно этого. Не раздумывая ни секунды, передвинул ферзя. Шах. По комнате словно пробежал электрический разряд. Соперник закрылся ладьёй. Я спокойно забрал её слоном. Теперь шах был двойным. Король бросился в сторону. Ещё два точных хода и все пути к спасению оказались перекрыты. Я поставил ладью на последнюю горизонталь. Мат. Несколько секунд никто не произнёс ни слова. Мой соперник долго смотрел на доску, потом тяжело выдохнул, поднял глаза и медленно протянул руку. Хорошая партия... Я пожал её. И вдруг за моей спиной кто-то закричал: Выиграли! Тишина мгновенно взорвалась радостными криками. Наши победили! Андрей так хлопнул меня по плечу, что я едва не ударился грудью о стол. Я же говорил! Вся надежда была на тебя! Ребята окружили меня со всех сторон. Кто-то смеялся, кто-то хлопал в ладоши, кто-то просто широко улыбался. Даже те, кто несколько минут назад переживал из-за своих поражений, теперь радовались общей победе. Оказалось, моя партия была последней. Общий счёт до неё был ничейным, и именно она решала исход всего турнира. В дальнем углу кто-то громко объявил: Победитель командного турнира наш отряд! Красный уголок наполнился аплодисментами. Несколько человек подняли Андрея на руки, но он только махнул в мою сторону. Это не меня поздравляйте. Вот наш спаситель! Я смущённо улыбнулся. Всего час назад я даже не знал, что сегодня будут шахматы. А теперь держал в руках доску с расставленными фигурами и думал о том, как странно иногда складывается жизнь: иногда один-единственный ход способен изменить настроение целой команды. В суматохе красного уголка все праздновали победу. Кто-то смеялся, кто-то вспоминал самые острые моменты партий, кто-то уже строил планы на следующий турнир. Я же, человек по натуре скромный, не стал купаться в лучах общей славы. Пока все поздравляли друг друга, я незаметно выскользнул из комнаты и отправился собирать вещи. Меня ждало переселение к мальчикам. Едва я вышел из своей комнаты с рюкзаком учебников за плечами и жалким узелком вещей в руке, как за спиной раздался знакомый женский голос: Круженов! Ты куда? Я обернулся. Анна Павловна. В голове сразу мелькнула мысль: «Ну всё. Сейчас отправит меня в самый дальний и самый плохой угол общежития». Тебе в комнату пятнадцать, спокойно сказала комендантша. «Капец», только и успел подумать я. Первый этаж. Наверное, рядом с душем или туалетом, где круглые сутки сырость, грохот дверей и бесконечная беготня студентов. Но действительность оказалась гораздо хуже моих ожиданий. Комната №15 находилась в самом дальнем конце длинного коридора. Туда почти никто не заходил. Рядом располагались костельная и два склада с постельным бельём. Старшекурсники рассказывали, что этот угол общежития всегда пустовал. Почему никто толком не объяснял. Просто все старались обходить его стороной. Коридор встретил меня полумраком. Лампочка под потолком давно перегорела, и свет сюда почти не проникал. На двери комнаты когда-то висел номер. Теперь от него сохранилась только цифра «5». Единица исчезла давным-давно, и лишь бледный след краски на двери напоминал, что когда-то здесь была пятнадцатая комната. Я толкнул дверь и вошёл. Комната оказалась неожиданно просторной человек на шесть. Но мебели было совсем немного. У одной стены стояла старая железная кровать с панцирной сеткой. У другой огромная деревянная тахта, каких я раньше никогда не видел. Почти два на два метра, с толстым пружинным матрасом и без привычных спинок. Больше она напоминала небольшой помост, чем кровать. Кроме этого в комнате находились старый шкаф, тумбочка и единственный деревянный стул. Стола не было. Я бросил свой матрас на железную кровать и с сомнением посмотрел на шкаф. «Интересно, как его собираются делить на шестерых?» Ответа не находилось. Я сел на един-

ственный стул, разложил учебники на тумбочке и тяжело вздохнул. «Да... Жизнь настоящая зебра. Только кажется, что пошла белая полоса, как сразу начинается новая». До начала занятий оставалось ночь. Я уже решил приготовить конспекты на завтра, когда дверь неожиданно распахнулась. Круженов! Ты что делаешь?! От неожиданности я вскочил так резко, что стул закрипел по полу. Сердце ухнуло куда-то вниз. «Что ещё? Что я опять успел натворить?..» Комендантша вошла в комнату, решительно закрыла за собой дверь и, согнав меня со стула, сказала: Массаж, говоришь? И для устойчивого эффекта нужно не меньше пяти сеансов? Она лукаво улыбнулась. Вот я и решила: чего тянуть? С этими словами Анна Павловна подошла к огромной тахте, накрыла её чистой простынёй и легла на живот. Проведёшь мне сеанс переселю тебя в четырёхместную комнату, объявила она. Не справишься пойдёшь жить на общих условиях, в шестиместную. Она произнесла это таким тоном, что я так и не понял, шутит она или говорит всерьёз. Я удручённо присел на край тахты и машинально стал растирать ладони. На кону, казалось, стояла вся моя дальнейшая жизнь в общежитии. После переселения и всех недавних событий мне меньше всего хотелось оказаться в шумной комнате, где с утра до ночи кто-то спорит, смеётся, включает музыку и хлопает дверями. «Ну что ж, подумал я. Шахматную партию сегодня выиграл. Посмотрим, удастся ли выиграть ещё и эту». Я сделал глубокий вдох, стараясь унять волнение, и приступил к работе, сосредоточившись на том, чтобы выполнить массаж так же добросовестно, как и обещал.

Глава 5

Я начал массаж с лёгкого растирания спины, постепенно разогревая мышцы. К собственному удивлению, руки сами вспомнили всё, чему меня когда-то учили. Каждое движение получалось уверенным и точным, словно между теми занятиями и сегодняшним днём не прошло ни одного года. Спина Анны Павловны показалась мне удивительно крепкой. Она невольно напомнила мне спину жены в расцвете её зрелости такой же сильной, с хорошо развитыми мышцами и ровной осанкой. Это сравнение мелькнуло в голове и тут же исчезло: сейчас было не до воспоминаний. Ладони уверенно скользили по коже, разогревая мышцы, снимая напряжение после долгого рабочего дня. Я старался не торопиться, внимательно ощущая, где мышцы были особенно зажаты, а где уже начинали расслабляться. На кону стояло моё спокойное и комфортное проживание в общежитии. Именно поэтому я работал с полной отдачей, вкладывая в каждое движение всё своё умение и всё своё старание. Мне хотелось не просто выполнить обещание, а доказать Анне Павловне, что мои слова о массаже не были пустым хвастовством. Мои ладони скользили по её спине и чувствовал как расслабляется её тело. Мышцы её расслаблялись и кожа краснела. Как это произошло я сам не осознал но я оказался верхом на ней. Мне было так удобнее. Но в какой то момент я заметил ее очертаемую талию и выпуклую попку. Я уже вошел в раж и вдавливал свои пальцы в ее мышцы. Она стонала и наслаждалась процессом. И даже когда я приспустил ей трусики и мой набухший член проник в ее полость между ног . Она продолжала стонать. И двигалась телом направляя его туда куда ей хотелось . И вот раздался сладостный стон и ее тело напряглось на секунду и попка ее вздыбилась вверх запуская меня в самые недра. Я как и раньше замер давая женщине ощутить все прелести ощущений. Она затихла расслабившись всем телом. Не выходя из нее я провел растирание всех мышц спины и сел у ее прекрасной попки. И сделал ей массаж ягодицы и седалищного нерва. Я удивляясь сам наблюдал как встают дыбом ее волоски на загривке. От этого я так возбудился что стал вдавливать в нее свое тело . Она выгибала спинку подставляя свое нутро и сладко стонала. Наконец она вздрогнула всем телом и скинув меня развернулась и впиалась своими пухлыми губами в меня. Какой это был сладкий поцелуй и я кончил . Она задрала ноги запуская меня в свое нутро. И горячо задышала мне в ухо оглушая меня своими стонами. Я схватил ее за плечи и вонзился в ее тело. Она вздрогнула всем телом и затихла . Я чувствовал как извергаюсь в ее нутро . а она поглаживая меня по спине горячими ладошками наслаждалась этим процессом. Мы еще долго наслаждались этим процессом боясь признаться друг

другу. Тем что мы совершили. Наконец она собралась силами и оттолкнула меня. Но я осыпал ее поцелуями вспомнив свою жену и продолжал ласкать не выпуская из объятий. Вдруг она произнесла ласково мне в ухо . Ты меня замучил . Не спеши я останусь до утра. Я откинулся на спину . Благо такта это позволяла и уснул. Проснулся я от запаха жареной яичницы. Для человека, оказавшегося почти без денег, любой горячий завтрак казался настоящей роскошью. Я открыл глаза, прислушался. Из-за двери доносилось тихое позвякивание посуды и аппетитный аромат свежее поджаренной колбасы. Натянув трико, я заметил на двери чистое полотенце. «Странно...» Подойдя ближе, обнаружил ещё одну дверь. За ней оказался небольшой душ персональный, только для этой комнаты. «Вот это да...» подумал я . А принявшись обнаружил что мое тело пахнет пиздятиной. Через несколько минут, приведя себя в порядок, я вышел в комнату и замер на пороге. Передо мной был накрыт стол. Большая тарелка с яичницей из нескольких яиц, рядом два румяных тоста с маслом, жареная колбаса и кружка горячего чая. Даже в самых смелых мечтах я не представлял себе такого завтрака. После последних месяцев, когда приходилось считать каждую копейку, этот стол казался настоящим пиршеством. Я не стал церемониться. Набросился на еду с таким аппетитом, словно не ел несколько дней. Лишь немного утолив голод, поднял глаза. Анна Павловна сидела напротив и молча наблюдала за мной. На её лице была спокойная, почти материнская улыбка. Она словно радовалась не тому, что приготовила завтрак, а тому, с каким удовольствием я ел. В этот момент я всё понял. Это была не просто благодарность за вчерашний массаж. По-своему она пыталась позаботиться обо мне молодом парне, который оказался далеко от дома, почти без денег и без привычной поддержки. Я молча доел последний кусок тоста и тихо произнёс: Спасибо, Анна Павловна. Она лишь махнула рукой. Ешь, Круженов. Студент должен быть сытым. На голодный желудок ни учёба, ни работа в голову не идут. Наевшись до отвала, я собрал сумку с учебниками и отправился на занятия. В этот раз я не опаздывал. Не нужно было бежать, перепрыгивая через ступеньки и расталкивая студентов. Я спокойно шагал по длинному коридору института, с интересом рассматривая всё вокруг. Круженов! Я услышал женский голос и даже не вздрогнул. За последние дни я уже начал привыкать к тому, что меня постоянно кто-нибудь окликает. Лениво обернувшись, я увидел секретаря декана. Зайди в деканат. Это прозвучало совсем не как приговор. Скорее как обычное приглашение. Я вошёл в приёмную. Секретарь открыла папку, достала лист бумаги с печатями и протянула его мне. Вот направление на медицинский осмотр. Пройдёшь сегодня. От занятий освобождён. Я молча взял направление. Даже не удивился. Моя жизнь менялась с такой скоростью, что я перестал чему-либо поражаться. Она действительно была похожа на шкуру зебры: сегодня полоса чёрная, завтра белая. А иногда всё зависело лишь от того, с какой стороны на неё посмотреть. Студенческая поликлиника находилась сразу за главным корпусом института. Память безошибочно подсказала дорогу. В регистратуре быстро оформили карточку. Сначала лаборатория. Сдал кровь. Потом мочу. После этого началось путешествие по кабинетам с медицинским «бегунком» в руках. Терапевт. Хирург. Окулист. ЛОР. Невропатолог. Всех врачей я обошёл меньше чем за час. Я невольно усмехнулся. «Вот она молодость». В моей настоящей жизни всё выглядело совсем иначе. Перед каждым кабинетом длинные очереди. Пока дождёшься своей очереди, уже начинаешь бороться не только с раздражением, но и с одышкой. Врачи спрашивают про давление, холестерин, сахар, лекарства... А здесь... Мне всего восемнадцать. Давление как у космонавта. Пульс ровный. Сердце работает как часы. Ни холестерина, ни таблеток, ни вечных разговоров о здоровье. «Давление? Холестерин? Да вы о чём?» усмехнулся я про себя. Я снова был молод. И организм ещё не знал, что такое годы. Последним в моём бегунке значился кабинет главного врача. Я постучал. Войдите. За массивным столом сидел пожилой мужчина в белом халате. Он не спеша перелистал мою медицинскую карту, просмотрел результаты анализов, поднял глаза и внимательно посмотрел на меня поверх очков. Жалобы есть? Никаких. Он взял фонендоскоп. Дышите... Не дышите... Ещё раз глубоко вдохните. Потом измерил давле-

ние, попросил несколько раз присесть, проверил коленные рефлексы маленьким молоточком. Спортом занимались? Немного. Вижу. Он сделал несколько пометок в карте, поставил размашистую подпись и жирную круглую печать. Здоров. Годен без ограничений. Я взял бегунок и уже собирался уходить, как врач неожиданно остановил меня. Круженов... Да? Береги здоровье, пока оно есть. В молодости кажется, что оно бесконечное. Потом понимаешь, что это самый ценный капитал. Я улыбнулся. Если бы он только знал, что перед ним стоит человек, который уже прожил целую жизнь и прекрасно понимает цену этим словам. Спасибо, доктор. Я вышел из кабинета. На улице стояла тёплая осень. Лёгкий ветер шевелил жёлтые листья тополей, а по дорожкам между корпусами спешили студенты. Кто-то смеялся, кто-то на ходу листал конспекты, кто-то нёс под мышкой кульман. Я остановился на крыльце и глубоко вдохнул. До конца занятий оставалось ещё несколько часов. Возвращаться в общежитие было рано. «А почему бы не познакомиться с институтом поближе?» подумал я. Спрятав медицинские документы в сумку, я неторопливо направился к учебным корпусам. Теперь никто никуда не гнал меня, никто не требовал срочно явиться или что-то подписать. Впервые за последние дни у меня появилось несколько свободных часов. И я решил потратить их на то, чтобы просто пожить жизнью обычного студента.

Глава 6

Я медленно шёл по аллее между корпусами института, впервые никуда не торопясь. Странное чувство. Последние несколько дней моя жизнь напоминала пожар: общежитие, шахматы, переселение, массаж, новые знакомства... А сейчас вдруг наступила тишина. Во дворе института кипела обычная студенческая жизнь. Возле крыльца курили старшекурсники, оживлённо споря о каком-то зачёте. На скамейках сидели девушки с раскрытыми конспектами. Кто-то брэнчал на гитаре, а неподалёку несколько парней играли в настольный теннис. Я поймал себя на мысли, что смотрю на всё это совсем не так, как восемнадцатилетний мальчишка. Для них это была обыденность. Для меня возможность ещё раз прожить молодость. Я подошёл к расписанию занятий. На большой фанерной доске под стеклом висели листы с расписанием всех факультетов. «Первая пара высшая математика... Потом инженерная графика... После обеда материаловедение...» Я улыбнулся. Когда-то эти названия наводили на меня тоску. Теперь же казались подарком судьбы. Круженов! Я даже рассмеялся. «Да что же сегодня каждый второй знает мою фамилию?» Ко мне быстрым шагом приближался Андрей. Вот ты где! А мы тебя по всему институту ищем. Зачем? Сегодня после занятий собрание. Формируют сборные института. Какие ещё сборные? По всему. Волейбол, баскетбол, лёгкая атлетика... И шахматы тоже. Я вопросительно посмотрел на него. А я тут при чём? Андрей удивлённо хмыкнул. Ты ещё спрашиваешь? После вчерашнего турнира весь институт только и говорит о тебе. Ты вытащил команду. Теперь тебя хотят видеть в сборной института. Я только покачал головой. Ещё неделю назад я думал лишь о том, где взять денег на еду. А теперь меня собирались записывать в сборную. «Вот ведь жизнь...» подумал я. «Стоит только перестать строить планы, как она начинает строить их за тебя.» Мы медленно пошли к главному корпусу. Кстати, как бы между прочим сказал Андрей, говорят, тебя комендантша в пятнадцатую комнату переселила? Переселила. Повезло тебе. Я остановился. Повезло? Ты первый человек, который так сказал. Андрей посмотрел на меня с недоумением. Конечно повезло. Эта комната всегда считалась комендантской. Там раньше жили преподаватели, которые приезжали на курсы повышения квалификации. Душ отдельный, мебели меньше, зато тишина. Туда кого попало не селят. Я почувствовал, как у меня внутри всё перевернулось. Значит, это не случайность. Анна Павловна не просто выполнила своё обещание. Она действительно выделила мне лучшую комнату во всём общежитии. И только сейчас я начал понимать, почему вчера она так внимательно смотрела на меня за завтраком. Вот так, пребывая в лёгкой эйфории, я поднимался по лестницам института. Настроение было отличное. Медосмотр позади, впереди свободный день. Казалось, жизнь наконец-то повернулась ко мне светлой стороной. Круже-

нов! Я невольно улыбнулся. «Да что ж такое? Сегодня моя фамилия звучит чаще собственного имени». И снова женский голос. Я обернулся. В коридоре стояла женщина лет сорока. Невысокая, худощавая, с аккуратно собранными волосами. Судя по выражению лица, она была явно не в духе. Я подошёл. Ты почему занятия пропустил? В её голосе звучало искреннее возмущение. Мне почему-то стало её жалко. Простите, Валентина Сергеевна. Меня вызывали в деканат. Потом отправили на медосмотр. Вот направление... Она даже не посмотрела на бумаги. Лишь недовольно поджала свои тонкие губы. Общественные дела, конечно, важны, сказала она уже спокойнее. Но с таким отношением к математике ты получишь неудовлетворительно уже в этом семестре. Я растерянно молчал. Она открыла журнал, пролистала несколько страниц и посмотрела прямо мне в глаза. Ты что, в школе совсем не учился? Я почувствовал, как внутри всё похолодело. В твоей контрольной работе пять ошибок из пяти. Она взяла со стола мою тетрадь и слегка потрясла ею в воздухе. Пять из пяти, Круженов! Ты не знаешь элементарных вещей. Элементарных! А поступил в институт, где высшая математика один из основных предметов. Мне нечего было ответить. Она была права. Восемнадцатилетний я действительно не блистал знаниями. А тот я, который сейчас стоял перед ней, за прошедшие годы давно забыл школьную алгебру. Остались только воспоминания о работе, семье и прожитой жизни. Исправляйся, уже тише сказала Валентина Сергеевна. Пока ещё не поздно. Она скрылась в аудитории, а дверь тихо закрылась прямо передо мной. Я остался один в пустом коридоре. Несколько секунд смотрел на табличку с номером аудитории, потом невольно усмехнулся. Вот она... зебра. Только что казалось, что жизнь наконец-то стала белой полосой: отдельная комната, душ, вкусный завтрак, хорошее отношение комендантши. И вот первая двойка, первое серьёзное предупреждение. Похоже, судьба решила напомнить мне простую истину: если в одной области тебе начинает везти, это вовсе не означает, что все остальные проблемы исчезли сами собой. Я ещё несколько секунд постоял у двери аудитории. «Пять ошибок из пяти...» эхом звучали в голове слова Валентины Сергеевны. Обижаться было бессмысленно. Она не унизила меня. Она сказала правду. В той, прошлой жизни, мне приходилось считать тонны топлива, вести бухгалтерию, заключать договоры, строить планы. Но попробуй сейчас разбудить меня среди ночи и спросить формулу сокращённого умножения... Не уверен, что сразу вспомню. А ведь здесь я снова восемнадцатилетний студент. И никто не знает, что в голове у меня тридцать с лишним лет чужого для них жизненного опыта. «Значит, придётся учиться заново», решил я. Я спустился на первый этаж и направился в библиотеку. За высокой деревянной стойкой сидела пожилая библиотекарь в очках. Что вам, молодой человек? Мне бы школьный учебник по алгебре... Если можно, за девятый и десятый классы. Она медленно сняла очки. Вам? Мне. Женщина внимательно посмотрела на мой студенческий билет, потом снова на меня. Обычно первокурсники просят учебники по высшей математике. До высшей мне ещё дорасти надо, честно признался я. Она неожиданно улыбнулась. Первый разумный студент за сегодняшний день. Через несколько минут передо мной лежала целая стопка книг. Алгебра. Геометрия. Сборник задач. Таблицы с формулами. Я устроился за свободным столом у окна. Открыл первую страницу. «Степени... Дроби... Квадратные уравнения...» И вдруг понял, что совершенно не помню того, что когда-то казалось очевидным. «Вот тебе и директор собственной жизни», усмехнулся я про себя. За соседними столами студенты готовились к семинарам, что-то быстро записывали, спорили над задачами. А я начал всё сначала. С самого начала. Сложение. Вычитание. Формулы сокращённого умножения. Странное чувство охватило меня. Впервые за много лет мне было не стыдно чего-то не знать. Наоборот. Я испытывал азарт. Будто судьба дала мне ещё один шанс не просто прожить молодость заново, а прожить её умнее, чем в первый раз. Я раскрыл чистую тетрадь и аккуратно вывел сверху: «План подготовки». Подчеркнул двумя линиями. И только собрался записать первый пункт, как рядом кто-то тихо произнёс: Не ожидала увидеть здесь человека, который вчера выиграл шахматный турнир. Я поднял голову. Передо мной стояла невысокая девушка с книгами в руках. Она улы-

балась так, словно мы были давно знакомы. Но её улыбка неожиданно напомнила мне улыбку моей дочери. В груди неприятно кольнуло. Я отвернулся. Слишком свежи были воспоминания. Когда-то я души в ней не чаял. Работал без выходных, чтобы у неё было всё, чего не было у меня. Радовался каждому её успеху, верил каждому слову. А потом жизнь сложилась так, что между нами выросла пропасть. Я потрянул головой, словно отгоняя тяжёлые мысли. «Не сейчас...» Это была другая жизнь. Сейчас передо мной лежала новая дорога, и тащить в неё старые обиды не хотелось. Я развернулся и направился в деканат. Секретарь уже ждала меня. Медосмотр прошёл? Я молча протянул заполненный бегунок. Она быстро просмотрела печати, удовлетворённо кивнула и вложила документы в папку. Хорошо. Теперь вот здесь распишитесь. Передо мной легло ещё несколько листов. Я внимательно прочитал их. Оказалось, меня официально приняли в штат института на полставки. В обязанности входило дежурство в вечернее время. В понедельник, сказала секретарь, к шестнадцати ноль-ноль должны быть на рабочем месте. Работаете до двадцати одного часа. С обязанностями вас ознакомят на месте. Я поставил подпись. Ещё одну. И ещё. Секретарь убрала бумаги в папку и улыбнулась: Поздравляю. Теперь вы не только студент, но и сотрудник института. Я вышел из деканата, держа в руках свой экземпляр приказа. На улице всё так же шумела студенческая жизнь. Кто-то спешил на лекции, кто-то смеялся, обсуждая вчерашний вечер, а я медленно спускался по ступенькам и думал только об одном. Началось... В прошлой жизни всё тоже начиналось с небольшой подработки. Тогда я и представить не мог, куда она меня приведёт. Теперь история словно собиралась повториться. Только на этот раз у меня уже был опыт человека, однажды прошедшего этот путь. Оставалось понять, воспользуюсь ли я им правильно

Глава 7

Всё было бы ничего, но именно в этот момент я узнал, что сегодня пятница. Впереди были целых два выходных. «Это что, передышка перед бурей?» подумал я. За последние дни я уже успел заметить одну закономерность: стоило жизни немного успокоиться, как за следующим поворотом меня обязательно поджидало новое приключение. С этой мыслью я неторопливо направился к общежитию. Неожиданно кто-то схватил меня за локоть и резко потянул в сторону. Через секунду я уже стоял между тремя подростками. Самый рослый шагнул вперёд. Егор, ты нам рубль должен. Я растерянно посмотрел сначала на него, потом на остальных. «Интересно...» Я не Брюс Ли. И в прошлой жизни не был полковником спецназа. Обычный человек. Но была одна существенная разница между мной сегодняшним и восемнадцатилетним пареньком. Я уже прожил целую жизнь.

Успел потерять близких, пережить развод, разорение, одиночество... и даже собственную смерть. Поэтому бояться трёх наглых мальчишек мне было как-то странно. Да вы кто такие? спокойно спросил я. И как зовут ваших родителей? Парни явно не ожидали такого вопроса. Самый здоровый уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент за моей спиной раздался знакомый голос: Проблемы? Это был Андрей. Он даже не стал ничего выяснять. Одним коротким, поставленным ударом в корпус он уложил самого рослого на асфальт. Двое остальных мгновенно присели, словно ноги сами подкосились. Они испуганно прижались к стене, не понимая, что происходит. Андрей повернулся ко мне. Егорыч, тебя что, обижают? Я, ещё не успев прийти в себя, выпалил первое, что пришло в голову: Да! Они у меня три рубля забрали! Андрей молча шагнул к перепуганным подросткам. Ну-ка... Через несколько секунд в его руке уже лежала смятая горсть денег. Он пересчитал монеты и бумажки, после чего протянул их мне. Держи. Я посмотрел. Пять рублей. Выбрал свои три, а оставшиеся два спокойно протянул обратно ребятам. Мне чужого не надо. Они смотрели на меня так, будто впервые увидели человека, который не пытается урвать лишнее. Андрей широко улыбнулся. Мировой ты мужик, Егорыч. Он крепко обнял меня за плечи, и мы вместе пошли в сторону общежития. Некоторое время шли молча. Потом Андрей хитро посмотрел на меня. Как насчёт шахматного турнира в выходные? Я усмехнулся. Ну как тут было отказаться? Похоже, спокой-

ные выходные снова откладывались. Когда я вошёл в общежитие и Андрей свернул к своей комнате, меня вдруг посетила неожиданная мысль. «Это же надо... На ровном месте три рубля появились». Кому я там был должен ещё большой вопрос. Те трое могли сказать всё что угодно. Теперь уже никто ничего не докажет. Зато три рубля лежали у меня в кармане самые настоящие. Я усмехнулся. «Хоть и достались они не совсем законным способом...» И тут же сам себе возразил: «А кто определяет закон? Иногда жизнь сама расставляет всё по своим местам». Я машинально похлопал ладонью по карману, ещё раз почувствовав сложенные купюры, и направился в свою комнату. Открыв дверь, я замер на пороге. На столе стояла большая эмалированная кастрюля. Рядом лежала буханка ещё тёплого белого хлеба, накрытая чистым полотенцем. По комнате разливался такой аромат толчёной картошки, что у меня мгновенно заурчало в животе. Я даже присел от неожиданности. Неужели всё это для меня? Егорушка... Раздался уже ставший знакомым и удивительно тёплый голос Анны Павловны. Я обернулся. Комендантша стояла в дверях с доброй улыбкой. Проголодался, умненький мой? Не дожидаясь ответа, она подошла ко мне, осторожно взяла под руки и почти силой усадила за стол. Потом подняла крышку с кастрюли. Оттуда густым облаком поднялся аромат свежего картофельного пюре. Сверху лежали большие куски тушёного мяса в густой подливке. Рядом на тарелке красовались солёные огурцы и зелёный лук. Я молча смотрел на этот стол, не веря своим глазам. Такого обеда я не ел уже очень давно. В прошлой жизни подобная еда казалась обычной. Теперь же она выглядела настоящим пиром. Анна Павловна положила мне полную тарелку и ласково сказала: Ешь, Егорушка. Молодому организму силы нужны. Учёба, работа... Да и худой ты больно. Я взял ложку. Первую ложку пюре отправил в рот и невольно закрыл глаза. Домашний вкус. Простой, без всяких изысков. Но именно такой еды мне не хватало больше всего. Я ел молча, а Анна Павловна сидела напротив и с каким-то тихим удовлетворением наблюдала за мной. В тот момент я вдруг понял: иногда человек может почувствовать себя дома не потому, что находится в родных стенах, а потому, что рядом оказался кто-то, кому небезразлично, поел ты сегодня или нет. Утолив голод. Я привычным жестом протянул ей руку и она немного смутясь протянула свою. Притянув ее рукой через стол я уложил ее на тахту. Она закрыла глаза. Словно пыталась забыть где она находится. Но стянутые трусы напомнили ей о реальности. Подожди остановила она меня схватив за руку. Я схожу в душ произнесла она меняя голос от возбуждения. В душ ходят только вшивые и вонючие возразил я ей. Она вытаращила глаза от услышанного. Но обдумать дальнейшее она уже не могла потому что я уже был в ней. Она томно застонала и хотела сказать не спеши. Но я в этот момент я покрыл ее тело поцелуями. Наслаждаясь ее телом я вспоминал свою жену потому что, другой женщины у меня не было. Я исполнял все свои скрытые желания. Которые не мог воплотить с женой. У нее было податливое тело. Готовое к любым экспериментам. А я насмотревшись порно воплощал свои мечты на податливом изголодавшимся теле. Она стонала и выгибалась запуская меня в свое нутро с отчаянием последнего секса. И смотрела мне в глаза пытаясь понять какой демон вселился в это молодое тело. И в его глазах она ни разу не уловила презрения к своему уже дряблему телу. Это ее поражало и приводило в трепет. Она была желанна и любима. И поэтому отбросила все барьеры и запреты. Наслаждаясь моментом который ей предоставился. Когда от оргазмов ей свело низ живота она взмолилась. Егорка пожалуйста оставь меня. Ты меня уже всю замучил. Тогда я перевернул ее на живот и начал делать массаж. Руки Егора уверенно скользили по спине Анны Павловны. Под их размеренными движениями мышцы постепенно расслаблялись, а приятное тепло медленно разливалось по всему телу, снимая накопившуюся за долгие годы усталость. «Какой же он талантливый...» думала она. «Где он только научился такому мастерству?» Каждое движение было точным и выверенным. Он не торопился, словно чувствовал кончиками пальцев каждую напряжённую мышцу. Там, где спина была особенно зажата, его руки задерживались чуть дольше, мягко разминая затвердевшие мышцы и помогая им вновь обрести подвижность. Анне Павловне казалось, что опытный скульптор осторожно

возвращает её телу утраченную лёгкость. С каждой минутой исчезало напряжение в плечах, отпускала поясница, становилось свободнее дышать. Она уже не думала ни о работе, ни о бесконечных заботах коменданта общежития. Осталось только ощущение покоя и тепла. Наконец руки Егора остановились. Он аккуратно укрыл её большим полотенцем, чтобы сохранить тепло после массажа, тихо поправил его и, стараясь не шуметь, вышел из комнаты. Анна Павловна даже не открыла глаз. Ещё несколько секунд она лежала неподвижно, наслаждаясь непривычной лёгкостью во всём теле. «Такого массажа у меня ещё никогда не было», успела подумать она. С этой мыслью она незаметно для себя погрузилась в глубокий, спокойный сон. Даже не подумав вымыть руки я доел картошку с подливой и лег рядом с горячей женщиной. Завтра была суббота.

Глава 8

Проснулся я от запаха блинов. Этот аромат невозможно было спутать ни с чем. Он пах домом, детством, воскресным утром, когда не нужно было никуда спешить, а мама уже хлопотала у плиты. Я ещё несколько секунд лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь этим забытым ощущением. Потом окончательно проснулся, накинул трико и прошёл в душ. Прохладная вода быстро прогнала остатки сна. Приведя себя в порядок, я вышел в комнату. На столе уже ждала большая тарелка с румяными блинами. Рядом стояли сметана, варенье и кружка горячего чая. От блинов поднимался лёгкий пар, а в комнате стоял такой аромат, что желудок сразу напомнил о себе. У плиты, раскрасневшаяся от жара, стояла Анна Павловна. Она только что сняла со сковороды очередной блин и, заметив меня, улыбнулась. Проснулся, Егорушка? Садись, пока горячие. Я не стал долго уговаривать себя. Первый блин исчез почти мгновенно. За ним второй. Потом третий. Анна Павловна сидела напротив, подперев подбородок ладонью, и с какой-то тихой радостью наблюдала, как я расправляюсь с её угощением. Для неё, кажется, было важнее не то, что она приготовила блины, а то, что они пришлись мне по вкусу. Вот и хорошо, тихо сказала она. Мужчина должен есть с аппетитом. Значит, силы будут. Я поднял голову и улыбнулся. Не знаю почему, но рядом с этой женщиной я переставал чувствовать себя одиноким. В её заботе не было ни жалости, ни расчёта. Она просто радовалась тому, что может накормить голодного студента. А блины и правда были необыкновенными. И поэтому когда голод был удовлетворен. Я притянул ее к себе опрокинув на тахту. Она с удовольствием распласталась раскинув руки. И даже когда полы ее халата взметнулись вверх и она почувствовала холодок на своем лобке. Не остановила меня. Ее ноги раздвинулись и она отдалась моим неудержимым фантазиям. Мое лицо окунулось ей между бедер, а губы впились в ее горячую плоть. Она застонала впервые почувствовав мужские губы у себя между ног. Как низко я пала подумала она. Но истома наслаждения претило остановить этот процесс. И даже когда его шаловливый пальчик проник в святая святых она промолчала. Почувствовав как это ново и приятно. Взяв со стола блин я накрыл их теплым одеялом сначала ее груди а потом и лицо. Она почувствовала тепло и запах блинов которые она только что пекла. А потом его губы пожирая блин коснулись ее губ придали чувству небывалое возбуждение. Она выгнулась приподнимая свое и его тело над тахтой. И томно вздохнула чувствуя как его горячее тело входит в нее. Ноги сами поднялись вверх и она как последняя шлюха визжа и брыкаясь получила оргазм. По телу пробежала дрожь и все мышцы ослабли. Она потянулась и захотела спать. Она получила все, что хотела получить в этой жизни. Он сел у ее ног и принялся делать изумительный массаж ног. Кто этот мужчина думала она засыпая. Когда ее дыхание выровнялось. Я укрыл ее. И снова сел за стол. А Блины. Мягкие, тонкие, с румяными краями, они буквально таяли во рту. Я макал их то в густую деревенскую сметану, то в ароматное клубничное варенье и думал, что иногда обычный домашний завтрак способен сделать человека счастливее любого ресторанного застолья. Наевшись блинов, я почувствовал, как приятная сытость и тепло начинают клонить ко сну. За окном стояло тихое субботнее утро. Институт отдыхал, не нужно было никуда бежать, не нужно было бояться опоздать на лекцию или

искать очередной кабинет. Анна Павловна уже спала. Я прилёг на широкую тахту рядом с ней. В комнате было тихо. Сквозь приоткрытую форточку доносилось пение птиц, где-то вдалеке хлопнула дверь общежития, а затем снова наступила тишина. Я закрыл глаза. Впервые за долгое время меня никто не торопил, никто ничего не требовал. Не нужно было принимать решения, бороться за выживание или думать, где достать деньги на завтрашний день. Это было самое обычное субботнее утро. И именно поэтому оно казалось мне настоящим счастьем. Под тихое тиканье настенных часов я незаметно снова уснул. Проснулся я с необычным ощущением. Наконец-то выспался. Не потому, что спал долго, а потому, что впервые за долгое время сон был спокойным, без тревожных мыслей и тяжёлых сновидений. Я открыл глаза. Анна Павловна сидела на стуле у окна. Она молча смотрела во двор общежития, где по дорожкам лениво ходили студенты. Солнечные лучи ложились на подоконник, а в комнате стояла та самая уютная тишина, которая бывает только в выходной день. Я проспал? спросил я, приподнимаясь на локте. Она повернулась и улыбнулась. Нет. На мгновение задумалась и добавила: Сегодня суббота. Я невольно улыбнулся в ответ. Улыбнулась и она. Несколько секунд мы молчали. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что слова были не нужны. За дверью продолжалась обычная жизнь общежития: где-то смеялись, хлопали двери, по коридору торопливо пробежал кто-то из студентов. А здесь, в комнате №15, время будто замедлилось. Эти стены создавали маленький островок покоя. Здесь можно было ненадолго забыть о шумном общежитии, о занятиях, о работе, о бесконечной суете. Мне вдруг подумалось, что иногда человеку для счастья нужно совсем немного: тишина, чувство безопасности и рядом кто-то, с кем можно просто молчать. Анна Павловна поднялась со стула и тихо сказала: Отдыхай, Егорушка. Такие дни тоже нужны. Я посмотрел на неё и впервые за долгое время почувствовал, что жизнь перестала быть бесконечной борьбой. Хотя бы на одно субботнее утро она позволила мне просто побыть человеком. В клетке сутилась белая крыса. Она бегала по своим лесенкам, цеплялась лапками за прутья и с любопытством поглядывала на нас чёрными бусинками глаз. У меня тоже выходной, сказала Анна Павловна. Хочешь посмотреть, где я живу? Я молча кивнул. Мы быстро собрались и тихо вышли из общежития. В коридорах ещё стояла сонная тишина. Лишь изредка хлопала какая-нибудь дверь да слышались приглушённые голоса тех, кто уже успел проснуться. Через несколько минут мы сидели в автобусе. Клетка с белой крысой стояла у меня на коленях. Зверёк внимательно разглядывал пассажиров, словно тоже ехал в гости. Пассажиры, в свою очередь, косились на крысу без особого восторга. Кто-то удивлённо поднимал брови, кто-то отворачивался к окну, а одна пожилая женщина даже пересела на другое место. Я только улыбнулся. Крысе до человеческих предрассудков не было никакого дела. Через две остановки мы вышли. Дом Анны Павловны оказался старым, добротным, с высокими потолками и широкими лестничными маршами. Такие дома строили ещё в пятидесятые годы без лишней роскоши, но на совесть. Лифта не было, поэтому на шестой этаж мы поднимались пешком. Анна Павловна открыла дверь. Я вошёл следом. Квартира была самой обычной по меркам Советского Союза середины восьмидесятых. У стены стояла большая полированная стенка чехословацкого производства предмет гордости любой семьи. Посреди комнаты югославский диван, а в спальне виднелся польский спальный гарнитур. На серванте поблёскивал хрусталь, на стене висел ковёр, а на телевизоре аккуратно лежала кружевная салфетка. В доме чувствовались порядок и уют. Я поставил клетку на журнальный столик. Белая крыса немедленно поднялась на задние лапки и принялась с интересом изучать незнакомую обстановку. Анна Павловна подошла, открыла дверцу клетки и с улыбкой сказала: Никто не должен быть пленником в такое прекрасное субботнее утро. Крыса осторожно высунула нос, понюхала воздух, потом выбралась наружу и неторопливо побежала по журнальному столику. Остановилась. Осмотрелась. После чего совершенно по-хозяйски отправилась исследовать квартиру, заглядывая под кресла, за шторы и в каждый незнакомый угол. Мы с Анной Павловной молча наблюдали за её

путешествием. Смелая, улыбнулся я. Нет, тихо ответила Анна Павловна. Просто любопытная. А любопытство иногда помогает жить не хуже смелости.

Глава 9

Что будешь на обед? спросила Анна Павловна. Я только пожал плечами. Я всё люблю. Она улыбнулась. Тогда будут пельмени. Не дожидаясь моего ответа, она достала из шкафа большую эмалированную миску, насыпала муку и начала готовить тесто. Я сел рядом и молча любовался её работой. Всё у неё получалось легко и привычно. Просеянная мука ложилась белой горкой, яйца разбивались одним ловким движением, а руки быстро и уверенно замешивали тесто. Неожиданно она улыбнулась, обмакнула пальцы в муку и провела ими по моему носу. Вот так-то лучше. Я посмотрел на неё, зачерпнул щепотку муки и в ответ легонько припорошил ей щёку. Анна Павловна звонко рассмеялась. Перестань! А то останешься без пельменей! Я поднял руки. Сдаюсь. Но это был обманный маневр. Потому что я обошел ее сзади и пользуясь тем что у нее заняты руки. Приспустил ей трусы и уткнулся лицом ей между булок. Она застонала уперевшись руками в миску. А мне в нос ударил сладкий запах вагины и мочи. Она выворачивала бедра подставляя наиболее эрогенные зоны и наконец прошептала. Войди в меня пожалуйста войди прямо сейчас. И я не смог устоять просьбам женщины. Как только моя плоть вошла в нее она изверглась оргазмом. Импульсивно дергаясь всем телом. Получив свое она сладко потянулась и оттолкнула меня попой. Не мешай. Не смотря на то что мой оргазм еще не настал. Я отошел от нее. И поцеловав в холку отошел. Чтобы не мешать, я вышел в гостиную. И тут вспомнил про Мусю. Клетка была открыта. А самой крысы нигде не было. Я заглянул под диван, за кресло, под сервант. Муся... Муся... Тишина. Особого страха я не испытывал. Муся была сообразительной и наверняка просто исследовала квартиру. Но чувство ответственности всё-таки появилось. «Только бы ничего не испортила...» В этот момент из-под серванта показался белый нос. Потом длинные усы. И наконец сама Муся. Она уверенно подбежала ко мне и положила у моих ног... сложенную купюру. Я машинально поднял её. Сто рублей. Билет Государственного банка СССР с профилем Ленина. Я замер. «Что это такое?..» Мысли понеслись одна за другой. «Неужели Муся стащила деньги?..» Не желая, чтобы купюру увидела Анна Павловна, я быстро сунул её в карман. И тут же почувствовал, как внутри всё похолодело. «А если это её сбережения?» «Что, если крыса каким-то образом нашла тайник?» От этой мысли меня бросило в жар. Я поспешил на кухню. Анна Павловна как ни в чём не бывало вымешивала тесто. А... где вы храните свои сбережения? как можно спокойнее спросил я. Едва слова сорвались с языка, я мысленно выругал себя. «Ну вот... Язык мой враг мой.» Она удивлённо подняла голову. Какие сбережения? Ну... деньги... Анна Павловна только рассмеялась. Да какие у меня деньги? Вон стенку купила и ту в кредит. Зарплата небольшая. От получки до получки живу. Она стряхнула муку с ладоней и добавила с улыбкой: Зачем копить? Жить надо сейчас, пока жизнь позволяет. Деньги приходят и уходят, а хорошие дни не повторяются. Я молча кивнул. Эти слова были настоящим лозунгом её поколения. А у меня в кармане лежала загадочная сторублёвая купюра, происхождение которой я пока не мог объяснить. И чем больше я об этом думал, тем сильнее мне хотелось понять, откуда Муся её принесла. Пока Анна Павловна раскатывала тесто, я незаметно отщипнул небольшой кусочек мясного фарша. Проверить решил? с улыбкой спросила она. Контроль качества, совершенно серьёзно ответил я. Она только покачала головой, прекрасно понимая, что обманываю я не слишком убедительно. Я вышел в гостиную. Муся уже сидела под журнальным столиком и старательно умывала мордочку. Ну что, добытчица... Я присел на корточки и протянул ей кусочек фарша. Крыса осторожно понюхала угощение, быстро схватила его передними лапками и принялась с аппетитом есть. Молодец, тихо сказал я. Заслужила. Муся на мгновение подняла на меня свои блестящие чёрные глазки, словно поняла похвалу, а затем снова вернулась к лакомству. Я невольно похлопал себя по карману. Сторублёвая купюра всё ещё была там. Крыса спокойно ела фарш, будто ничего необычного не произошло. А у меня в голове не укладывалось одно

обстоятельство. «Если деньги не Анны Павловны... тогда чьи?» Муся доела последний кусочек, тщательно вытерла мордочку лапками и вдруг посмотрела в сторону книжного шкафа. Потом неторопливо побежала туда. Я насторожился. Ну-ка... Покажи, где ты это нашла... И, стараясь не шуметь, отправился вслед за своей необычной проводницей. Крыса смешно перебирала лапками и вдруг юркнула под шкаф. Муся! Я бросился следом, опустился на пол и, упершись ладонями, заглянул под шкаф. В глубине темнела широкая щель между полом и стеной. Туда и исчезал её длинный розовый хвост. Я замер. Прошла почти минута. И вдруг из темноты показался уголок жёлтой купюры. Следом появилась любопытная мордочка Муси. Она важно подошла ко мне, положила банкноту прямо перед моим носом и, поднявшись на задние лапки, осторожно понюхала меня за щёку. Вот ты какая... Я быстро убрал купюру в карман и помчался на кухню. Незаметно отщипнул ещё кусочек фарша. Ну-ну... Куда опять? игриво возмутилась Анна Павловна. Но я уже исчез в гостиной. Муся сидела на задних лапках, терпеливо ожидая награду. Заслужила. Она аккуратно взяла фарш передними лапками и с аппетитом принялась есть. Не успела доест, как снова побежала к шкафу. Я едва успел занять своё место на полу. Через несколько секунд история повторилась. Сначала появилась очередная сторублёвая купюра. Потом довольная крысиная мордочка. Я протянул ей новый кусочек фарша. Она с удовольствием съела его и снова скрылась в своей загадочной норе. Так началась наша странная игра. Муся приносила деньги. Я расплачивался фаршем. Каждый оставался доволен своей частью сделки. Пятый раз она выбралась уже заметно медленнее. Забрала угощение, спокойно съела его, тщательно умыла мордочку и уселась прямо возле моей ноги. Я пересчитал добычу. Пять купюр. Пятьсот рублей. По тем временам огромные деньги. Я недоверчиво покачал головой. Давай ещё, Муся... произнес я с азартом. Но крыса только лениво посмотрела на меня, отвернулась и снова принялась умываться. Было видно, что торг окончен. В этот момент за моей спиной раздался знакомый голос: Что ты там делаешь? Я вздрогнул и резко обернулся. Надо мной стояла Анна Павловна. Она перевела взгляд с меня на Мусю, потом снова на меня. Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Ой... Да ты покраснел, удивлённо сказала она и тихо рассмеялась. Я окончательно смутился, не зная, что ответить. Я смотрел на ее стройные ножки без трусов и зачарованно смотрел на русую мохнатую киску. Она раздвинула ноги и произнесла улыбаясь так будет удобнее. Анна Павловна присела рядом, с тёплой улыбкой коснулась губами моих губ и, словно ничего необычного не произошло, произнесла: Пойдём. Пельмени уже лепить пора. Без помощника я не справлюсь. Она поднялась и протянула мне руку. Я взял ее руки пахнувшие тестом и притянул к себе. Она села мне на живот и начала расстегивать халат. Надо сразу раздеваться безапелляционно заявила она. Расстегнув ширинку и приспустив штаны я позволил ей взгромоздиться своим большим тазом на меня. Ее небольшие груди качались перед моим лицом. Я зачарованно смотрел в ее голубые глаза и обнимал ее за широкие бедра. Дёрнувшись всем телом она поймала очередной оргазм и упала на мою грудь. Уперевшись твердыми сосками. Я кончаю от твоего взгляда прошептала она мне на ухо и встала. И в очередной раз я не кончил от процесса. Для меня это было не ново. Потому что сознание мое еще находилось в рамках 60 лет. Где каждый выстрел на счету. Я ещё раз посмотрел на Мусю, потом машинально похлопал себя по карману, где лежали пять загадочных сторублёвых купюр, и понял, что теперь мне предстоит разгадать сразу две тайны: откуда крыса берёт деньги и что скрывается за тем самым тёмным пространством под старым шкафом. Мы вместе принялись лепить пельмени. Анна Павловна ловко раскатывала тесто, вырезала кружочки и одним уверенным движением соединяла края. У неё каждый пельмень получался ровным, аккуратным, словно под копирку. Я старательно повторял за ней, но мои пельмени больше напоминали маленькие пирожки. Она посмотрела на очередное моё творение и тихо рассмеялась. Егорушка, поменьше делай. Это пельмени, а не чебуреки. Я смущённо улыбнулся. Зато сытнее. Сытнее, согласилась она, но вариться будут полдня. Она взяла мой пельмень, ловкими пальцами убрала лишнее тесто и защипнула края. Вот так. Видишь? Всё

должно быть аккуратно. Я внимательно наблюдал за её руками, а потом снова принялся за работу. Постепенно и у меня стало получаться. Мы разговаривали о пустяках, иногда смеялись, иногда просто молчали. На кухне было тепло, за окном лениво тянулся субботний день, а на столе росли ряды аккуратно слепленных пельменей. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что рядом с Анной Павловной чувствую удивительное спокойствие. Не было ни неловкости, ни необходимости подбирать слова. Наши отношения незаметно изменились. Мы уже не были просто комендантом и студентом. Между нами возникло доверие тихое, домашнее, не требующее громких признаний. Казалось, мы давно знали друг друга, хотя познакомились совсем недавно. И, возможно, именно с таких простых вещей совместной работы, заботы и умения молчать рядом иногда и начинается настоящая человеческая близость.

Глава 10

Когда последний пельмень лёг на присыпанную мукой деревянную доску, Анна Павловна довольно вытерла руки о полотенце. Ну вот, теперь можно и варить. Она поставила на плиту большую эмалированную кастрюлю с водой. Пока вода закипала, мы молча убрали со стола. Я смёл ладонью остатки муки, сложил скалку, вымыл миску. Она наблюдала за мной краем глаза и едва заметно улыбалась. Не каждый мужчина после готовки посуду моет. А меня жизнь научила, ответил я. Она ничего не сказала, только задумчиво посмотрела на меня. Когда вода закипела, Анна Павловна осторожно опустила в неё первую партию пельменей. Через несколько минут по квартире разнёсся аромат свежего теста, мясного бульона и лаврового листа. Готовы. Она разложила пельмени по тарелкам, положила каждому по кусочку сливочного масла и поставила на стол сметану. Мы ели не спеша. Иногда переглядывались и улыбались. За окном неспешно текла суббота. Во дворе играли дети, кто-то выбивал ковёр, из открытого окна соседнего дома доносилась музыка. Хорошо, неожиданно сказала Анна Павловна. Что хорошо? Просто хорошо. Давно в этой квартире не было так... по-домашнему. Я поднял на неё глаза. Она смутилась собственных слов и поспешила сменить тему. После обеда чай будем пить. У меня варенье малиновое есть. Я кивнул. С удовольствием. После обеда мы перенесли чашки в гостиную. Муся уже крепко спала, свернувшись белым клубочком на кресле, будто все её сегодняшние приключения с поиском загадочных купюр были самым обычным делом. Я невольно посмотрел на старый шкаф. Пятьсот рублей по-прежнему лежали у меня в кармане. Мысль не давала покоя. Деньги не могли появляться из ниоткуда. Значит, под шкафом действительно существовал какой-то тайник. И если Муся нашла его один раз, то сможет найти и снова. Я сделал глоток горячего чая и украдкой взглянул на Анну Павловну. «Пока не буду ничего говорить, решил я. Сначала сам разберусь, что там спрятано. А уж потом будем думать, что с этим делать.» За окном медленно клонилось к вечеру тёплое августовское солнце, а впереди у нас оставалось ещё целое воскресенье и я почему-то чувствовал, что оно готовит мне очередной сюрприз. Я осторожно поднял Мусю на руки. Она сонно приоткрыла один глаз, недовольно пошевелила усами, но сопротивляться не стала. Подойдя к клетке, я аккуратно посадил её внутрь, насыпал немного корма, поставил поилку на место и плотно закрыл дверцу. Щёлкнул замок. Муся лишь свернулась клубочком в своём домике. Зачем? удивилась Анна Павловна. Пусть побеждает на свободе. Я покачал головой. Нет. Ещё убежит куда-нибудь. Она улыбнулась. Не убежит. Животные всегда знают, где их дом. Я посмотрел на белую крысу, которая спокойно сидела в клетке, словно внимательно слушала наш разговор. «Ну да, подумал я. Особенно эта. Дом она, похоже, уже нашла. Да ещё и чужие тайники в придачу.» Но вслух ничего не сказал. Не хотелось пока рассказывать Анне Павловне о странной находке. Пусть сегодня отдохнёт, ответил я. За день она набегалась. Анна Павловна подошла к клетке, просунула палец между прутьями и осторожно погладила Мусю по голове. Та довольно прикрыла глаза и тихонько застрекотала. Умница какая, ласково сказала она. Словно всё понимает. Иногда мне кажется, что понимает даже больше, чем некоторые люди, невольно улыбнулся я. Анна Павловна тихо рассмеялась. Тогда вам повезло друг с другом. Я снова взглянул

на клетку. Муся уже устраивалась поудобнее, но мне показалось, что перед тем как закрыть глаза, она на мгновение посмотрела в сторону старого шкафа. И это был взгляд существа, которое точно знало какую-то тайну. Анна Павловна закрыла дверцу клетки и повернула ко мне голову. Ну что, чай? Давайте. Она поставила на стол пузатый заварочный чайник, достала две фарфоровые чашки и вазочку с малиновым вареньем. Люблю, когда дома кто-то есть, неожиданно сказала она, разливая чай. А то придёшь после работы... тишина. Только часы тикают. Одна живёте? Она кивнула. Уже давно. Я не стал расспрашивать. По её лицу было видно, что за этим коротким ответом скрывается целая жизнь. Она сама нарушила молчание. А ты ведь тоже одинокий человек. Я поднял глаза. Почему вы так решили? Потому что сытый человек так благодарно не смотрит на еду. И потому что счастливый человек во сне так не вздыхает. Я усмехнулся. Вы наблюдательная. Работа такая. Я двадцать лет в общежитии. Научилась понимать людей раньше, чем они начинают говорить. Она отпила чай. Ты ведь всё время настороже. Даже сейчас. Я машинально потрогал карман, где лежали пятьсот рублей. Анна Павловна это движение заметила. Что у тебя там? Да так... пустяки. Она не стала настаивать. Не хочешь не говори. Несколько минут мы молча пили чай. Вдруг она тихо спросила: Егорушка... можно один вопрос? Конечно. Ты вчера, когда делал массаж... где научился? Я задумался. Правду сказать было нельзя. Один хороший человек когда-то показал мне несколько приёмов. Сказал, что умение помочь другому никогда лишним не будет. Она медленно кивнула. Хороший человек. Потом улыбнулась. Знаешь... когда ты вчера закончил, я впервые за много лет уснула днём. Даже будильник не услышала. Значит, массаж помог. Не только массаж. Я вопросительно посмотрел на неё. Иногда человеку нужно просто почувствовать, что о нём кто-то заботится. Она тут же смутилась своих слов. Ой... заболтала я тебя. Чтобы сменить тему, она поднялась. Пойдём, покажу балкон. Мы вышли на просторную лоджию. С шестого этажа весь город был как на ладони. Во дворе мальчишки гоняли мяч, на бельевых верёвках колыхались простыни, возле подъезда старики играли в домино. Люблю здесь стоять по вечерам, сказала Анна Павловна. Посмотришь сверху и кажется, что у каждого человека своя жизнь, свои радости, свои беды. Я облокотился на перила. Так и есть. А ты о чём сейчас думаешь? Я улыбнулся. О том, что ещё неделю назад не поверил бы, если бы мне сказали, что субботу проведу вот так... буду лепить пельмени, пить чай и смотреть на город. Она тихонько засмеялась. А я не поверила бы, что какой-то студент перевернёт вверх дном всё моё расписание. Мы переглянулись и оба рассмеялись. В этот момент из комнаты донёсся громкий металлический звук. Дзынь! Мы одновременно обернулись. Муся.. одновременно произнесли мы. И, не сговариваясь, бросились в комнату. Когда мы вбежали в комнату, клетка оказалась открытой. Муси внутри не было. Я почувствовал, как сердце ухнуло вниз. Аня... вырвалось у меня впервые. Я тут же смутился. Анна Павловна посмотрела на меня, и её лицо озарила мягкая улыбка. Вот и хорошо, тихо сказала она. Просто Аня. Мы ведь уже не чужие люди. Зачем все эти отчества? Она легко обняла меня за плечи. Я неловко ответил тем же, но мысли мои были совсем о другом. Если Муся снова полезла под шкаф... Аня, выйди, пожалуйста, на минутку, попросил я. Боюсь, она испугается. Я её сам выманю. Хорошо, без тени обиды ответила она. Позови, если понадобится помощь. Она вышла в коридор, а затем скрылась в ванной комнате. Я тут же опустился на колени и заглянул под шкаф. Так и есть. Из темноты показался знакомый розовый хвост. Через секунду появилась Муся. В зубах она держала зелёную банкноту. Я осторожно взял её. Незнакомая иностранная купюра. «Вот это уже совсем интересно...» Не теряя ни секунды, я быстро спрятал её в карман. Муся вопросительно посмотрела на меня. Сейчас, сейчас... Ты заслужила. Я аккуратно посадил её в клетку и надёжно закрыл дверцу. «Нельзя оставлять без награды, подумал я. А то решит, что её труд никто не ценит.» Я выскочил из комнаты. Пробежал мимо удивлённой Ани, распахнул холодильник и нашёл небольшой кусочек сыра. Егор, что случилось? только и успела спросить она. Одну минуту! Я вернулся к клетке, отщипнул маленький кусочек и протянул Мусе. Крыса поднялась на задние лапки, ловко взяла сыр передними и с

явным удовольствием принялась есть. В этот момент рядом тихо присела Аня. Она с улыбкой наблюдала за зверьком. Какая же она забавная, сказала она. Смотри, как аккуратно держит сыр. У неё хорошие манеры, улыбнулся я. Это ты её научил? Скорее она меня. Аня тихонько засмеялась. Никогда не думала, что смогу так долго сидеть и любоваться крысой. Муся спокойно доела сыр, тщательно умыла мордочку лапками и довольно застрекотала. Кажется, она говорит спасибо, сказала Аня. Думаю, именно так. Я украдкой коснулся кармана. Теперь там лежали уже не только советские деньги, но и загадочная иностранная банкнота. Тайна старого шкафа становилась всё загадочнее. А Муся, судя по её довольному виду, знала о ней гораздо больше, чем мы оба.

Глава 11

Я ещё раз посмотрел на старый шкаф. Потом как бы невзначай спросил: Аня... А кто у тебя живёт за стенкой? Она присела в кресло, поправила волосы и на несколько секунд задумалась. За этой стеной? Да. Раньше жил директор гастронома. Я постарался сохранить спокойное выражение лица. А сейчас? Сейчас никого. Она пожала плечами. В прошлом году он куда-то уехал. Говорили, то ли перевели в другой город, то ли ещё что-то. Я толком не знаю. Моё сердце забилось быстрее. И квартира пустует? Пустует. Она посмотрела на меня с любопытством. А что? Я сделал вид, что просто поддерживаю разговор. Да так... Интересно. Аня продолжила: Перед отъездом он зашёл ко мне. И что? Оставил ключи. Я почувствовал, как внутри всё напряглось. Ключи? Да. Сказал: «Анна Павловна, мало ли что. Вдруг трубу прорвёт или ещё какая беда. Присмотрите за квартирой». Она открыла ящик серванта и достала небольшую связку. Вот. На ладони лежали несколько старых латунных ключей. С тех пор они у меня. Я не сводил глаз со связки. В голове одна мысль сменяла другую. «Пустая квартира...» «Шкаф...» «Щель под ним...» «Советские деньги...» «Иностранная купюра...» Слишком много совпадений. Их уже нельзя было назвать случайностью. Ты чего так смотришь? улыбнулась Аня. Я вздрогнул. Да... Просто задумался. Она положила ключи обратно. Иногда захожу туда. Пыль вытру, окна открою. Всё-таки человек доверил. И... ничего необычного не замечала? Она рассмеялась. Например? Ну... странности какие-нибудь. Нет. Потом на секунду задумалась. Хотя... Я невольно подался вперёд. Иногда мне казалось, что в квартире что-то шуршит. Я замер. Но потом решила, что это мыши. Дом старый. Я машинально посмотрел на клетку. Муся спокойно грызла кусочек сыра, словно разговор её совершенно не касался. «Нет, подумал я. Это не мыши.» Что-то подсказывало мне, что белая крыса нашла не просто случайный тайник. Она нашла след чьей-то очень хорошо спрятанной истории. Я сделал вид, что разговор меня больше не интересует. Отхлебнул чай. Посмотрел в окно. Но мысли уже крутились совсем вокруг другого. Аня... М-м? А ключи... они сейчас здесь? Она удивлённо посмотрела на меня. Конечно. Можно посмотреть ту квартиру? Она вопросительно подняла брови. Сейчас? Если это неудобно, не надо... Она несколько секунд изучала моё лицо, словно пыталась понять, что именно меня так заинтересовало. Знаешь, наконец сказала она, странный ты человек. Почему? Другой бы попросил показать сервиз, хрусталь или фотографии молодости. А тебя интересует пустая соседская квартира. Я улыбнулся. Любопытный. Это я уже заметила. Она встала, подошла к серванту и достала связку ключей. Только ненадолго. Вдруг хозяин всё-таки вернётся. Конечно. Мы вышли на лестничную площадку. Соседняя дверь находилась всего в нескольких шагах. Анна Павловна вставила ключ в старый английский замок. Замок щёлкнул неожиданно легко. Дверь медленно открылась. Из квартиры пахнуло прохладой, пылью и закрытым помещением. Проходи. Я переступил порог. Большая прихожая. Вешалка. Зеркало. На полу аккуратно стояли домашние тапочки, словно хозяин вышел всего на несколько минут. Ничего не трогай, тихо сказала Аня. Я иногда здесь убираюсь. Я кивнул. Мы прошли в гостиную. Та же советская мебель. Тот же полированный шкаф. Телевизор. Книжный шкаф. Всё выглядело так, будто время здесь остановилось. И вдруг я понял одну деталь. Если мысленно совместить план двух квартир... Я медленно повернул голову. Стена, возле которой стоял шкаф в

квартире Ани, здесь тоже была заставлена огромным платяным шкафом. «Вот оно...» Сердце застучало сильнее. Я подошёл ближе. Тяжёлый шкаф стоял почти вплотную к стене. Присел. Под ним тоже оставалась щель. Совсем небольшая. Я незаметно улыбнулся. Теперь становилось понятно, почему Муся каждый раз исчезала так надолго. Она пробиралась не под шкаф. Она пробиралась куда-то дальше. В пространство между двумя квартирами или в какую-то пустоту внутри старой стены. Егор... Я поднял голову. Ты что там рассматриваешь? Я быстро поднялся. Да так... Интересно, как мебель раньше ставили. Аня рассмеялась. Ну ты и чудной. Она и представить не могла, что сейчас в моей голове складывается совсем другая картина. Муся не приносила случайно найденные деньги. Она каждый раз шла в одно и то же место. И если маленькая крыса могла пролезть туда, где не мог человек... Значит, где-то совсем рядом существовал тайник, который уже много лет никто не открывал. Любопытство наконец отпустило меня. По крайней мере, на сегодня. Теперь я понимал, что загадка никуда не денется. Тайник, если он действительно существовал, ждал своего часа уже не один год. Значит, мог подождать ещё немного. Я повернулся к Ане. Она стояла в центре комнаты, держа в руках связку ключей, и с улыбкой наблюдала за мной. Ну что? спросила она. Насмотрелся? Я сделал несколько шагов к ней. Насмотрелся. Она вопросительно посмотрела мне в глаза. И что такого интересного ты здесь нашёл? Пока не знаю, честно ответил я. Но обязательно разберусь. Она тихонько покачала головой. Загадочный ты человек, Егор. Неожиданно меня захлестнуло чувство благодарности. За это утро. За блины. За пельмени. За тепло, которого мне так долго не хватало. Я шагнул вперёд, осторожно обнял её за талию и, смеясь, легко приподнял над полом. Егор! удивлённо вскрикнула она. Я сделал с ней небольшой круг по комнате. Она сначала растерялась, потом звонко рассмеялась. Поставь меня! Голова закружится! Ещё один кружок. Нет-нет! Хватит! Она уже смеялась так искренне, что и я не смог сдержать улыбки. Наконец я бережно поставил её на пол. Аня поправила выбившуюся прядь волос, легонько хлопнула меня ладонью по плечу и, всё ещё смеясь, сказала: Совсем мальчишка. Иногда полезно им побыть. Она посмотрела на меня долгим, тёплым взглядом. Знаешь... в этой квартире давно не было столько смеха. Мы молча переглянулись. Я прижал её к подоконнику уперевшись уже набухшим членом. Она раздвинула ноги. Подхватив её за пояс я посадил её на широкий подоконник. Она ойкнула и засмеялась. Я отошел от нее и разделся. Она расстегнула пуговицы халата. Я подошел к ней и вонзил в нее свое тело. Она прижала меня к себе и жарко поцеловала. Какой ты затейник и не скажешь что мальчишка удивилась она. И посмотрела в окошко. Нас увидят произнесла она испуганно. Но я не выпускал её из объятий и яростно вбивал своего дружка в её тело. Она не отрываясь смотрела в окно словно кого то высматривая. А потом сладко застонала. От чего я тоже кончил сильнее прижимаясь к её телу. Она гладила по моей спине нежными ручками и шептала мне на ухо обжигая жарким дыханием. Какой ты сладкий. За окном светило солнце, где-то во дворе играли дети, а в комнате стояла удивительно лёгкая атмосфера, словно сама суббота решила ненадолго остановить время. Я вышел из нее немного отстранившись. Она бессовестно подняла ноги на подоконник позволяя сперме вытекать из нее. Странное чувство произнесла она наблюдая за этим процессом. Что именно спросил я не понимая. Чувство когда ты кому то дорога. Она протянула ко мне руки и я подошел к ней и обнял её. А мой дружок снова вошел в распростёртые ворота. Ну ну шутливо укорила она какой ты неутомимый. пойдём к себе а то я попу отсидела. Я помог ей сойти с подоконника и мы приведя себя в порядок осторожно пришли к себе.

Глава 12

Знаешь, сказала Аня, когда мы вернулись в её квартиру, сегодня надо лечь пораньше. Она поставила чайник на плиту и обернулась ко мне. Почему? Потому что завтра воскресенье. Я вопросительно посмотрел на неё. И что? Она улыбнулась так, словно собиралась сообщить приятную новость. Завтра за городом будет толкучка. Поедем на рынок. Зачем? Аня внимательно оглядела меня с головы до ног. Затем, что одежда у тебя... она на секунду замол-

чала, подбирая слово, старомодная. Я невольно посмотрел на свои брюки. Нормальная одежда. Она тихонько рассмеялась. Для директора колхоза может быть. А для студента? Для студента восемьдесят пятого года уже нет. Она подошла ближе, поправила воротник моей рубашки и покачала головой. Рубашка хорошая, но фасон уже устарел. Брюки широковаты. И пиджак тебе нужен. Да зачем? Затем, что молодой человек должен выглядеть молодым. Я улыбнулся. Командовать любишь? Люблю, без тени смущения ответила она. Особенно когда это идёт человеку на пользу. Я покачал головой. Денег жалко. Она лукаво прищурилась. Это уже мои заботы. Нет, Аня. Что нет? Я сам. Она подошла совсем близко. Егорушка... Иногда женщине приятно о ком-нибудь позаботиться. Не лишай меня этого. Я почувствовал, как внутри становится удивительно тепло. За много лет я почти забыл это чувство. Не жалость. Не обязанность. А простую женскую заботу. Я осторожно взял её за руку. Спасибо. Она улыбнулась. Вот и договорились. Завтра встанем пораньше, позавтракаем и поедем. А если ничего не найдём? Найдём. Почему ты так уверена? Она весело рассмеялась. Потому что я женщина. Мы всегда что-нибудь найдём. Я не выдержал и рассмеялся вместе с ней. Из клетки донеслось тихое шуршание. Муся высунула мордочку из домика и с любопытством посмотрела на нас. Видишь, сказала Аня, даже она согласна. Нет, улыбнулся я. Она, наверное, думает, сколько сыра получит завтра. Тогда и ей что-нибудь купим. Я посмотрел сначала на Аню, потом на Мусю и неожиданно поймал себя на мысли, что впервые за очень долгие годы чувствую себя не случайным гостем, а человеком, которого здесь действительно ждали. Вечер медленно опускался на город. За окном зажигались первые фонари, а впереди было воскресенье день, который обещал новые встречи, новые открытия и, возможно, новые тайны. Аня первой сходила в душ.

Когда она вышла, от неё пахло свежим мылом и шампунем. Она вытерла влажные волосы полотенцем и, улыбнувшись, сказала: Теперь твоя очередь. Я кивнул и отправился в ванную. Тёплая вода приятно расслабила после насыщенного дня. Когда я вышел, вытирая волосы полотенцем, в комнате уже горел только торшер. Аня застилала постель. Она аккуратно расправила простыню, взбила подушки и поправила одеяло. Услышав мои шаги, она обернулась. Ну вот, совсем другое дело, сказала она с улыбкой. Хоть человеком стал. Неужели до этого был таким страшным? Не страшным, засмеялась она. Просто очень уставшим. Я повесил полотенце на спинку стула. Муся в клетке уже свернулась клубочком и мирно спала, иногда шевеля усами во сне. Даже она раньше нас отдыхать легла, заметил я. Набегалась за день, ответила Аня. Да и ты тоже. Она склонилась над кроватью поправляя простынь. А я увидев ее красивую попку обхватил ее широкие бедра руками вошел в подставленные ворота. Егорушка взмолилась она. Я уже три раза кончила затрахал ты меня. Но я уже был в ней и наслаждался процессом. Поняв это она притихла получая свою долю наслаждения. Насладившись видом со спины я отошел. Она обернулась и удивленно вскинула бровки. Я хочу тебя произнес я ложась на кровать. Она одарила меня лучезарным и благодарным взглядом. Она погасила верхний свет, оставив только мягкое освещение торшера. Комната сразу стала удивительно уютной. За окном уже сгустились сумерки. Изредка по улице проезжали машины, где-то во дворе смеялись дети, а потом и эти звуки постепенно стихли. Аня присела на край кровати. Спасибо тебе за сегодняшний день. Мне-то за что? За то, что в квартире снова появился смех. Знаешь... я и забыла, каким тёплым может быть обычный выходной. Я притянул ее к себе. Это тебе спасибо. За блины, за пельмени... и вообще за всё. Она посмотрела на меня долгим, спокойным взглядом. Тогда будем считать, что мы квиты. Нет, улыбнулся я. Такие долги не возвращают. Их просто помнят. Она тихо кивнула. Ложись. Завтра вставать рано. Если хотим успеть на толкучку, первый автобус пропускать нельзя. Я улыбнулся. Есть, товарищ командир. Вот именно, рассмеялась она. И никаких разговоров после отбоя. Мы пожелали друг другу спокойной ночи. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь мерным тиканьем настенных часов. Впереди было воскресенье, и ни один из нас ещё не подозревал, что поездка на рынок окажется совсем не такой простой, как казалось вечером. Дождавшись, пока Аня уснула, я тихонько поднялся с

кровати. В квартире стояла такая тишина, что было слышно тиканье часов на стене. Я босиком прошёл в гостиную. Муся уже не спала. Она сидела в клетке и внимательно смотрела на меня сквозь решётку, словно давно ждала моего появления. Ну что, напарница? шёпотом сказал я. Крыса пошевелила усами. Я осторожно открыл дверцу. Муся мгновенно выскочила наружу и, смешно перебирая лапками, стрелой юркнула под шкаф. Я открыл холодильник. На этот раз решил провести небольшой эксперимент. Взял кусочек сыра и немного фарша. Потом сел на пол возле шкафа и стал ждать. Через несколько секунд показалась Муся. В зубах она держала сторублёвую купюру с портретом Ленина. Молодец. Я взял деньги, убрал их в карман и протянул ей кусочек фарша. Муся быстро расправилась с угощением. Я показал ей сыр. А вот это... если принесёшь что-нибудь поинтереснее. Крыса словно поняла мои слова. Она посмотрела на сыр. Потом на меня. Развернулась и снова исчезла под шкафом. Не может быть... Прошла почти минута. Из темноты показалась её мордочка. На этот раз в зубах была зелёная иностранная банкнота. Доллары. Сто баксов ! Я осторожно взял купюру. Вот это уже другое дело. Муся получила обещанный кусочек сыра и с видимым удовольствием принялась его грызть. Покончив с сыром, она снова юркнула в темноту. Я уже молча наблюдал. Через некоторое время она вернулась ещё с одной иностранной купюрой. Умница... На этот раз я снова наградил её сыром. Муся довольно умыла мордочку и без всякой команды отправилась за новой добычей. Третий поход оказался самым быстрым. Она появилась почти сразу. Снова доллары. Да ты у меня настоящий кладоискатель... Я машинально протянул ей кусочек фарша. Муся с аппетитом его съела. Доела. Посмотрела на меня. И, словно поняв, что игра продолжается, в четвёртый раз скрылась под шкафом. На этот раз она принесла обычную советскую сторублёвку. Я рассмеялся шёпотом. Так... Значит, ты различаешь награды... Я поднял перед ней два угощения. В одной руке сыр. В другой фарш. Муся внимательно посмотрела сначала на одно, потом на другое. Потом перевела взгляд на меня. Я вдруг понял, что она действительно не действует случайно. Она связывала разные находки с разным вознаграждением. «Она понимает меня...» мелькнуло в голове. Это уже не было похоже на простую дрессировку. Словно между нами возник какой-то безмолвный договор. Я медленно погладил её по спинке. Ну что, напарница... Похоже, завтра нам предстоит выяснить, откуда ты всё это таскаешь. Муся тихонько застрекотала, будто соглашаясь, затем сама забралась обратно в клетку и улеглась в своём домике. Я аккуратно закрыл дверцу. В кармане тихо шуршали советские рубли и иностранные банкноты. А в голове крутилась только одна мысль: «Если Муся приносит деньги не случайно... значит, где-то совсем рядом скрывается тайник, который никто не открывал уже много лет.»

Глава 13

Проснулся я от ощущения живого тепла рядом. Аня спала, слегка повернувшись ко мне. Во сне её лицо казалось совсем юным, без привычной серьёзности, которую она носила на работе. Несколько прядей волос упали на лоб, а дыхание было ровным и спокойным. Я невольно улыбнулся. Странная штука возраст. По паспорту ей было около сорока. Но мой разум прожил гораздо больше. Где-то глубоко внутри я всё ещё оставался человеком, который успел состариться, прожить длинную жизнь и многое потерять. Для меня сорокалетняя женщина была молодой. Очень молодой. Я поймал себя на мысли, что воспринимаю её совсем иначе, чем восемнадцатилетний студент. Тогда мне казалось бы, что сорок лет это почти старость. Теперь же я видел красивую, полную сил женщину, которой ещё жить и жить. Наверное, возраст меняет не лицо человека. Он меняет взгляд того, кто на это лицо смотрит. Я осторожно поправил сползший край одеяла, стараясь её не разбудить. Но Аня всё равно открыла глаза. Несколько секунд она молча смотрела на меня, ещё не совсем проснувшись. Потом тихо улыбнулась. Доброе утро... Доброе. Давно не спишь? Только проснулся. Она потянулась, сладко зевнула и, заметив мой задумчивый взгляд, тихо спросила: О чём задумался? Я усмехнулся. О возрасте. Она рассмеялась. Нашёл о чём думать с самого утра. Просто понял одну вещь. Какую? Когда мне было восемнадцать, сорокалетние казались почти стариками. Она удивлённо

посмотрела на меня. А сейчас? Я встретился с ней взглядом. Сейчас мне кажется, что сорок лет это ещё молодость. Самое время жить. Она несколько секунд молчала. Потом покачала головой и улыбнулась той доброй улыбкой, которая так нравилась мне. Станный ты человек, Егорушка. Почему? Потому что большинство молодых хотят казаться взрослыми. А ты рассуждаешь так, словно прожил несколько жизней. Я отвёл взгляд к окну. Иногда мне и самому так кажется... Аня не стала расспрашивать. Она лишь осторожно взяла меня за руку. Ну что, философ... Пора вставать. Она улыбнулась. Нас ведь рынок ждёт. Если проспим, всё самое интересное разберут. Я рассмеялся. Тогда подъём. Но я не дал ей встать и взобрался на нее. Егорушка взмолилась она я даже не чистила зубы. Дай мне привести себя в порядок. Но я уже начал ее целовать и вошел в нее. Она забыла про нечищенные зубы и подставляла свои пухлые губы для жарких поцелуев. Я вонзался в нее с упоением восхищаясь ее плотным телом и любовался ее васильковыми глазами. Как красиво ты смотришь на меня восхитилась она. От твоего взгляда так хочется жить и обнять меня. За окном уже светило яркое воскресное солнце, обещая новый день, который, как я уже начинал привыкать, наверняка приготовил очередной неожиданный поворот. Дождавшись ее сладких стонов я кончил в нее. Получая давно забытые ощущения обладания красивым и податливым телом. Которое откликается на каждое твое прикосновение. Умывшись и быстро приведя себя в порядок, мы вышли на кухню. Аня уже успела поставить чайник. Завтрак готовить некогда, сказала она, доставая две чашки. А то на толкучке всё самое интересное без нас разберут. Через несколько минут по кухне разлился аромат свежесваренного кофе. На столе появилась вазочка с печеньем и сахарница. Держи, она подвинула ко мне чашку. Я сделал первый глоток. Горячий, крепкий кофе окончательно прогнал остатки сна. Хорошо... невольно сказал я. Конечно хорошо, улыбнулась Аня. Воскресное утро должно начинаться именно так. Мы торопливо ели печенье, запивая его кофе, время от времени поглядывая на настенные часы. Опаздываем, первой вскочила Аня. Она быстро надела лёгкий плащ, поправила волосы перед зеркалом и взяла сумочку. Я подхватил клетку с Мусей. Нет-нет, засмеялась Аня. Крысу мы сегодня дома оставим. А то она ещё полрынка обследует. Я улыбнулся и поставил клетку обратно. Муся недовольно пошевелила усами, словно ей совсем не понравилось такое решение. Потерпи, путешественница, сказал я. Сегодня без тебя. Я проверил, закрыта ли клетка, насыпал ей корма и налил свежей воды. Вот теперь всё. Побежали! уже из прихожей позвала Аня. Мы почти одновременно выскочили из квартиры. Она заперла дверь, машинально проверила замок и, взяв меня за руку, почти бегом повела вниз по лестнице. Быстрее! Если этот автобус уйдёт, следующий только через двадцать минут! Мы выскочили из подъезда и побежали к остановке. Автобус уже стоял с открытыми дверями. Подождите! крикнула Аня водителю. Водитель, увидев бегущую женщину, усмехнулся и не стал закрывать двери. Запыхавшись, мы вскочили в салон буквально в последний момент. Двери с шипением закрылись. Автобус тронулся. Мы переглянулись и одновременно рассмеялись. Успели, облегчённо выдохнула Аня. А я уже думал, придётся пешком идти. Пешком? До толкучки почти час. Тогда хорошо, что успели. Она незаметно взяла меня под руку. За окном медленно проплывали улицы просыпающегося города, а впереди нас ждал воскресный рынок место, где, как говорили, можно было найти абсолютно всё, если знать, у кого искать. Автобус был переполнен. Несмотря на раннее утро, почти все пассажиры ехали в одном направлении. Кто-то вёз пустые сумки и авоськи, кто-то небольшие чемоданы. Пожилые мужчины оживлённо обсуждали цены на радиодетали, две женщины спорили, где дешевле купить польские сапоги. Видишь? тихо сказала Аня. Полгорода туда едет. Я кивнул. Похоже, место популярное. Ещё бы. На толкучке можно найти всё. От старой книги до японского магнитофона. Если, конечно, денег хватит. Она лукаво улыбнулась. Смотреть ведь никто не запрещает. Минут через двадцать автобус свернул с центральной улицы и остановился возле огромного пустыря. Но пустырьём это место назвать было трудно. Повсюду стояли ряды людей. Кто-то торговал прямо с земли, расстелив газету. Кто-то открыл багажник

«Жигулей» и разложил товар на старом покрывале. Воздух был наполнен гулом сотен голосов. Подходи! Почти новое! Дешевле не найдёшь! Венгрия! Настоящая! Польский трикотаж! Я остановился, поражённый масштабом. Ничего себе... Аня довольно улыбнулась. Ну как? Да здесь, кажется, можно купить даже самолёт. Она рассмеялась. Самолёт не знаю... А двигатель к нему наверняка найдётся. Мы медленно пошли между рядами. На одном прилавке лежали фотоаппараты, рядом стопки книг, чуть дальше сверкали хрустальные бокалы. За ними продавали джинсы, спортивные костюмы, кроссовки, часы, пластинки, кассеты и даже импортную жевательную резинку. Я невольно замедлил шаг возле мужчины, разложившего электронные часы. Нравятся? спросила Аня. Красивые. Купим потом. Аня... Даже не спорь. Я только улыбнулся. Она крепко держала меня под руку, словно боялась потеряться в этой шумной толпе. Вдруг её взгляд остановился на одном из рядов. Вот! Она решительно потянула меня за собой. Что? Одежда. Перед нами стоял высокий мужчина лет пятидесяти. На металлической стойке висели пиджаки, рубашки, джинсы и лёгкие куртки. Доброе утро, Зинаида Павловна! весело поздоровался продавец. Анна Павловна, с улыбкой поправила она. Простите, память уже не та. Он перевёл взгляд на меня. Сын? Аня на мгновение смутилась. Потом посмотрела на меня. Нет... Она улыбнулась уголками губ. Очень близкий человек. Продавец понимающе кивнул. Тогда сейчас мы его оденем так, что все студентки головы сворачивать будут. Я тихо рассмеялся. Только без фанатизма. На толкучке без фанатизма нельзя, подмигнул продавец, уже снимая с вешалки первую светлую рубашку. Так... продавец прищурился, словно портной перед примеркой. Рост примерно сто семьдесят восемь... Плечи хорошие... Размер сорок восемь. Он снял с вешалки голубую рубашку. Примерь. Я взял её в руки. Здесь? А чего стесняться? засмеялся продавец. Тут все примеряют. Аня уже расстёгивала мою старую рубашку. Стойте... Я сам... Сам он, улыбнулась она. Вечно мужчины всё сами. Через минуту новая рубашка уже сидела на мне. Продавец обошёл меня кругом. Ну вот! Совсем другой человек. Аня несколько секунд внимательно смотрела, потом покачала головой. Нет. Что нет? удивился продавец. Цвет не его. Почему? Он светлый. Ему насыщенные цвета идут. О-о... Сразу видно женщина выбирает. Он снял ещё две рубашки. Синюю и бордовую. Вот эту, уверенно сказала Аня, протягивая синюю. Я надел её. Она поправила воротник, расправила плечи и отошла на шаг. Глаза её вдруг засияли. Вот теперь да. Настолько лучше? Она кивнула. Намного. Я посмотрел на себя в небольшое зеркало, висевшее на стойке. Честно говоря, себя я почти не узнал. Рубашка действительно сидела отлично. Берём, сказала Аня. Подожди... Не подожду. Продавец уже складывал покупку в пакет. Теперь брюки. Через десять минут я стоял уже в новых тёмных брюках. А теперь пиджак, не унималась Аня. Может, хватит? Не хватит. Она сняла с вешалки серый лёгкий пиджак. Надевай. Я подчинился. Она долго рассматривала меня. Потом неожиданно улыбнулась так широко, что на щеках появились ямочки. Ну вот. Что? Теперь рядом со мной идёт не потерявшийся студент, а молодой мужчина. От этих слов мне почему-то стало неловко. Я опустил глаза. Продавец хитро улыбнулся. Хорошая у вас жена. Мы с Аней одновременно открыли рты. Мы не... Но договорить никто не успел. Пожилой продавец махнул рукой. Да ладно вам. Мне-то объяснять не надо. За сорок лет торговли я таких взглядов насмотрелся. Аня покраснела. Я тоже почувствовал, как лицо стало горячим. Она молча достала кошелек. Я быстро остановил её руку. Нет. Егор... Нет, Аня. Я вынул из кармана несколько сторублёвых купюр. Тех самых, которые принесла Муся. Осторожно отделил одну. Сегодня плачу я. Она удивлённо посмотрела на деньги. Откуда у студента такие средства? Я улыбнулся. Скажем так... премию получил. Она недоверчиво покачала головой, но спорить не стала. Продавец аккуратно пересчитал деньги, отсчитал сдачу и, передавая пакет, сказал: Носите с удовольствием. И берегите друг друга. Мы молча поблагодарили его и пошли дальше по шумным рядам толкучки. Аня всё ещё украдкой поглядывала на меня. Что? спросил я. Она улыбнулась. Просто люблю. Кем? Тобой. Я рассмеялся. Вот уж не думал, что обычная рубашка может так изменить

человека. Не рубашка, тихо ответила она, крепче взяв меня под руку. Иногда человеку достаточно, чтобы рядом оказался тот, кто увидит в нём что-то хорошее.

Глава 14

Мы медленно шли вдоль бесконечных торговых рядов. Аня крепко держала меня под руку, словно боялась потеряться в людском потоке, хотя, скорее всего, понимала, что это я сейчас с интересом разглядываю всё вокруг и могу незаметно уйти в сторону. Смотри, сказала она, указывая на соседний ряд. Там книги. Перед длинным столом толпились люди. На потёртых покрывалах лежали собрания сочинений, учебники, справочники, иностранные журналы, книги и радио приборы, которые в обычном магазине было не купить. Я машинально подошёл ближе. Пожилой продавец поднял голову. Студент? Да. Тогда посмотри вот это. Он протянул мне толстый справочник по высшей математике. Но я взял в руки японский тестер. Редкость, с гордостью сказал продавец. Разбирают быстро. Я уже хотел положить её обратно, но Аня мягко остановила мою руку. Берём. Аня... Даже не начинай. Она расплатилась быстрее, чем я успел возразить. Я только покачал головой. Ты меня совсем избалуешь. Она засмеялась. Не переживай. Когда начнёшь работать, будешь меня баловать. Договорились. Мы двинулись дальше. В следующем ряду продавали пластинки. Из старенького магнитофона звучала музыка.

Несколько молодых ребят рассматривали импортные кассеты. Я задержался у витрины с наручными часами. Среди десятков моделей взгляд зацепился за простые механические часы в стальном корпусе. Нравятся? тихо спросила Аня. Очень. Тогда... Нет. Я улыбнулся. Вот часы я куплю себе сам. Когда получу первую зарплату. Она внимательно посмотрела на меня. Потом кивнула. Хорошо. Обещаю. Ловлю на слове. Мы уже собирались идти дальше, когда за спиной раздался знакомый голос: Егорушка! Я обернулся. К нам быстрым шагом шёл Андрей. В одной руке он нёс огромную спортивную сумку, а другой энергично махал нам. Вот это встреча! Он остановился рядом, перевёл взгляд с меня на Аню, потом снова на меня. На его лице появилась широкая улыбка. Так вот почему ты вчера после турнира так быстро исчез! Я почувствовал, как Аня слегка смутилась. Знакомься, сказал я. Это Анна Павловна. Андрей вежливо кивнул. Очень приятно. Потом, не удержавшись, тихонько толкнул меня локтем. Егорыч... А ты времени зря не теряешь. Андрей... с укором произнёс я. Он громко рассмеялся. Ладно, ладно. Молчу. Аня, к моему удивлению, тоже улыбнулась. Это, наверное, тот самый Андрей, который спас тебя от хулиганов? Он самый, ответил я. Тогда спасибо вам. Андрей даже растерялся. Да что вы... Пустяки. Для меня не пустяки, спокойно сказала Аня. Если бы не вы, кто знает, чем всё закончилось бы. Андрей смущённо почесал затылок. Егорыч у нас парень хороший. За своих надо стоять. Я посмотрел на него и невольно подумал, что за внешностью боксёра скрывается удивительно добрый человек. Ладно, сказал Андрей. Не буду вам мешать. Вечером шахматы? Обязательно. Тогда до вечера. Он пожал мне руку, уважительно кивнул Ане и растворился в шумной толпе рынка. Мы ещё некоторое время смотрели ему вслед. Хороший друг, сказала Аня. Да. Таких немного. Именно поэтому я его и ценю. Она крепче взяла меня под руку. Пойдём. Кажется, я видела вон там хорошие туфли. Нельзя же останавливаться на полпути. Я только улыбнулся. Похоже, сегодняшний поход на рынок действительно был только в самом начале. Мы ещё долго бродили между рядами. Пакет с моими покупками становился всё тяжелее, а Аня, казалось, совсем не уставала. Она останавливалась то у одного прилавка, то у другого, здоровалась с продавцами, спрашивала цены, что-то сравнивала. Вдруг я остановился. На деревянном стенде висели женские платья. Лёгкие, яркие, летние. Мой взгляд остановился на одном из них. Оно было светло-голубого цвета, с короткими рукавами и длиной чуть выше колен. Простое, но очень красивое. Аня, позвал я. Что? Подойди. Она подошла и сразу поняла, куда я смотрю. Нет улыбнулась она. Даже не думай. Почему? Потому что мы приехали покупать одежду тебе. Уже купили. Она покачала головой. Егорушка... Я снял платье с вешалки. Можно посмотреть? Продавщица улыбнулась. Конечно, молодой человек. Для жены

выбираете? Аня смущённо опустила глаза. Мы... Я не дал ей договорить. Можно ей примерить? Конечно. Кабинка вон там. Аня посмотрела на меня почти умоляюще. Не надо... Почему? Она тихо ответила: Я уже много лет не носила таких платьев. Вот именно. Оно слишком короткое. Для кого? Она пожала плечами. Для комендантши общежития. Я улыбнулся. А для красивой женщины? Она подняла на меня глаза. Несколько секунд молчала. Потом тихо произнесла: Ты умеешь уговаривать. Она взяла платье и скрылась за занавеской примерочной. Прошло несколько минут. Егор... послышался её неуверенный голос. Я не знаю... Выходи. Мне неловко. Выходи. Занавеска медленно раздвинулась. Я замер. Платье сидело на ней так, словно было сшито специально для неё. Оно подчёркивало стройную фигуру, открывало красивые ноги и удивительно молодило её. Она стояла, смущённо придерживая подол ладонями. Ну... совсем плохо? Я покачал головой. Нет. Правда? Я даже слов подобрать не могу. Продавщица довольно улыбнулась. Я же говорила. Это её фасон. Аня подошла к большому зеркалу. Долго рассматривала своё отражение. Потом тихо сказала: Я словно на десять лет моложе стала. Больше, улыбнулся я. Она повернулась ко мне. Но я не могу... Почему? Дорого. Я достал деньги. Сегодня моя очередь делать подарки. Егор... Никаких возражений. Она попыталась остановить меня. Ты же студент. А ты женщина, которая впервые за долгое время улыбается своему отражению. Она опустила глаза. Мне никто никогда не покупал платье просто так... Я молча расплатился. Продавщица аккуратно сложила старую одежду Ани в пакет. Носите обновку на здоровье. Я протянул пакет Ане. Она не взяла. Вместо этого неожиданно шагнула ко мне и крепко обняла. Спасибо... прошептала она. Ты даже не представляешь, что сделал для меня. Я улыбнулся. Представляю. Она отступила на шаг, вытерла выступившую слезинку и вдруг рассмеялась. Ну всё. Теперь пойдём быстрее домой. Почему? Она лукаво посмотрела на меня. Потому что мне очень хочется ещё раз посмотреть на себя в большое зеркало. И услышать, что я действительно хорошо выгляжу. Тогда могу не ждать до дома. Она вопросительно посмотрела на меня. Ты сегодня самая красивая женщина на всей толкучке. Аня покраснела, как девчонка, взяла меня под руку, и мы растворились в шумной воскресной толпе, смеясь так беззаботно, словно знали друг друга всю жизнь. Мы уже собирались уходить с рынка, когда мой взгляд зацепился за небольшой прилавок, над которым висела табличка: **«Инструмент. Радиодетали. Электрика.»** Я невольно остановился. На столе аккуратно рядами лежали отвёртки, пассатижи, бокорезы, индикаторы напряжения, паяльники, мультиметры и небольшие чемоданчики с инструментом. Что случилось? спросила Аня. Подожди минутку. Она послушно остановилась рядом. Я подошёл к продавцу. Пожилой мужчина в выгоревшей кепке сразу понял мой интерес. Электрик? Я улыбнулся. Можно сказать и так. Тогда смотри. Он поставил на прилавок небольшой пластиковый чемоданчик. Щёлкнули замки. Внутри всё лежало на своих местах. Набор отвёрток. Пассатижи. Бокорезы. Круглогубцы. Индикаторная отвёртка. Монтажный нож. Набор наконечников. Даже небольшой мультиметр. Я осторожно провёл рукой по инструменту. Каждый предмет лежал именно там, где ему и положено. Хороший набор, сказал продавец. Германский. Такой на всю жизнь хватит, если не бросать где попало. Я поднял бокорезы. Баланс был отличный. Потом взял отвёртку. Рукоятка удобно легла в ладонь. Перед глазами неожиданно всплыла другая жизнь. Щитовые. Подстанции. Километры кабеля. Запах изоляции. Треск контакторов. Я словно снова оказался на работе. Нравится? тихо спросила Аня. Очень. Тогда берём. Я покачал головой. Нет. Почему? Потому что этот подарок я сделаю себе сам. Она улыбнулась. Тогда покупай. Я достал деньги. Продавец закрыл чемоданчик и протянул его мне. Береги инструмент. Буду. Он внимательно посмотрел на меня. Странно. Что именно? Молодёжь сейчас больше на магнитофоны смотрит да на джинсы. А ты на инструмент так смотришь, будто старого друга встретил. Я улыбнулся. Может, так оно и есть. Когда мы отошли от прилавка, Аня взяла чемоданчик из моих рук. Тяжёлый. Давай я. Нет, упрямо сказала она. Раз уж ты сегодня носил мои покупки, теперь моя очередь. Я рассмеялся. Какие же это твои покупки? Это мои. А платье? Я хитро посмотрел на неё. Оно уже твоё. Она покрас-

нела и тихо произнесла: Тогда договорились. Мы медленно направились к автобусной остановке. В одной руке у меня был пакет с одеждой. Аня несла чемоданчик с инструментом так бережно, словно это была дорогая семейная реликвия. Зачем он тебе? спросила она. Я посмотрел на чемоданчик. Никогда не знаешь, когда пригодится хорошее ремесло. Она улыбнулась. Значит, ты действительно умеешь работать руками. Немного. Я невольно усмехнулся. Если бы она знала, что за моей внешностью студента скрывается человек, который много лет проработал электриком, монтировал оборудование и устранял сложные неисправности, она бы, наверное, ещё сильнее удивилась. Но эту тайну я пока предпочёл оставить при себе. Мы уже почти вышли с толкучки, когда мой взгляд остановился на небольшом прилавке, где продавали женское бельё. На верёвке аккуратно висели ночные сорочки, комбинации, халаты и комплекты белья в простых картонных коробках. Я невольно замедлил шаг. Аня сразу заметила это. Что такое? Я немного смутился. Подожди минутку. Она проследила за моим взглядом и сразу всё поняла. Егор... нет. Почему? Она тихо рассмеялась. Потому что это уже слишком. Что именно? Мы знакомы всего несколько дней, а ты уже хочешь покупать мне такие вещи. Я посмотрел ей в глаза. Ты столько сделала для меня. Позволь и мне сделать тебе приятное. Она покачала головой. Мне неудобно. К разговору подключилась пожилая продавщица. Девушка, не смущайтесь. Молодой человек выбирает подарок от души. Аня окончательно покраснела. Я... даже не знаю... Продавщица достала из коробки красивую шёлковую ночную сорочку нежно-кремового цвета. Посмотрите. Очень хорошая ткань. И размер, кажется, ваш. Аня осторожно провела ладонью по ткани. Какая мягкая... Примерять не надо, улыбнулась продавщица. Я и так вижу, что подойдёт. Я посмотрел на Аню. Нравится? Она едва заметно кивнула. Очень... Но... Никаких «но». И еще дайте вот те трусики. Да белые с кружевами и тот набор с красными рюшками. Я расплатился. Краем глаза я видел как краснее Аня. Продавщица аккуратно завернула покупку в плотную бумагу и перевязала тонкой ленточкой. Держите. Пусть этот подарок напоминает о хорошем воскресенье. Я протянул свёрток Ане. Она долго не решалась взять его. Потом всё же прижала пакет к груди. Спасибо... Только одно условие. Она насторожилась. Какое? Больше не говори, что ты уже не молодая. Она улыбнулась так тепло, что мне показалось, будто вокруг стало светлее. Хорошо. Она осторожно взяла меня под руку. Знаешь... Мне уже очень давно никто не дарил подарков просто потому, что хотел сделать мне приятно. Значит, сегодня хороший день. Да, тихо ответила она. Очень хороший. И мы, улыбаясь друг другу, медленно пошли к автобусной остановке, неся пакеты с покупками и ощущение того, что это воскресенье запомнится нам обоим надолго.

Глава 15

Обратный автобус оказался почти пустым. Воскресная толкучка уже начинала затихать, и большинство пассажиров ещё оставалось на рынке. Мы сели у окна. Аня бережно положила пакеты на колени и, улыбаясь, посмотрела на меня. Устал? Есть немного. А я нет. Почему? Она тихонько рассмеялась. Потому что сегодня мне было хорошо. Автобус мягко тронулся. За окнами поплыли дачные участки, потом редкие дома, а вскоре показались знакомые городские улицы. Несколько минут мы молчали. Потом Аня осторожно коснулась моей руки. Егор... Что? Можно я тебя кое о чём попрошу? Конечно. Только не смейся. Не буду. Она немного помолчала, собираясь с духом. Когда мы придём домой... можно я примерю платье ещё раз? Я улыбнулся. Конечно. И... хочу показать его тебе. Ты его уже показывала. Она покачала головой. Нет. Там был рынок, люди... Я всё время смущалась. Она опустила глаза. А дома... только ты. Я осторожно сжал её ладонь. Хорошо. Она благодарно улыбнулась. Автобус остановился возле их района. Мы вышли и неспешно пошли к дому. Поднимаясь по лестнице, Аня вдруг остановилась у своей двери. Подожди здесь одну минутку. Зачем? Она загадочно улыбнулась. Сюрприз. Схватив пакет с новым платьем, она быстро скрылась в спальне. Из комнаты донёсся шорох ткани, скрип дверцы шкафа, тихое позвякивание плечиков. Я остался в гостиной. Муся, увидев меня, поднялась на задние лапки и приветственно пошевелила усами. Тише, шепнул

я ей. Сейчас хозяйка выйдет. Прошло несколько минут. Дверь спальни медленно открылась. Аня нерешительно вышла в комнату. На ней было новое голубое платье, которое мы купили на рынке. Она остановилась у двери, слегка разгладила ладонями ткань и с волнением спросила: Ну... как? Я поднялся со стула. Платье действительно удивительно ей шло. Оно подчёркивало фигуру, а её улыбка делала весь образ ещё светлее. Очень красиво. Она внимательно всматривалась в моё лицо, словно проверяя, не говорю ли я это только из вежливости. Правда? Правда. Она медленно подошла к большому зеркалу. Несколько секунд молча рассматривала своё отражение. Потом тихо сказала: Знаешь... кажется, я впервые за много лет смотрю в зеркало с удовольствием. Она повернулась ко мне. Спасибо тебе, Егор. Я лишь улыбнулся. Иногда человеку нужно совсем немного, чтобы снова почувствовать себя счастливым. Аня подошла ближе и осторожно взяла меня за руки. Тогда сегодня счастливых людей в этой квартире стало двое. В этот момент из клетки донеслось недовольное шуршание. Мы одновременно посмотрели на Мусю. Белая крыса стояла, держась лапками за прутья, и выразительно смотрела то на нас, то на холодильник. Я рассмеялся. Кажется, кто-то считает, что после удачной поездки ей тоже полагается награда. И, по-моему, она права, улыбнулась Аня. Она достала из холодильника маленький кусочек сыра, а я открыл клетку. Муся осторожно взяла угощение и принялась с аппетитом есть, словно тоже была довольна тем, как прошёл этот необычный воскресный день. Отойдя от клетки, Аня остановилась возле большого зеркала. Она смущённо улыбнулась, словно собиралась сделать что-то очень для себя необычное. Егор... Что? Она оглянулась на меня. Только не смейся. Даже не собираюсь. Она на мгновение замялась, потом чуть приподняла край нового платья, ровно настолько, чтобы показать кружевной край новых трусиков. Щёки её тут же вспыхнули. Она быстро опустила подол и отвела взгляд. У меня... таких никогда не было, тихо призналась она. Всё как-то не до себя было. Работа, общежитие, вечные заботы... Покупала только самое необходимое. Я подошёл ближе. И как? Она смущённо улыбнулась. Красивые... И очень удобные. Потом тихо рассмеялась над собственной неловкостью. Представляешь, стою перед зеркалом и люблюсь... Словно снова стала молодой девушкой. Аня... Она подняла глаза. Ты и есть красивая женщина. Она покачала головой. Compliments говорить ты умеешь. Это не комплимент. Нет? Это то, что я вижу. Она несколько секунд молча смотрела на меня. Потом подошла совсем близко и осторожно поправила воротник моей новой рубашки. А ты знаешь... ведь и тебя сегодня не узнать. Благодаря тебе. Благодаря нам обоим. Она взяла меня за руки. Спасибо не за подарки. А за что? За то, что рядом с тобой я сегодня впервые за много лет подумала не о работе, не о долгах, не о том, что скажут люди... А просто о том, что можно радоваться жизни. Я улыбнулся. Значит, воскресенье прошло не зря. Она кивнула. Не зря. В комнате было тихо. Из клетки доносилось лишь мирное шуршание Муси, которая уже устраивалась спать после своего угощения. Аня посмотрела на часы. Завтра снова понедельник. Да. Работа, институт... Она вздохнула, но тут же улыбнулась. Зато теперь у меня есть новое платье, а у тебя новая рубашка. И чемоданчик с инструментом. Она тихонько рассмеялась. Вот уж что действительно делает мужчину счастливым. Не только инструмент. А что ещё? Я посмотрел ей в глаза. Когда дома тебя кто-то ждёт. Она ничего не ответила. Лишь крепче сжала мою ладонь, и в этой тёплой тишине слова уже были не нужны. Поцеловав ее в губы я развернул ее под ее удивленный взгляд. Она уперлась руками о диван и выгнула спинку. подставляя мне свой шикарный зад. Задрав платье я приспустил кружевные трусики и вошел в нее. Она не говорила мне про немытые руки и про стыд. Она не напоминала мне мою сварливую жену. Она была воплощением моей мечты. Я входил и выходил из нее наслаждаясь процессом. Вдыхая аромат ее вагины и любуясь ее красивым платьем и приспущенными трусиками. Неожиданно она чуть присела и опустив голову замотала ею. Аайй блять вырвалась у нее со стоном и она расхохоталась зажимая себе рот рукой. Когда приступ смеха у нее закончился. Она призналась я впервые кончила раком. И я тоже кончил от этих слов. Она молча наблюдала как стекает из нее сперма на ее новые трусики. Ну вот в первый раз и

испачкала. И сняв их пошла стирать. Вечер незаметно вступал в свои права. За окном постепенно гасли последние отблески солнца. Во дворе слышались детские голоса, кто-то хлопнул дверью подъезда, а потом всё стихло. Аня первой нарушила молчание. Надо ужин приготовить. После такого обеда? Она улыбнулась. Есть всё равно захочется. Я поднялся. Тогда командуй. Нет уж, рассмеялась она. Сегодня готовим вместе. Мы прошли на кухню. Аня открыла холодильник. Пельмени ещё остались. Значит, их и сварим. Она поставила кастрюлю на плиту, налила воды и включила газ. Следи, чтобы не убежала. Есть. Пока вода закипала, я начал раскладывать по местам покупки. Новая рубашка отправилась в шкаф. Чемоданчик с инструментом я поставил в угол возле двери. Аня заглянула в комнату. Уже хозяйничаешь? Привыкаю к порядку. Она засмеялась. Это хорошо. Через несколько минут вода закипела. Мы вместе высыпали пельмени в кастрюлю. Помешивай, сказала она, протягивая мне деревянную ложку. Есть, товарищ комендант. Опять смеёшься? Нисколько. Она легонько толкнула меня плечом. Несерьёзный. Я посмотрел на неё. А ты заметила, что за всё время сегодня ни разу не сказала мне «Круженов»? Она задумалась. Потом улыбнулась. Правда... Теперь только Егорушка. Она смутилась. Само собой получилось. И мне это нравится. Она убавила огонь под кастрюлей. А мне нравится, что ты называешь меня Аней. На несколько секунд мы замолчали. Потом она тихо сказала: Знаешь... квартира словно ожила. Из-за ремонта? Она покачала головой. Нет. Тогда почему? Потому что раньше я приходила домой, и меня встречала тишина. Она посмотрела на меня. А теперь кто-то разговаривает на кухне, смеётся, спорит, помогает накрывать на стол... Она отвела взгляд. Я и забыла, что дом это не стены. Я осторожно положил ладонь на её руку. Дом это люди. Она кивнула. Наверное, поэтому сегодня здесь так уютно. Пельмени были готовы. Мы сели за стол. Аня положила мне полную тарелку, добавила сверху кусочек сливочного масла и поставила рядом сметану. Ешь. А ты? Сейчас. Я посмотрел на неё. Знаешь, Аня... Что? Кажется, это были самые необычные выходные в моей жизни. Она подняла чашку с чаем. Тогда давай запомним их именно такими. Какими? Спокойными. Мы тихонько чокнулись чашками. В соседней комнате мирно сопела Муся, свернувшись клубочком в своей клетке. А впереди уже маячил понедельник институт, первая смена на новой работе и обычная студенческая жизнь, которая, как я уже успел понять, в любой момент могла преподнести очередной неожиданный сюрприз.

Глава 16

Мы ещё сидели за столом, допивая чай, когда меня словно ударило током. Я резко поставил чашку. Андрей... Аня удивлённо посмотрела на меня. Что случилось? Шахматы! Какие шахматы? Я хлопнул себя ладонью по лбу. Турнир! Я же обещал Андрею, что обязательно приду. Сегодня в главном корпусе института. Она посмотрела на настенные часы. Егорушка, так ты уже опаздываешь. Я вскочил. Вот именно! В два прыжка оказался в прихожей, натянул новые туфли, схватил пиджак. Подожди хоть, засмеялась Аня. Ты же так без пуговиц убежишь. Она быстро подошла ко мне и привычным движением застегнула верхнюю пуговицу рубашки, поправила воротник и приладила ладонью лацкан пиджака. Вот теперь можно людям показываться. Я улыбнулся. Спасибо. Она посмотрела на меня долгим взглядом. Вернёшься? Я даже удивился вопросу. Конечно. Я ужин приготовлю. Тогда я постараюсь не задерживаться. Она кивнула. И... Егор... Что? Победы. Я рассмеялся. Постараюсь. Она неожиданно привстала на носочки и быстро поцеловала меня в щёку. Это на удачу. Я почувствовал, как лицо стало горячим. Теперь точно выиграю. Вот и хорошо. Я распахнул дверь. До вечера! До вечера, Егорушка! Я почти бегом спустился по лестнице. Во дворе поймал попутный автобус и, тяжело дыша, вскочил в уже закрывающиеся двери. Пока автобус ехал к институту, я думал только об одном. «Лишь бы Андрей не решил, что я его подвёл.» Автобус остановился у главного корпуса. Я выскочил на остановку и почти бегом поднялся по широким гранитным ступеням. Ещё из вестибюля были слышны оживлённые голоса. На дверях красного уголка висел написанный от руки плакат: **«Межфакультетский шахматный турнир. Финальные встречи.»**

Ну, Егорыч! раздался знакомый бас. Андрей буквально вынырнул из толпы. Я уже думал, ты не придёшь! Он крепко пожал мне руку. Без тебя не начинаем. Почему? Андрей широко улыбнулся. Потому что сегодня ты играешь на первой доске. Я удивлённо посмотрел на него. На первой? Да. Он наклонился ко мне и почти шёпотом сказал: Против чемпиона института. Я невольно улыбнулся. Значит, скучно не будет. Андрей хлопнул меня по плечу. Вот за это я тебя и уважаю. И, распахнув дверь в зал, громко объявил: Товарищи! Наш первый номер был! Несколько десятков человек одновременно повернули головы в мою сторону. В зале сразу стало тихо. Разговоры смолкли. Кто-то с интересом разглядывал меня, кто-то, наоборот, скептически усмехался. Это он? донеслось из глубины зала. Тот самый, что вчера матч вытащил? Да ладно... Обычный первокурсник. Андрей уверенно подвёл меня к первой доске. За столом уже сидел мой соперник. Высокий худощавый парень в очках. На вид лет двадцать пять. Перед ним лежала толстая шахматная тетрадь с анализами партий. Он спокойно поднялся. Александр. Егор. Мы пожали друг другу руки. Говорят, ты вчера неплохо сыграл. Повезло. Он усмехнулся. В шахматах везение редко помогает. Сейчас проверим. Судья объявил: Первая доска. Белыми играет Александр, чёрными Егор Круженов. Я сел. Передо мной стояли знакомые чёрные фигуры. Как ни странно, волнения не было. За свою долгую жизнь я привык, что любое испытание всего лишь ещё одна задача, которую нужно решить. Андрей наклонился ко мне. Егорыч... Что? Только не спеши. Не буду. Он сжал моё плечо и отошёл. Секундная стрелка настенных часов сделала круг. Судья поднял руку. Начали. Александр уверенно протянул руку к пешке. Первый ход. Я внимательно посмотрел на доску. «Ну что ж... посмотрим, чему тебя учили.» Зал постепенно перестал существовать. Исчезли зрители. Исчез шум. Остались только тридцать две фигуры и шестьдесят четыре клетки. Первые десять ходов прошли быстро. Мы оба играли спокойно. Ни один не стремился к дешёвой атаке. Интересно... тихо произнёс кто-то из наблюдавших. На двенадцатом ходу Александр задумался. Впервые. Он посмотрел на меня поверх очков. Потом снова на доску. Сделал ход. Я почти сразу ответил. Он вновь задумался. Теперь уже надолго. Андрей, стоявший у стены, не сводил с доски глаз. Что происходит? шёпотом спросил кто-то. Круженов вывел его из домашней заготовки. Да быть не может. Сам смотри. Александр медленно снял очки, протёр их платком и снова надел. Он явно искал лучший вариант. Я же сидел совершенно спокойно. Перед внутренним взором всплывали десятки похожих позиций, сыгранных когда-то давно по вечерам за компьютером, когда шахматы были способом отвлечься от забот взрослой жизни. Прошло ещё несколько ходов. И вдруг я увидел возможность. Не комбинацию в три хода. Не красивую жертву. А маленькую неточность. Таковую, которую замечают только после долгого опыта. Я сделал ход. Александр ответил почти мгновенно. И в ту же секунду понял, что ошибся. Он замер. Нахмурился. Снова пересчитал варианты. Потом ещё раз. В зале стало так тихо, что было слышно тиканье часов. Неужели?... прошептал кто-то. Я молча передвинул ферзя. Теперь угроза стала очевидной. Александр глубоко вздохнул. Попытался найти спасение. Но чем дольше считал, тем мрачнее становилось его лицо. Через несколько минут он медленно поднял голову. Посмотрел на меня. Затем аккуратно положил короля набок. Поздравляю. Я протянул руку. Спасибо за партию. Он крепко пожал её. Давненько меня так не переигрывали. В этот момент за моей спиной раздался такой рёв, что я невольно вздрогнул. Егорыч!!! Андрей первым подбежал ко мне, сграбастал в объятия и легко приподнял над полом. Я же говорил! Я же говорил! Остальные участники нашей команды окружили нас. Кто-то хлопал меня по плечам, кто-то жал руку. Судья поднял итоговый протокол и громко объявил: Победителем межфакультетского шахматного турнира становится команда... Он сделал небольшую паузу. ...первого курса! Зал взорвался аплодисментами. Я улыбнулся. И почему-то первой моей мыслью была вовсе не победа. «Надо скорее домой... Аня ведь ждёт меня с ужином.» Товарищи! Тише, тише! поднял руку судья. Аплодисменты постепенно стихли. Из-за стола поднялся пожилой преподаватель с густыми седыми усами. Сегодня мы увидели очень красивую игру. Особенно на первой доске. Он посмотрел в мою сто-

рону. Егор Круженов, прошу выйти. Я немного смутился, но подошёл. На небольшом столике уже стояли грамоты и несколько аккуратных коробок. За лучшую партию турнира... Он раскрыл красную папку. ...награждается студент первого курса Егор Круженов. Зал снова захлопал. Я принял грамоту. Следом преподаватель протянул мне небольшую коробку. И памятный подарок от шахматного клуба института. Я открыл крышку. Внутри лежали красивые механические шахматные часы. Те самые, с двумя круглыми циферблатами и флажками сверху. Спасибо, искренне сказал я. Берегите их, улыбнулся преподаватель. Надеюсь, вы ещё не раз будете защищать честь института. Андрей не выдержал. Будет! Ещё как будет! Все рассмеялись. После награждения ко мне подошёл Александр. Можно? Он кивнул на часы. Красивые. Очень. Он несколько секунд помолчал. Не хочешь иногда играть со мной? С удовольствием. Каждую среду после занятий мы собираемся в шахматном клубе. Я пожал ему руку. Приду. Он улыбнулся. Только больше не скрывай, что так играешь. Да я и сам не ожидал. Александр рассмеялся. Скромность тебе идёт. Когда зал начал пустеть, Андрей снова оказался рядом. Ну что, чемпион! Не начинай. Нет, серьёзно. Ты сегодня весь институт на уши поставил. Он вдруг внимательно посмотрел на мою новую одежду. Слушай... Что? Ты сегодня какой-то другой. В каком смысле? Рубашка новая, пиджак... Да и лицо счастливое. Я невольно улыбнулся. Просто день хороший. Андрей хитро прищурился. Это случайно не Анна Павловна постаралась? Я удивлённо посмотрел на него. Откуда ты... Он громко рассмеялся. Егорыч, общежитие это одна большая деревня. Там новости быстрее ветра распространяются. Я покачал головой. И что говорят? Да ничего плохого. Он дружески хлопнул меня по плечу. Говорят только одно. Что именно? Что комендантша впервые за много лет ходит по общежитию и улыбается. Я замолчал. Почему-то от этих слов стало особенно тепло. Ладно, сказал Андрей. Беги. Куда? Домой. Он специально выделил последнее слово. Она ведь ждёт. Я посмотрел на часы. Стрелки приближались к восьми вечера. И правда... Я быстро убрал грамоту и шахматные часы в пакет. До завтра. До завтра, чемпион! Я сбежал по широким ступеням главного корпуса. На улице уже зажигались фонари. Воскресный город постепенно затихал. Я почти бежал к автобусной остановке, впервые за долгие годы понимая, что меня действительно ждут. Не комната. Не общежитие. Не пустые стены. А человек, который наверняка уже выглядывает в окно и прислушивается к каждому автобусу, надеясь увидеть знакомую фигуру с пакетом в руках. Автобус подошёл почти сразу. Я сел у окна, прижав к себе пакет с шахматными часами и грамотой. За стеклом медленно проплывали вечерние улицы. Люди возвращались домой, несли сумки с воскресных покупок, дети доигрывали последние часы выходного дня во дворах. Я невольно улыбнулся. В голове крутилась одна мысль: «Меня действительно ждут...» Ещё совсем недавно это казалось невозможным. Автобус остановился. Я почти бегом поднялся по знакомой лестнице на шестой этаж. Не успел достать ключ, как дверь открылась. На пороге стояла Аня. Наконец-то! с облегчением выдохнула она. Я уже начала волноваться. Извини. Турнир затянулся. Она внимательно посмотрела на меня. А по глазам вижу, что не зря. Я молча протянул ей пакет. Что это? Посмотри. Она осторожно достала грамоту. Медленно прочитала каждую строчку. Потом открыла коробку. Шахматные часы... Она подняла на меня сияющие глаза. Егор... Ты победил? Я кивнул. Наша команда заняла первое место. Неожиданно она крепко обняла меня. Так крепко, словно победила сама. Я знала... Откуда? Просто знала. Она чуть отстранилась. Пойдём. Куда? На кухню. Почему? Она хитро улыбнулась. Потому что чемпионов надо кормить. Я рассмеялся. На кухне уже всё было готово. На столе стояла глубокая кастрюля с борщом. Рядом тарелка с ещё горячими пирожками. Это всё... Для тебя, закончила она. Я удивлённо посмотрел на неё. Ты всё это успела приготовить? Пока тебя не было. Она налила мне полную тарелку. Садись. Я сел. После первого же глотка понял, насколько проголодался. Очень вкусно... Аня села напротив. Подперев подбородок ладонью, она молча наблюдала, как я ем. Ты почему не ешь? Уже поужинала. Или просто смотришь? Она улыбнулась. Мне нравится смотреть, когда человек ест с таким аппетитом. Я покачал головой. Балует

ты меня. Поздно жаловаться. Когда с борщом было покончено, она поставила на стол чай. Я достал из пакета шахматные часы. Красивые, правда? Она осторожно провела пальцами по деревянному корпусу. Очень. Потом неожиданно спросила: Научишь меня играть? Я удивился. Хочешь? Очень. Но это долго. А я никуда не тороплюсь. Она улыбнулась. Если учитель согласится. Я повернул часы к себе, нажал на одну кнопку. Раздался тихий щелчок. Тогда первый урок начнём прямо сейчас. Сейчас? Почему нет? Она принесла из серванта старую шахматную доску. Представляешь, она у меня лежит лет десять. Всё ждала, когда кто-нибудь научит меня играть. Я посмотрел на неё и невольно рассмеялся. Похоже, судьба всё-таки дождалась. Аня поставила доску на стол. Я начал расставлять фигуры.

Она внимательно наблюдала за каждым моим движением, словно перед ней лежали не деревянные фигурки, а какая-то загадка, которую ей очень хотелось разгадать. За окном окончательно стемнело. Впереди был понедельник, институт, работа и новые заботы. Но в этот вечер мы никуда не спешили. На кухне горел тёплый свет, тихо тикали новые шахматные часы, а за столом сидели два человека, которым было просто хорошо рядом друг с другом.

Глава 17

Смотри, сказал я, расставляя фигуры. Это ладья. Похожа на башню, улыбнулась Аня. Так и есть. А это конь. Она взяла фигурку в руку. Самая красивая. И самая непредсказуемая. Ходит буквой «Г». Странно. Зато очень удобно, когда научишься. Она внимательно слушала, словно прилежная ученица. Я показал, как ходят слон, ферзь и король. А пешка? Я поставил её на вторую горизонталь. Самая слабая фигура. Жалко её. Я улыбнулся. Не спеши. Если пешка дойдёт до последней линии, она может превратиться почти в любую фигуру. Аня удивлённо подняла брови. Правда? Правда. Она задумалась. Потом тихо сказала: Совсем как человек. Почему? Иногда всю жизнь считаешь себя маленькой пешкой... А потом вдруг понимаешь, что всё может измениться. Я внимательно посмотрел на неё. Хорошее сравнение. Она улыбнулась. Это ты меня научил сегодня. Я покачал головой. Нет. Это жизнь научила. Мы начали первую партию. Конечно, я не играл всерьёз. Скорее показывал, объяснял, иногда специально оставлял фигуры без защиты. Через несколько ходов Аня радостно воскликнула: Я съела твоего коня! Молодец. Она довольно улыбнулась. Значит, не такая уж я безнадежная ученица. Совсем не безнадежная. Прошло ещё минут двадцать. Муся проснулась от тиканья часов. Высунула мордочку из клетки, понюхала воздух и вопросительно посмотрела на нас. Видишь, засмеялась Аня. Даже она хочет научиться играть. Главное, чтобы не начала уносить фигуры под шкаф. Тогда ты точно проиграешь. Мы оба рассмеялись. Партия закончилась быстро. Я поставил ей мат ладьёй и ферзём. Аня внимательно посмотрела на доску. Теперь понимаю, почему говорят: «получить мат». Она покачала головой. Королю совсем деваться некуда. Именно. Она задумчиво провела пальцем по шахматной доске. Научи меня так же думать. Это приходит со временем. А если у меня не получится? Получится. Она посмотрела мне прямо в глаза. Ты всегда так уверен? Я улыбнулся. Нет. Тогда почему сейчас уверен? Потому что ты умеешь учиться. Она молча протянула руку через стол и накрыла мою ладонь своей. Спасибо. За что? Сегодня ты подарил мне не только платье. А что ещё? Она посмотрела на шахматную доску. Ты подарил мне желание узнавать что-то новое. Я хотел ответить, но в этот момент настенные часы пробили десять. Аня вздохнула. Всё... Что всё? Выходные закончились. Она поднялась из-за стола. Завтра снова институт, а мне в общежитие раньше всех. Если комендант опаздывает, студенты сразу чувствуют свободу. Я тоже встал. Мы вместе убрали шахматы в коробку. Новые часы она поставила на книжную полку. Здесь им самое место. Я посмотрел на них. Пусть напоминают о сегодняшнем дне. Она кивнула. И о том, что ты обещал научить меня играть. Обещал. Значит, каждый вечер по одной партии. Я улыбнулся. Договорились. Она выключила свет на кухне. В квартире стало тихо. Лишь где-то в клетке негромко зашуршала Муся, устраиваясь спать. А впереди нас ждал понедельник день, с которого должна была начаться совсем новая глава нашей жизни. Мы уснули. Вернее, Аня уснула. Я ещё долго лежал, прислушиваясь к

её ровному дыханию. Она доверчиво прижалась ко мне, положив ладонь мне на грудь. Осторожно, чтобы не разбудить её, я аккуратно переложил её руку на подушку. Спи... едва слышно прошептал я. Она что-то тихо пробормотала во сне и улыбнулась. Я бесшумно поднялся с кровати. В квартире было темно. Только лунный свет пробивался сквозь занавески. Муся уже не спала. Увидев меня, она поднялась на задние лапки и забарабанила маленькими лапками по прутьям клетки. Ну что, добытчица, прошептал я. Я достал из холодильника остатки сыра и немного фарша, открыл клетку и посадил Мусю на пол. Она тут же юркнула под шкаф. Я сел рядом, держа в руке кусочек сыра. Через несколько секунд из темноты показалась её мордочка. В зубах она держала очередную купюру. Я осторожно взял её. Взамен протянул кусочек сыра. Муся с удовольствием принялась есть. Покончив с угощением, она снова исчезла под шкафом. На этот раз вернулась уже с другой банкнотой. Так продолжалось ещё несколько раз. Иногда она приносила советские деньги, иногда иностранные купюры. Я уже перестал удивляться. Лишь аккуратно складывал всё в отдельный внутренний карман своей сумки, стараясь не шуметь. Наконец Муся наелась. Она уселась на задние лапки, тщательно умыла мордочку, потом демонстративно отвернулась от меня. Всё? тихо спросил я. Крыса даже не шелохнулась. Понял... Рабочий день окончен. Я осторожно погладил её по спинке, посадил обратно в клетку, закрыл дверцу и проверил защёлку. Спокойной ночи, Муся. Она уже свернулась клубочком, будто и не было ночной «работы». Я вернулся в спальню. Аня даже не проснулась, когда я снова лёг рядом. Она только инстинктивно придвинулась ближе. Я обнял её, и через несколько минут сам провалился в сон. Проснулся я от лёгкого прикосновения. Открыв глаза, увидел Аню. Она уже была одета для работы. Волосы аккуратно собраны, на плечах лёгкий жакет, в руках сумочка. Просыпайся, соня, улыбнулась она. Я сел на кровати и потёр глаза. Уже утро? Понедельник. Она с улыбкой протянула мне небольшой ключ на металлическом кольце. Держи. Я удивлённо посмотрел на неё. Это... Ключ от квартиры. Зачем? Она улыбнулась ещё теплее. Потому что теперь он и твой тоже. Я растерянно повертел ключ в руках. Аня... Не спорь. Она подошла ближе и поправила мои растрёпанные волосы. Я ухажу раньше. Ты спокойно позавтракай, закрой квартиру и иди в институт. Она уже направилась к двери, но вдруг остановилась. Обернулась. И, пожалуйста... Что? Не проспй. Я рассмеялся. Постарайся. Она подошла ещё раз, быстро поцеловала меня в щёку. До вечера, Егорушка. До вечера. Дверь тихо закрылась. Я остался один. На ладони лежал небольшой ключ. Я долго смотрел на него. Это был не просто кусочек металла. Это был знак доверия. Впервые за очень долгое время у меня появился не только адрес, куда можно было прийти, но и место, куда меня действительно ждали. Собрав тетрадки в сумку, я отправился на учёбу. Как ни странно, никто даже не обратил внимания на мой новый наряд. Ни новая рубашка, ни пиджак, ни туфли не сделали из меня звезду института. Я так и остался одной из сотен неприметных фигур в общем потоке студентов, спешащих на занятия. «Вот и хорошо, подумал я. Меньше внимания спокойнее жизнь». Первая пара прошла привычно. Преподаватель читал лекцию, половина аудитории старательно конспектировала, другая половина боролась со сном. Я же решил использовать своё главное преимущество возраст, пусть и скрытый в молодом теле. Я внимательно слушал каждое слово, стараясь понять материал сразу, чтобы потом не тратить вечера на бессмысленную зубрёжку. В конце лекции преподаватель, как обычно, спросил: Вопросы есть? В аудитории повисла тишина. Я поднял руку. Есть. Преподаватель заметно оживился. Слушаю. Я задал вопрос по теме лекции. Потом ещё один. Следом третий. Несколько студентов начали с интересом прислушиваться к ответам. Преподаватель улыбнулся. Хорошие вопросы, Кружонов. Видно, что думаешь, а не просто переписываешь. Я поблагодарил и сел. Со всех сторон на меня посыпались удивлённые взгляды. Для большинства студентов главной задачей было дождаться звонка, а не разобраться в предмете. Вторая пара проходила в химической лаборатории. Сегодня был коллоквиум. Одни отвечали преподавателю, другие выполняли небольшие практические задания. Освободившись раньше остальных, я заметил, что пожилой лаборант

пытается перенести тяжёлый штатив с колбами. Давайте помогу. Спасибо, сынок. Мы быстро расставили оборудование. Через несколько минут из-под одной из раковин неожиданно побежала вода. Опять... всплеснула руками лаборантка. Я присел на корточки. Обычная проблема. Ослабла накидная гайка сифона. Пара движений рукой и течь исчезла. Лаборантка облегчённо вздохнула. Вот спасибо. В этот момент к нам подошла преподаватель химии. Невысокая седовласая женщина внимательно посмотрела сначала на раковину, потом на меня. Это ты починил? Да. Она кивнула. Как твоя фамилия? Круженов. Она достала небольшой блокнот и аккуратно что-то записала. Потом подняла голову и тепло улыбнулась. Спасибо, Круженов. Не за что. Я вернулся на своё место, чувствуя на себе ещё несколько любопытных взглядов. Третьей парой была высшая математика. И вот здесь мои прежние знания уже не спасали. Вернее, спасали не полностью. Я понимал логику преподавателя, но пробелы, оставшиеся ещё со школьных лет, постоянно мешали. Словно в фундаменте дома отсутствовало несколько кирпичей. Пара закончилась. Студенты начали расходиться. Егор, задержись, пожалуйста, услышал я голос Валентины Сергеевны. Я подошёл к кафедре. Сегодня она впервые назвала меня по имени. Слушаю вас. Она закрыла журнал. Что ты думаешь делать со своей успеваемостью? Я молчал. Учти, продолжила она уже спокойнее, просто из жалости я тройку не поставлю. Я этого и не прошу. Она внимательно посмотрела на меня. Я сделал шаг ближе. От этого она немного смутилась. Для неё я был обычным восемнадцатилетним студентом. А мой жизненный опыт заставлял смотреть на неё иначе как на молодого преподавателя, который действительно хотел научить своему предмету. Валентина Сергеевна... Да? Вы можете мне помочь? Она вопросительно подняла брови. В каком смысле? Я понимаю, что мне не хватает школьной базы. Сам я её быстро не наверстаю. Может быть... вы сможете заниматься со мной дополнительно? Она несколько секунд молчала. Я поспешил уточнить: Разумеется, за деньги. На её лице появилась улыбка. Исчезла настороженность. Такой порядок у нас действительно есть. Она открыла папку с документами. Оплачиваешь дополнительные занятия в деканате, приносишь квитанцию, и мы составим график. Спасибо. Только учти... Да? Работать придётся много. Я улыбнулся. Я не боюсь работы. Она впервые посмотрела на меня без привычной строгости. Это хорошо, Егор. Я поблагодарил её и вышел из аудитории. В голове была только одна мысль: «Наконец-то появился человек, который поможет закрыть старые пробелы. А значит, высшая математика перестанет быть для меня непреодолимой стеной». С этими мыслями я направился в деканат оформлять дополнительные занятия.

Глава 18

После обеда у меня появилось несколько свободных часов. До вечерней смены на работе было ещё далеко, и я решил не задерживаться в институте. Сам не заметил, как подумал: «Пора домой». Домой. К Ане. Там меня ждали вчерашние пельмени, борщ и человек, который наверняка снова спросит, не голоден ли я. От этой мысли на душе стало удивительно тепло. Автобус на остановке всё не появлялся. Я посмотрел вдоль улицы, махнул рукой и решил идти пешком. Погода была хорошая. Город жил своей обычной жизнью. Неожиданно мой взгляд зацепился за знакомую вывеску. **«Радиотовары»**. Я даже остановился. Странно... пробормотал я. Как я раньше не замечал этот магазин? Наверное, всё было просто. Когда в кармане пусто, человек не замечает витрин. Он замечает только хлебный магазин. А теперь, когда появились хоть какие-то деньги, взгляд сам потянулся туда, где когда-то замирало сердце каждого мальчишки. Я толкнул тяжёлую стеклянную дверь. Внутри пахло новой техникой, картоном, лаком и чуть-чуть канифолью. Магазин оказался полон людей. У витрин стояли мужчины, оживлённо обсуждая усилители, магнитофоны и радиоприёмники. Кто-то держал в руках коробку с кассетами. Кто-то рассматривал наушники. Я занял очередь. За чем стоите? спросил я мужчину впереди. Он даже удивился вопросу. Ты что, не знаешь? Нет. Сегодня выбросили «Ноту». Какую? Бобинный магнитофон **«Нота»** с усилителем. Я невольно улыбнулся. В прошлой жизни я прекрасно помнил эту аппаратуру. Для своего времени она считалась мечтой многих любителей

музыки. Подошла моя очередь. Продавец устало посмотрел на меня. Магнитофон? Да. Он поставил на прилавок сразу три коробки. Проверять будете? Не нужно. Я расплатился. Пока продавец выписывал документы, взгляд случайно упал на соседнюю стеклянную витрину. И сердце снова дрогнуло. За стеклом лежал небольшой серый микрокалькулятор. **«Электроника МК-62»**. Я невольно взял его в руки. Тяжёлый. С металлической клавиатурой. Совсем не похожий на дешёвые пластмассовые калькуляторы будущих лет. Я прекрасно помнил подобные устройства. На таких считали сложные расчёты, проверяли формулы и часами набирали программы. Рядом лежал модуль памяти. Калькулятор тоже возьмёте? спросил продавец. Да. И блок памяти? Я секунду подумал. Его тоже. Продавец только уважительно кивнул. Хорошая вещь. Когда покупки были оформлены, я понял одну неприятную вещь. В руках оказалось уже четыре довольно тяжёлые коробки. Нести их через полгорода было совершенно нереально. Пришлось выйти на улицу и поймать такси. Водитель, увидев мои покупки, присвистнул. Богато живёшь, студент. Я улыбнулся. Иногда и студенту везёт. Через двадцать минут машина остановилась возле дома Ани. Подняв коробки на шестой этаж, я с облегчением поставил их на пол. Ключ легко повернулся в замке. Квартира встретила меня привычной тишиной. Я быстро распаковал покупки. На журнальном столике один за другим появились усилитель, бобинный магнитофон и колонки. Аккуратно соединив кабели, я проверил разъёмы. Всё было сделано добротно, по-советски. Без лишней спешки. Я включил питание. Мягко загорелся индикатор. Через несколько секунд в колонках послышался едва заметный фон. Я поставил бобину с записью, найденную в комплекте, нажал клавишу пуска. Лента плавно пришла в движение. Комнату наполнила музыка. Чистая. Тёплая. Живая. Я невольно закрыл глаза. Вот за что я всегда любил старую аппаратуру. Она не просто воспроизводила звук. Она заставляла музыку звучать так, словно музыканты находились рядом. Я перевёл взгляд на лежавший рядом калькулятор. И до тебя очередь дойдёт, улыбнулся я. Похоже, квартира Ани постепенно превращалась не только в уютный дом, но и в маленький уголок моей собственной мечты, где рядом могли существовать книги, инструменты, хорошая музыка и человек, к которому хотелось возвращаться каждый вечер. Пока Ани не было дома, я выпустил Мусю из клетки. Она привычно посмотрела на меня, словно ждала команды. Ну что, добытчица, поработаем? Я протянул ей маленький кусочек фарша. Муся быстро скрылась под шкафом. Через некоторое время она вернулась с очередной сторублёвой купюрой. Я обменял находку на угощение. Так повторилось ещё несколько раз. Я сознательно брал только советские деньги. Возиться с иностранной валютой мне совершенно не хотелось. В середине восьмидесятых лишние вопросы о происхождении долларов могли закончиться очень неприятно. Когда Муся наелась и перестала приносить купюры, я погладил её по спинке. Молодец. На сегодня хватит. Я посадил её обратно в клетку и надёжно закрыл дверцу. Потом ещё раз осмотрел гостиную. Под шкафом оставалось отверстие, через которое Муся пробиралась в своё загадочное убежище. Немного подумав, я аккуратно заткнул его куском плотного бетона. «Если Аня когда-нибудь выпустит Мусю погулять без меня, лучше не испытывать судьбу», решил я. Закончив с этим, я взял новенький чемоданчик с инструментом и отправился в институт. На кафедре электротехники меня встретил высокий седой мужчина в синем рабочем халате. Все звали его просто Сеня. Он сразу заметил чемоданчик. Ого! Со своим инструментом пришёл? Так удобнее, ответил я. Он одобрительно кивнул. Молодец. Люблю людей, которые о работе заранее думают. Семёныч подвёл меня к одному из лабораторных стендов. Вот тебе первое задание. Стенд не работает. Студенты жалуются, а времени самому заниматься нет. Найди неисправность. Я открыл чемоданчик. Беглого взгляда на схему оказалось достаточно. Через несколько минут причина была найдена. Ослаб контакт на одной из клемм, а рядом оказался перегоревший плавкий предохранитель. Я заменил его, подтянул соединение и включил питание. Лампочки на стенде ожили. Реле отчётливо щёлкнуло. Готово. Подошел и преподаватель Семеныч несколько секунд молча смотрел на работающий стенд. Потом перевёл взгляд на меня. Быстро... Он подошёл ближе, ещё раз проверил работу схемы

и неожиданно усмехнулся. Откуда ты такой выискался, северный олень? Я только пожал плечами. Люблю технику. Это я уже понял. Он задумался на секунду. Ладно. Посмотрим, что ты умеешь на самом деле. Мы прошли в соседнюю лабораторию.

В дальнем углу стоял стенд, который, судя по слою пыли, не работал уже давно. Вот с этим многие возились, сказал Семёныч. Никто толком разобраться не смог. Я открыл свой чемоданчик и достал компактный японский тестер. Семёныч удивлённо поднял брови. Это ещё что за штука? Универсальный прибор. Импортный? Да. Он заинтересованно подошёл ближе. Я начал последовательно проверять питание, сопротивление цепей и контакты. Работал спокойно, почти не заглядывая в схему. Семёныч постепенно перестал заниматься своими делами. Он молча стоял рядом, наблюдая за каждым моим движением. Так... пробормотал он. Ты не наугад ищешь... Я улыбнулся, не отрываясь от измерений. Неисправность всегда оставляет след. Нужно только понять, где его искать. Семёныч ничего не ответил. Он лишь скрестил руки на груди и продолжил внимательно наблюдать, словно перед ним был уже не первокурсник, а опытный наладчик, случайно оказавшийся в студенческой лаборатории. Семёныч ещё раз посмотрел на работающий стенд и покачал головой. Ну всё, Круженов. На сегодня хватит. Можешь быть свободен. Спасибо. И инструмент свой не потеряй. Такой набор здесь полovina кафедры мечтает получить. Я улыбнулся, закрыл чемоданчик и вышел из лаборатории. В коридоре посмотрел на часы и вдруг вспомнил: Математика! В девять вечера у Валентины Сергеевны было дополнительное занятие со мной. Перед этим она должна была провести пару у вечерников, а уже после обещала уделить мне час. До девяти оставалось ещё достаточно времени, но раз я освободился раньше, решил найти её. Валентина Сергеевна как раз готовилась к занятию. Уже пришёл? удивилась она. Освободился раньше. Она посмотрела на часы. Тогда садись. Только не рассчитывай, что я начну заниматься с тобой раньше. Посидишь на занятии, послушаешь. Хорошо. Она указала на последнюю парту. Я сел и оглядел аудиторию. Контингент действительно оказался своеобразным. На первой парте сидел мужчина лет пятидесяти с большим животом и аккуратно записывал каждое слово преподавателя. Рядом беременная женщина, сосредоточенно выводившая цифры в тетради. Ещё несколько мужчин и женщин постарше. Все пришли сюда после работы, чтобы получить диплом и подняться по служебной лестнице. Я невольно посмотрел на доску. То, что объясняла Валентина Сергеевна, для меня действительно выглядело довольно простым. Но я прекрасно понимал причину. У меня был жизненный опыт и когда-то полученное техническое образование. А эти люди большую часть дня работали совсем в других условиях и годами не открывали учебники. Некоторые даже с элементарными преобразованиями путались. Я едва заметно усмехнулся. Валентина Сергеевна тут же это заметила. Она остановилась у доски и посмотрела прямо на меня. А ты, Круженов, не обольщайся. Я сразу выпрямился. Я ничего... Вижу я всё, перебила она. Твой уровень знаний пока тоже непростителен. В аудитории стало тихо. Просто ты сравниваешь себя с людьми, которые пришли сюда после рабочего дня, продолжила она. И зря. Она обвела взглядом аудиторию. Вот, например, Виктор Петрович работает мастером уже двадцать пять лет. Он прекрасно знает производство, оборудование и людей. Но школьную математику последний раз видел очень давно. Мужчина с животом усмехнулся. Это точно. Валентина Сергеевна улыбнулась. А Марина Ивановна, она указала на беременную женщину, работает технологом и знает своё дело гораздо лучше многих молодых специалистов. Женщина кивнула. Им просто не хватает диплома для дальнейшего роста. Я перестал улыбаться. Она продолжила: Поэтому они здесь. Не потому, что глупее тебя. А потому, что жизнь заставила их сначала стать профессионалами, а потом вернуться к учебникам. Я опустил глаза. Понял. Вот и хорошо. Она снова повернулась к доске. А теперь, Круженов, раз ты такой внимательный, реши пример. Она написала на доске задание. Я взял ручку. Несколько секунд посмотрел на выражение. Можно у доски? Конечно. Я вышел. В аудитории все внимательно следили за мной. Я начал решение. Поначалу уверенно. Но на середине вдруг обнаружил, что привычные мне технические рас-

чѣты здесь не помогут. В математике требовалось строго соблюдать последовательность действий. Я остановился. Вот здесь ошибка, спокойно сказала Валентина Сергеевна. Я посмотрел на запись. Она была права. Я исправил. Теперь правильно? Она улыбнулась. Теперь правильно. Я вернулся на место. Мужчина с первой парты тихо сказал: Не переживай, парень. Мы тут все поначалу такими были. Я рассмеялся. Спасибо. И вдруг понял, что Валентина Сергеевна дала мне сегодня куда более важный урок, чем просто математический. Нельзя измерять знания человека только по тому, насколько быстро он решает школьный пример. У каждого за плечами своя жизнь. И у каждого есть то, чему он может научить другого.

Глава 19

Вечерняя группа наконец разошлась. Последним вышел тот самый мужчина с большим животом и, проходя мимо меня, пожелал: Удачи, парень. И вам. Дверь закрылась. В аудитории стало непривычно тихо. Валентина Сергеевна отложила журнал и посмотрела на меня. Ну что, Круженов. Теперь займѣмся тобой всерьѣз. Она села напротив и положила перед собой мои записи. И всё-таки не понимаю. Где тебя учили? Я пожал плечами. В школе. Это я вижу, усмехнулась она. Только школа тебя математике явно не научила. Я промолчал. Она объясняла терпеливо, но требовательно. Возвращала меня к самым основам, заставляла проговаривать каждое действие и не разрешала перескакивать через промежуточные шаги. Через некоторое время дверь кабинета открылась. Вошёл лаборант Сеня. Увидев меня, он широко улыбнулся. Ну, Егор! Ты и тут успеваешь? Валентина Сергеевна подняла голову. А что такое? Сеня удивлённо посмотрел на неё. Да это же наш новый техник в лаборатории электротехники! Он махнул рукой в мою сторону. Егор Круженов. Сегодня полдня со стендами возился. Семѣныч его уже хвалит. Валентина Сергеевна медленно повернулась ко мне. В её взгляде что-то изменилось. Сеня продолжил: Знаете, какой он башковитый? Я таких первокурсников ещё не встречал. Спасибо, Сеня, смутился я. Ладно, не буду мешать. Он вышел. Дверь закрылась. Валентина Сергеевна несколько секунд молча смотрела на меня. Потом перевела взгляд на мои тетради. Значит, техник... Ну да. И Семѣныч тебя хвалит? Иногда. А электротехника тебе даѣтся? Это моя специальность. Тут проще. Она прищурилась. А шахматы? Я замер. Что шахматы? Не притворяйся. Она улыбнулась. Мне Сеня рассказывал. Весь институт сегодня только и говорит о победителе турнира. Я кивнул. Это я. Она удивлённо вскинула брови. Ты? Да. Она откинулась на спинку стула и несколько секунд просто смотрела на меня. Значит, ты умеешь разбираться в электрических схемах, выигрываешь шахматный турнир... Она постучала пальцем по моей тетради. И при этом не можешь нормально решить элементарное уравнение. Получается, так. Валентина Сергеевна вдруг рассмеялась. Чудны дела твои, Творец... Я тоже улыбнулся. Она снова посмотрела на меня уже совсем иначе. Ладно, Круженов. Теперь мне действительно интересно. Что именно? Что ты за человек такой. Я пожал плечами. Обычный. Нет, покачала головой она. Обычные люди так не бывают. Она взяла ручку. А теперь хватит разговоров. Раз уж ты шахматист, попробуй просчитать задачу на несколько шагов вперѣд. В математике? А где же ещё? Я посмотрел на доску и усмехнулся. Вот теперь начинается самое интересное. Вот именно, ответила она. И посмотрим, кто кого сегодня переиграет. Час занятий пролетел незаметно. Валентина Сергеевна закрыла тетрадь и посмотрела на часы. Всѣ, Круженов. На сегодня достаточно. Иначе ты завтра вообще ничего не сообразишь. Она начала собирать бумаги. Я закрыл свою тетрадь и встал. Вас проводить? Она на секунду замерла. Проводить? До автобуса. Валентина Сергеевна посмотрела на меня уже совсем иначе. Видимо, только сейчас вспомнила, что перед ней не просто студент. Сегодня она узнала, что я работаю на кафедре. То есть формально я уже был сотрудником института, пусть и на полставки. Она слегка смутилась, потом взглянула на часы. Хорошо. Если тебе всё равно по пути. Конечно. Мы вышли из корпуса. Институт почти опустел. В коридорах горел только дежурный свет, а шаги гулко отдавались от стен. На улице было прохладно. Мы медленно пошли к остановке. И давно вы работаете в институте? спросил я. Уже несколько лет. А почему именно здесь?

Она улыбнулась. Сама не знаю. Наверное, затянуло. Сначала думала, что поработаю немного, наберусь опыта и уйду. И не ушли. Как видишь. Мы разговаривали о самых обычных вещах: о студентах, преподавателях, её первых годах работы, о том, как трудно бывает объяснить очевидное человеку, который впервые видит формулу. Постепенно разговор стал совсем непри- нуждённым. В какой-то момент она посмотрела на меня. Знаешь, Егор, я сегодня впервые поняла, что совершенно неправильно тебя оценила. В каком смысле? Думала, что ты просто плохо подготовленный студент, который случайно оказался в институте. Она улыбнулась. А оказалось, что у тебя просто странный набор талантов. Я засмеялся. Самому иногда интересно, что ещё обнаружится. Мы подошли к остановке. Автобус должен был прийти через несколько минут. Спасибо, что проводил, сказала она. Не за что. Подошёл автобус. Валентина Сергеевна поднялась на ступеньку, но вдруг обернулась. И не бросай математику. Не брошу. Я серьёзно. Я тоже. Двери закрылись. Автобус тронулся, а я ещё несколько секунд стоял на остановке. Потом посмотрел на часы. Почти одиннадцать. Вот это день... До дома я добрался уже поздно. Тихо открыл дверь ключом, который утром дала мне Аня. В квартире горел приглушённый свет. Она не спала. Егор? Я. Она вышла из комнаты и посмотрела на часы. Уже одиннадцать. Засиделся в институте. Опять? Дополнительная математика. Она вздохнула, но тут же улыб- нулась. Ну что, великий математик, голодный? Я рассмеялся. Если ты предлагаешь еду, то я готов признать себя круглым отличником. Вот и отлично. Пельмени ещё остались. Я снял пиджак и повесил его на стул. Аня поставила передо мной тарелку. Рассказывай. Что? Всё. Я посмотрел на неё и понял, что именно этого мне и не хватало весь день. Чтобы кто-то вечером сказал простое: «Рассказывай. Как прошёл твой день?» Я взял вилку и улыбнулся. День был длинный. Я вижу. Сначала занятия. Потом работа на кафедре. Семёныч меня хвалил. А это кто? Преподаватель электротехники. Значит, понравился? Похоже на то. Аня поставила передо мной кружку чая. А математика? Я тяжело вздохнул. Вот с ней всё сложнее. Она засмеялась. Неужели наш чемпион по шахматам боится математики? Шахматы и математика совершенно разные вещи. Конечно-конечно. Она села напротив и улыбнулась. Ну рассказывай дальше. И я рассказывал. Аня слушала, иногда задавала вопросы, иногда смеялась. А за окном медленно приближалась полночь. Но мне почему-то совершенно не хотелось спать. Потому что впервые за долгое время обычный понедельник закончился не одиночеством, а ощущением, что впе- реди есть ещё один день, который мне действительно хочется прожить. Пока я рассказывал Ане о прошедшем дне, заметил, что она всё реже отвечает. Ань? Тишина. Я посмотрел на неё. Она уснула прямо в кресле, подперев голову рукой. Устала... Я осторожно поправил ей волосы и накрыл пледом. А сам вспомнил про Мусю. Тихо прошёл в гостиную, убрал бетонный кир- пич, которым заткнул её норку, и открыл клетку. Муся мгновенно юркнула под шкаф. Я поло- жил перед собой немного фарша. Давай, добытчица. Сегодня работаем только за рубли. Через некоторое время появилась её мордочка. В зубах она держала очередную сторублёвую купюру. Я протянул ей фарш. Муся понюхала его и отвернулась. Не хочешь? Она снова исчезла. Вер- нулась с ещё одной купюрой. Я снова показал фарш. Крыса посмотрела на меня с таким выра- жением, будто я предложил ей совершенно неприемлемую сделку. Значит, сыр тебе нужен? Она упрямо сидела на задних лапках. Я рассмеялся. Вот ведь умная. Муся снова исчезла и через минуту принесла третью купюру. Я протянул фарш. Она демонстративно отвернулась. Всё понял. Я пошёл к холодильнику, отрезал кусок сыра и вернулся. Но пока меня не было, Муся явно решила, что переговоры закончились. Передо мной уже лежала целая небольшая кучка купюр. Вот это ты разошлась... Я отдал ей большой кусок сыра. Муся схватила его перед- ними лапками и принялась жевать. Я только успел покачать головой, как она снова исчезла под шкафом. Через несколько минут появилась ещё одна кучка. Всё! Стоп! Я поднял руки. Хватит, Муся. А то ты меня развратишь. Крыса посмотрела на меня совершенно невозмутимо. Нет, правда. На сегодня достаточно. Я аккуратно собрал купюры и убрал их отдельно. К день- гам я был спокоен. Опыт предыдущей жизни научил меня что не в деньгах счастье. Потом

вернул Мусю в клетку, снова закрыл её и поставил на привычное место. Норку под шкафом я вновь тщательно заткнул. «Надо будет придумать что-нибудь надёжнее», подумал я. Вернувшись в спальню, я увидел, что Аня всё ещё спит. Осторожно расстегнув ей блузку я выкатил ее небольшую грудь. Она проснувшись улыбнулась. И я подняв ее на руки отнес в кровать. Мы разделись страстно целуясь. Я вдыхал ее запах из тра который мне уже начинал нравиться. Я не чистила зубы оправдывалась она. Ты мне и вонючая нравишься признался я. Она шутливо ущипнула меня и я закинул ее ноги себе на плечи. Ой вскрикнула она. Осторожнее я уже не девочка какая то. Я улыбнулся. Для меня ты девочка произнес я и вошел в нее. Взяв в рот ее розовый сосок и стал биться о ее бедра. Она стонала и карябала мою спину. Наконец раздался ее сладкий стон и я тоже кончил отпуская ее ноги. Я лёг рядом, осторожно обнял её и почувствовал, как она во сне придвинулась ближе. Спи, Анюша... За окном давно стояла ночь. Завтра снова были институт, работа, математика и новые заботы. Но сейчас всё это казалось далёким. Я закрыл глаза. И впервые за долгое время уснул с ощущением, что у меня действительно есть дом.

Глава 20

Утром Аня ушла, даже не разбудив меня. Я проснулся уже от солнечного света, пробившегося сквозь занавески. На кухне стояла чашка, накрытая блюдцем, а рядом лежала записка: «Не бужу тебя - так сладко спал. Завтрак на плите. До вечера». Я улыбнулся. Похоже, у меня появился настоящий утренний ритуал. Умыться, выпить кофе и проверить Мусю. Я открыл клетку. Крыса сонно высунула мордочку. Ну что, труженица? Пора на работу. Она посмотрела на меня и тут же юркнула под шкаф. Я даже не стал ничего ей показывать. К деньгам я относился теперь довольно спокойно. Я уже прожил одну жизнь и прекрасно знал: большие деньги сами по себе счастья человеку не дают. Они могут купить удобство, свободу, вещи, но не могут купить ни молодость, ни здоровье, ни любовь. А вот любопытство меня всё-таки разбирало. Сколько же там накопилось? Муся появилась минут через пять. В зубах у неё была очередная купюра. Спасибо. Я дал ей кусочек сыра. Она снова исчезла. Так продолжалось некоторое время. Я складывал принесённые деньги в одну стопку, не особо задумываясь о сумме. Когда Муся наконец перестала бегать под шкаф и уселась у меня на коленях, я посмотрел на накопившуюся кучку. Ну что, бухгалтер, будем считать? Муся принялась умываться. Тебе-то всё равно. Я разложил купюры по номиналам. Потом пересчитал ещё раз. И на третьем пересчёте невольно присвистнул. Ничего себе... Я посмотрел на деньги уже внимательнее. Это была сумма, которую я за свою прежнюю жизнь не всегда мог представить у себя в руках. Но вместо радости почувствовал только странное спокойствие. «Вот они, деньги, подумал я. А счастья всё равно не прибавилось». Я собрал купюры и убрал их в надёжное место. Муся тем временем закончила умываться и вопросительно посмотрела на меня. Всё, отдыхай. Я посадил её обратно в клетку. И вдруг понял, что меня больше интересовала не сумма. Мне было интересно другое. Почему эта маленькая крыса вообще приносит деньги? Откуда она их берёт? И почему среди обычных советских сторублёвок появляются иностранные купюры? Я посмотрел на шкаф. Муся, а ведь у тебя там целый мир... Крыса моргнула. И отвернулась, словно давала понять: «Тебе ещё рано всё знать». Собравшись, я отправился на занятия. Первая пара начертательная геометрия. С черчением у меня отношения никогда не складывались. Я мог разобраться в электрической схеме, найти неисправность в приборе, понять принцип работы сложного механизма, но стоило мне взять карандаш и начать выводить эюр всё превращалось в какое-то произведение современного искусства. Линии получались кривоватыми, штрихи неуверенными, а аккуратность вообще куда-то исчезала. Ольга Степановна посмотрела на мой очередной чертёж и недовольно покачала головой.

Не всем дано быть Микеланджело, Круженов. Я вздохнул. Я и не претендую. Но чертить всё равно придётся. Понимаю. Она улыбнулась. Вот и хорошо. Продолжай. Я снова взял карандаш. Пусть криво, пусть не идеально, но работу надо было довести до конца. Когда заня-

тие закончилось, оказалось, что следующая пара отменена. Свободное окно. Я уже собирался отправиться в столовую, но заметил Ольгу Степановну возле кульмана. Она что-то пыталась подкрутить, недовольно морщась. Помочь? спросил я. Она посмотрела на меня. Если умеешь... Посмотрим. Я поставил сумку на соседний стол. Дайте отвертку. Она немного удивлённо протянула инструмент. Я быстро осмотрел механизм. Проблема оказалась пустяковой: закис фиксатор, из-за чего каретка двигалась рывками. Несколько минут работы и механизм снова заработал. Я несколько раз передвинул линейку. Плавно. Ровно. Всё. Получайте как новенькая. Ольга Степановна попробовала сама. И правда... Она посмотрела на меня уже с уважением. Молодец. Э-э... Как тебя? Круженов. Молодец, Круженов. Она задумалась и посмотрела на остальные кульманы. А у меня там ещё три нерабочих. Может, посмотрю? Посмотри, пожалуйста. Я пожал плечами. Почему не посмотреть? Первый оказался неисправен из-за разболтавшегося узла крепления. Второй потребовал немного больше времени. Я разобрал механизм, очистил детали, подтянул соединения и снова собрал его. Через час два кульмана уже работали. С третьим пришлось повозиться дольше. Я снял крышку, внимательно осмотрел механизм и покачал головой. Здесь без запчастей не обойтись. А что именно? Вот этот узел. Сам механизм восстановить можно, но нужна деталь. Значит, завтра? Завтра исправлю. Ольга Степановна посмотрела на два работающих кульмана и довольно улыбнулась. Ну всё, Круженов. Что? Тройка тебе обеспечена. Я засмеялся. Спасибо, Ольга Степановна. И не смей думать, что я шучу. Я забрал сумку и посмотрел на часы. Третья пара уже начиналась. Физкультура. Вот теперь, подумал я, выходя из аудитории, посмотрим, насколько хорошо я сохранил молодое тело. Потому что одно дело помнить, каким ты был в молодости. И совсем другое снова оказаться на физкультурной площадке среди настоящих молодых парней. Урок физкультуры прошёл буднично. Я быстро понял только одно: уровень физической подготовки нынешней молодёжи оказался заметно ниже того, что я ожидал. Сам я двигался легко, без привычной одышки и тяжести в ногах, которая сопровождала меня в прошлой жизни. После занятий я вышел из института и направился домой. Но ноги сами привели меня к магазину «Радиотовары». Я снова вошёл внутрь и прошёлся вдоль витрин. Магнитофоны были. Радиоприёмники были. Телевизоры тоже. А вот того, что мне действительно хотелось, не было. Я подошёл к продавцу. А где можно купить видеомагнитофон? Продавец посмотрел на меня с понимающей улыбкой. Видеомагнитофон? Да. В обычном магазине не найдёшь. Попробуй в комиссионном. Он написал адрес на клочке бумаги. Вот здесь посмотри. Я поблагодарил его и вышел. Такси поймал почти сразу. Три рубля теперь уже не казались мне критической суммой. Через некоторое время машина остановилась возле нужного магазина. Я вошёл внутрь и буквально застыл. Вот оно. То, что в моём прошлом было почти недостижимой мечтой. Комиссионный магазин выглядел для меня настоящим торжеством капиталистического мира, случайно заброшенным в советскую действительность. На полках стояла техника, которую я раньше видел только на фотографиях или в кино. Телевизоры. Аудиосистемы. Видеокамеры. Магнитофоны. И среди всего этого великолепия видеомагнитофоны. Я подошёл к витрине. На ценниках стояли суммы, от которых у обычного советского человека могла закружиться голова. Но я смотрел не на цену. Я смотрел на саму технику. Неужели это действительно здесь? тихо произнёс я. Продавец заметил мой интерес. Нравится? Очень. А что именно ищете? Я указал на один из аппаратов. Вот этот можно посмотреть? Продавец достал его из витрины. Я взял видеомагнитофон в руки и сразу начал рассматривать панель управления. Клавиши. Механизм загрузки. Разъёмы. Система управления лентой. Всё казалось почти фантастикой. Продавец с интересом наблюдал за мной. Разбираетесь? Немного. Он усмехнулся. А выглядит так, будто вы его всю жизнь ремонтировали. Я улыбнулся. Можно сказать и так. Я посмотрел на ценник ещё раз. Денег хватало. И тут перед глазами всплыл образ Ани. Её квартира. Её телевизор. Вечера. Музыка. И вдруг я подумал: «А почему бы и нет?» В прошлой жизни я всю жизнь откладывал жизнь на потом. А теперь у меня появилась возможность хотя бы иногда позволять себе то, о

чём когда-то только мечтал. Заворачивайте, сказал я. Продавец удивлённо поднял брови. Покупаете? Покупаю. А кассеты у вас есть? Я задумался. Нет. Продавец улыбнулся. Тогда вам ещё понадобится кое-что. И повёл меня к соседней витрине. Я посмотрел туда и понял, что сегодняшний поход в комиссионный магазин только начинается. Продолжу в том же повествовательном стиле, оставив эту деталь без откровенного описания. Я действительно вернулся домой не с пустыми руками. Телевизор, видеомагнитофон и видеокамера Sony всё это теперь стояло в спальне Ани, превращая её вполне обычную советскую квартиру в маленькую выставку техники будущего. Кассеты я тоже купил, а заодно несколько дополнительных блоков питания и кабелей. Продавец оказался человеком практичным. Пока мы разговаривали, я пообещал ему при случае разобраться с одним неисправным видеомагнитофоном, который давно стоял у него без дела. Значит, разбираешься в этой технике? спросил он. Разбираюсь. Тогда будем считать, что мы с тобой партнёры. И после этого он уже разговаривал со мной совершенно иначе. Часть техники он отдал мне за доллары, а вдобавок предложил несколько видеокассет, которые официально в продаже не появлялись. Только без разговоров, предупредил он. Я кивнул. Понял. Дома я разложил всё на кровати и принялся подключать аппаратуру. Честно говоря, руки помнили больше, чем голова. Я давно не имел дела с такой техникой даже в своей прошлой жизни подобные устройства уже постепенно становились историей, но принцип работы никуда не делся. Телевизор подключил к видеомагнитофону. Проверил питание. Поставил кассету. Нажал кнопку. Аппарат зашумел, головка начала вращаться, и через несколько секунд на экране появилось изображение. Я невольно улыбнулся. Работает... Я посмотрел на видеокамеру. Вот это было уже действительно интересно. Взял её в руки, включил, посмотрел в видискатель. На экране появилась собственная физиономия. Ну здравствуй, оператор Круженков. Я засмеялся. Потом достал одну из кассет, которые продавец положил отдельно. Посмотрел на этикетку и сразу понял, что содержание было из тех, о которых в советском магазине вслух не спрашивали. Нет, это оставим до лучших времён. Я убрал кассеты подальше. Мне вдруг стало смешно. Ещё недавно я жил почти без гроша, а теперь в спальне стояла техника, которую большинство людей в этом городе даже увидеть могли только в журнале. И всё это происходило на фоне совершенно обычной жизни. Завтра мне предстояло идти на занятия. Потом работа. Потом математика. А дома меня ждала Аня. Я посмотрел на телевизор и подумал: «Интересно, что она скажет, когда увидит всё это?» И тут за дверью послышался поворот ключа. Егор? Это была Аня. Я дома! Я вышел из спальни. Она вошла, поставила сумку и вдруг замерла. А это ещё что? Я улыбнулся. Маленькое обновление интерьера. Она медленно прошла в спальню. Егор... Ты телевизор купил? Да. И это... Она посмотрела на видеомагнитофон. Он самый. А камера? Тоже. Аня несколько секунд молча смотрела на аппаратуру. Потом повернулась ко мне. Ты хоть иногда умеешь покупать что-нибудь одно? Я рассмеялся. Видимо, нет. Она покачала головой, но улыбнулась. Ну всё. Теперь я боюсь тебя отпускать на базар. Почему? Ты туда за хлебом пойдёшь, а вернёшься с телевизионной студией. Я посмотрел на неё и рассмеялся. Не обещаю. И что тут показывают интересного спросила она. Я достал кассету про красную шапочку и включил. Пошел сюжет. Я так то немецкий не белмес сказала она. И тут появился кадр от которого она замерла. Потом покраснела. Егор это то о чем я думаю спросила она. Я кивнул головой. Он удивления она села на кровать. Немая сцена продлилась минут десять. А когда ее рука потянулась к ноге она сама себя одёрнула и смутилась но я уже настиг ее. Поставив ее на корточки на кровать лицом к телевизору я приспустил ей трусики и вошел в нее. Она тут же кончила уткнувшись в подушку. Ой блять как стыдно произнесла она смеясь. Я чуть не кончила без тебя пока смотрела. Это естественно произнес я снимая с нее трусы. Она улеглась на живот и продолжала с интересом смотреть продолжение. Я установил камеру на подоконник и включил. Аня не обратила внимание на нее увлеченная происходящим в экране. Карлики удивлялась она. а это что и это все войдет в нее. Она смеялась и краснела от смущения. она впервые видела такие откровенные сцены. Да еще рядом с мужчиной. Заметив что

ее голос изменился от возбуждения . Я сел на ее ноги сзади и вошел в нее . Она сразу подалась назад выпятив свою круглую задницу и кончила. Смеясь до слез она произнесла так я буду кончать сутки . Но кончив еще раз она успокоилась и схватившись за живот произнесла все выключай у меня уже низ живота болит. И мы пошли ужинать.

Глава 21

Вечером я снова поехал в институт теперь уже не как студент, а как сотрудник кафедры. У входа встретил Сеню. Он посмотрел на меня с хитрой улыбкой. Ну что у тебя с Валентиной? Учусь, спокойно ответил я. Ну учись, студент, хмыкнул он без всякой злобы. Не успели мы поговорить дальше, как появился Семёныч. Егор! Там машина зависла. Пойдём посмотрим. Какая машина? Вычислительная. Мы быстро направились в вычислительный центр. Когда я вошёл внутрь, то невольно остановился. Это был настоящий центр центров. Громадная ЭВМ занимала почти целую комнату. Шкафы с аппаратурой, панели, лампочки, блоки питания, кабели всё гудело, мигало и жило какой-то собственной жизнью. Семёныч заметил мой интерес. Ну что, страшно? Нет. Я подошёл ближе. Несколько инженеров и программистов уже пытались понять причину сбоя. А неисправность после чего появилась? спросил я. Один из инженеров посмотрел на меня с недоумением. После загрузки программы. На каком языке? Фортран. А до этого машина нормально работала? Инженер начал отвечать, а я уже смотрел на панели. Семёныч вдруг замер. Ты кто такой, северный олень? Я понял, что сказал лишнее. Да так... интересно просто. «Осторожнее, Егор», предупредил я себя. Слишком много знаний для обычного студента могло вызвать вопросы. Поэтому я взял электрическую схему. Давайте лучше питание проверим. Семёныч посмотрел на меня, но спорить не стал. Я начал последовательно проверять цепи. Через несколько минут за моей спиной собралась почти вся бригада. Не дышите мне в затылок, бросил я через плечо. Все тут же отступили. Я продолжил работу. В этот момент дверь открылась. Я даже не обернулся. Кто это? спросил незнакомый голос. Студент Круженов, ответил инженер-программист. Студент? Да. И он занимается неисправностью? Он не просто занимается. Он уже нашёл половину причин. Ректор подошёл ближе. Значит, обычный студент справляется с работой инженера-программиста? Инженер покачал головой. Нет. Не с моей работой. Это не мой профиль. Я программист, а он... Я наладчик, резко перебил его другой специалист. Ректор поднял руку. Когда закончите, приведите ко мне этого уникама. Если закончим, робко сказал инженер. В этот момент аппарат неожиданно запищал. Все замерли. На панели одна за другой начали загораться контрольные лампы. Пошёл автоматический цикл тестирования. Я быстро просмотрел показатели. Причина оказалась не там, где её искали. Я сбросил настройки, вернул систему к исходным параметрам и повторно запустил диагностику. Несколько секунд ничего не происходило. Потом машина ожила. Загудели вентиляторы охлаждения. Замигали лампочки. На панели появился нормальный режим работы. В помещении повисла тишина. Я выпрямился и только тогда понял, что за моей спиной стоит ректор. Семёныч быстро представил нас: Это наш ректор, Геннадий Иванович. Я почувствовал, как внутри всё похолодело. Здравствуйте, только и смог произнести я. Ректор посмотрел сначала на меня, потом на работающую ЭВМ. Значит, Круженов... Он сделал короткую паузу. Идёмте ко мне. Семёныч тоже получил указание: И вы со мной. Мы вышли из вычислительного центра. Я шёл за ними и думал только об одном: «Ну всё, Круженов. Кажется, сегодня ты слишком хорошо поработал». А впереди уже открывалась дверь кабинета ректора. Семёныч посмотрел на меня. Ну что, северный олень? Я тяжело вздохнул. Кажется, я попал. Не кажется, усмехнулся он. Попал. Ректор тяжело опустился в кресло, достал сигарету и закурил. Несколько секунд он молча рассматривал меня сквозь дым. Значит, в технике разбираешься? Только учусь, ответил я. Ректор усмехнулся. И заметьте, Геннадий Иванович, вмешался Семёныч, учится он именно в доверенном вам институте. Ректор рассмеялся. Выучили вас на свою голову... Он повернулся к Семёнычу. А он вообще что тут делает? Семёныч заметно поник. Я осмелился взять его на полставки техником в лабораторию. Техником? Да. Ректор ещё раз

посмотрел на меня. Значит, техник... Он задумался, потом вдруг хлопнул ладонью по столу. А почему бы и нет? Семёныч поднял голову. Что вы имеете в виду? Оформляй фирму по ремонту техники ЭВМ. Я даже не сразу понял, о чём речь. Ректор продолжил: Будете заниматься ремонтом вычислительной техники. И этого уникама бери в штат. Семёныч открыл рот. На какую ставку? Полный оклад. Он посмотрел на меня. Ну как, студент? Согласен? Я понимал, что от меня ждут восторга. Новый сотрудник. Полный оклад. Работа по специальности. Но я неожиданно для самого себя ответил: Я хочу быть в составе учредителей. В кабинете стало тихо. Ректор медленно поднял брови. Ох ты какой... Он посмотрел на Семёныча. Как ты его там называешь? Семёныч усмехнулся. Северный олень. Ректор рассмеялся. Точно. Северный олень! Я стоял молча. Наконец он махнул рукой. Ладно. Иди. Я уже повернулся к двери. Посмотрим на твоё поведение, Круженов. Хорошо. И учёбу не бросай. Не брошу. Я вышел. На улице посмотрел на часы. Почти полночь. Автобусов уже почти не было, поэтому решил идти пешком. Город ночью был совсем другим. Тихим. Редкие фонари освещали пустые улицы. Я шёл и перебаривал события последних нескольких часов. Утром я был обычным студентом. Теперь мне предложили стать сотрудником фирмы, которая должна была заниматься ремонтом ЭВМ. А я ещё умудрился потребовать долю в учредителях. Ну и ну, Круженов... До дома Ани я добрался уже глубокой ночью. Ключ тихо повернулся в замке. Я вошёл. Из спальни доносилась немецкая речь. *Das ist fantastisch...* Я замер. Потом осторожно заглянул в комнату. Аня сидела перед телевизором. Увидев меня, она мгновенно покраснела и уткнулась лицом в подушку. Я посмотрел на экран. Потом на неё. Потом снова на экран. И всё понял. Аня... Она что-то пробормотала в подушку. Я... Я не выдержал и улыбнулся. Значит, вот зачем тебе понадобился видеомагнитофон? Она ещё сильнее спрятала лицо. Егор, уходи... Хорошо. Я сделал шаг назад. Но завтра расскажешь, что именно ты там нашла. Ничего я не нашла! Конечно. Я закрыл дверь и тихо рассмеялся. Похоже, сегодняшняя покупка уже начала приносить свои первые сюрпризы. Но раздевшись за дверью я вошел в спальню голый. Увидев меня Аня расхохоталась и раздвинула мокрые от возбуждения ляжки. Я без тебя кончила уже два раза прижимаясь ко мне. Я поставил ее раком лицом к телевизору и дал ей кончить еще два раза. После чего мы замертво упали на кровать и уснули. Утром я проснулся один. Ани уже не было. На кухне стояла чашка, а рядом лежала короткая записка: «Ушла по делам. Не проспип институт». Я улыбнулся. А вот это уже традиция... Первым делом я подошёл к Мусе. Ну что, добытчица, рабочий день начинается. Открыл клетку, убрал кирпич от щели и показал ей кусочек сыра. Муся деловито фыркнула и исчезла под шкафом. Я тем временем позавтракал. Через некоторое время из-под шкафа появилась розовая мордочка. Муся принесла первую купюру, потом вторую, потом ещё одну. Я уже не удивлялся просто складывал деньги в стопку. Всё, достаточно. Муся посмотрела на меня так, словно была уверена, что начальство явно слишком рано объявило конец рабочего дня. Но я уже собрал принесённые деньги, аккуратно убрал их и посадил крысу обратно в клетку. Зарплата выдана, рабочий день окончен. Я отломил ей хороший кусок сыра. Муся тут же схватила его передними лапками и принялась есть. Вот так и надо, сказал я. Никаких обманов, всё по-честному: ты работаешь я плачу. Крыса посмотрела на меня блестящими глазками и продолжила жевать. Я собрал тетради, проверил часы и направился к выходу. Сегодня предстоял новый день в институте. После вчерашнего разговора с ректором я уже чувствовал: спокойной студенческой жизнью мне наслаждаться больше не дадут. Но так или иначе это должно было произойти подумал я.

Глава 22

Сегодня первой парой был сопромат. Что это такое и как его едят, предстояло выяснить уже на месте. Впрочем, оказалось, ничего сверхъестественного. Соппротивление материалов наука о том, как ведут себя детали и конструкции под нагрузкой: где возникает напряжение, где появляется деформация и в какой момент балка начинает говорить инженеру: «Ещё немного

и я ломаюсь». Первой же темой оказалась знакомая по старой жизни задача напряжение в заземлённой балке. Я посмотрел на доску и даже усмехнулся. Ну здравствуй, молодость... Преподаватель вывел на доске схему, расписал силы, моменты и реакции опоры. У энергетиков сопромат проходил коротким курсом. Особого значения ему не придавали: главное было понимать оборудование, электрические машины и схемы. Поэтому я сидел спокойно и постепенно вспоминал то, что когда-то давно уже проходил. Круженов, вдруг обратился ко мне преподаватель. А вы почему улыбаетесь? Да так. Вспомнил кое-что. Надеюсь, не ответ? Ответ тоже могу попробовать. В аудитории засмеялись. Преподаватель посмотрел на меня поверх очков. Хорошо. Тогда расскажите, что произойдёт с балкой, если увеличить нагрузку? Я встал. Сначала увеличится изгибающий момент и напряжения. Дальше зависит от материала и сечения. Если нагрузку продолжать увеличивать, появится пластическая деформация, а затем возможна потеря несущей способности. В аудитории стало тихо. Преподаватель кивнул. А вы говорили, что не знаете сопромата. Я говорил, что не знаю, что сегодня будет на паре. Он усмехнулся. Хорошо выкрутились. Садитесь. Я сел и снова посмотрел на формулы. Всё-таки удивительная вещь память. То, что когда-то казалось скучной теорией, теперь всплывало кусками, стоило только увидеть знакомую схему. И я вдруг подумал, что, возможно, институт всё-таки не такое уж бесполезное место. Просто раньше я учился ради диплома. А теперь ради себя. Второй парой была лекция по химии. Преподаватель, едва войдя в аудиторию, сразу меня узнала. Круженов, улыбнулась она. А я уже вижу знакомое лицо. Я поднял руку в приветствии. Здравствуй, Ольга Сергеевна. Она начала лекцию, но довольно быстро стало понятно, что её внимание почему-то всё время возвращается ко мне. Итак, кто скажет, почему эта реакция идёт именно в таких условиях? В аудитории повисла тишина. Я поднял руку. Температура влияет на скорость реакции, а концентрация реагентов смещает равновесие. Если говорить точнее... Я объяснил, как понимал этот процесс. Преподаватель внимательно выслушала и кивнула. Совершенно верно. Она продолжила лекцию, но через несколько минут снова задала вопрос. Я снова ответил. Потом ещё один. И постепенно получилось так, будто лекцию она действительно читала почти персонально для меня. Круженов, а вы, оказывается, не только водопроводом умеете заниматься. В аудитории кто-то засмеялся. Я стараюсь, ответил я. Это заметно. Она написала на доске формулу и повернулась к группе. Вот здесь многие обычно путаются. Егор, объясните, почему нельзя просто подставить значения в формулу? Я вышел к доске. Сначала почувствовал себя немного неловко всё-таки перед всей группой. Но стоило взять мел, как знания сами начали выстраиваться в голове. Я объяснил ход решения, показал, где чаще всего допускают ошибку, и вернулся на место. Ольга Сергеевна улыбнулась. Хорошо. Потом посмотрела на остальных студентов. Вот видите. Иногда достаточно не зубрить, а понять, что именно происходит. Я поймал её взгляд и усмехнулся. Вот этому я как раз недавно научился. Продолжайте в том же духе, Круженов. Я сел обратно. Химия неожиданно оказалась одной из тех дисциплин, где моя память из прошлой жизни работала почти безотказно. И мне даже стало приятно видеть, что преподаватель рада не меньше меня. После звонка она задержала меня у двери. Егор, зайдите как-нибудь после занятий. Хочу посмотреть, что вы ещё знаете. Хорошо. Я вышел в коридор и подумал: «Похоже, с химией проблем не будет». А впереди оставалась третья пара. И я уже начинал подозревать, что этот день снова приготовил мне какой-нибудь сюрприз. Третьей парой был научный коммунизм. Это испытание я выдержал стойко. Я сидел, слушал, иногда делал вид, что записываю особенно важные мысли, и с тоской поглядывал на часы. Наконец прозвенел звонок. Занятия закончились. Я собрал тетради и уже собирался отправиться домой, когда из коридора раздался знакомый голос: Круженов! Я обернулся. Секретарша деканата стояла у двери и, как всегда, умудрялась перекричать весь коридор. Тебя вызывают в деканат! Я лениво поплёлся за ней. Слово «деканат» уже давно перестало вызывать у меня прежний страх. После ректора, вычислительного центра и ремонта всевозможной техники деканат казался почти курортом. Я вошёл в приёмную. Секретарша сразу

сделала милое лицо. Егор, выручай. Что случилось. Электрическая пишущая машинка опять не работает. А нам работать нечем. Она посмотрела на меня с надеждой. Наладь, пожалуйста. А я тебе вечернюю смену зачту. Две. Она нахмурилась. Егор... Машинка сложная. Хорошо. Две. Я подошёл к машинке. Осмотрел провод. Проверил питание. Потом открыл крышку. Предохранитель. И что теперь? Запасного нет? Она покачала головой. Я оглядел стол. Рядом лежал кусок провода. Я снял изоляцию, достал тонкую медную жилку и аккуратно поставил её вместо перегоревшего предохранителя. Ну, попробуем. Нажал кнопку. Машинка сначала загудела, потом заурчала и наконец уверенно заработала. Секретарша облегчённо выдохнула. Спасибо! Она посмотрела на меня с неподдельным удивлением. Быстро ты... Повезло. А ты правда ту ЭВМ вчера починил? Я пожал плечами. Врут. Я уже собирался уходить, как заметил в дверях Валентину Сергеевну. Она стояла молча и внимательно наблюдала за происходящим. Наши взгляды встретились. Здравствуйте, Валентина Сергеевна. Она словно очнулась. Здравствуйте, Егор. Я посмотрел на часы. Если вы свободны, может, сейчас занятие проведём? Она немного растерялась. Сейчас? Ну да. Вы же обещали дополнительные занятия. Да-да, конечно. Она быстро собрала бумаги. Мы вышли из приёмной и направились в кабинет. По дороге она несколько раз бросила на меня задумчивый взгляд. Наконец не выдержала: Круженов... Да? А ты вообще когда-нибудь чего-нибудь не умеешь? Я улыбнулся. Математику. Она остановилась. Посмотрела на меня несколько секунд. Вот это меня успокаивает. Почему? Потому что я уже начала подозревать, что ты вообще не студент, а какой-то замаскированный инженер. Я рассмеялся. В математике я совершенно настоящий студент. Тогда пошли, будем делать из тебя человека. Я не против. Мы вошли в кабинет. Валентина Сергеевна положила передо мной тетрадь. Садись. Я открыл тетрадь и приготовился. Сегодня начнём с самого начала. Я посмотрел на первую формулу. А можно с начала начала? Она удивлённо подняла брови. Настолько всё плохо? Именно настолько. Она улыбнулась. Ну что ж, Круженов. Тогда у меня появился настоящий вызов. Валентина Сергеевна объясняла материал удивительно доступно. Я даже сам не ожидал, что начну понимать то, что раньше казалось мне китайской грамотой. Дроби, производные, интегралы всё постепенно становилось на свои места. Правда, я по-прежнему не понимал одного: А зачем мне всё это? пробормотал я, глядя на очередной интеграл. Она усмехнулась. Потому что вы учитесь в институте. Весомый аргумент. И потому что инженер должен понимать математику. Я кивнул и снова взялся за задачу. Через час она закрыла тетрадь и устало опустила руки. Всё. На сегодня хватит. Я посмотрел на неё. Она сидела неподвижно, словно совершенно выбилась из сил. Валентина Сергеевна, всё нормально? Она не ответила. Несколько секунд просто смотрела в одну точку. А потом её лицо неожиданно дрогнуло. Она закрыла глаза и заплакала. Не тихо и не сдержанно её буквально прорвало. Плечи затряслись, слёзы потекли по щекам. Я растерялся. Ещё минуту назад передо мной была строгая преподавательница, которая требовала от меня знать математику, а теперь рядом сидела просто женщина, которой было очень тяжело. Валентина Сергеевна... Она попыталась вытереть слёзы рукой. Простите... За что вы извиняетесь? Она покачала головой. Не знаю. Я встал и подошёл ближе. Может, воды принести? Она ничего не ответила. Я осторожно положил руку ей на плечо. Всё хорошо. Не надо сейчас ничего объяснять. Она вдруг прижалась ко мне, словно наконец нашла место, где можно было хотя бы ненадолго перестать держаться. Я замер. Не ожидал такого. Несколько секунд просто стоял рядом, не зная, что сказать. Потом тихо произнёс: Поплачьте. Иногда это тоже помогает. Она всхлипнула. Ты странный, Круженов. Мне это уже говорили. Несмотря на слёзы, она едва заметно улыбнулась. Я остался рядом. Не как студент. Не как техник. И даже не как человек, который недавно пытался разобраться с собственной жизнью. Просто как человек рядом с другим человеком, которому в эту минуту было плохо. Через несколько минут её дыхание стало спокойнее. Она подняла голову и тихо сказала: Спасибо. Не за что. Она посмотрела на меня покрасневшими глазами. Только никому не рассказывай. Конечно. Она снова вытерла лицо и попыталась улыбнуться. А теперь иди. А мате-

матика? Математика подождёт до завтра. Я собрал тетради. И тут я вспомнил что она перешла на ты . Это послужила триггером и я обняв ее стал целовать в губы , щеки и шею. Дверь прошептала она. Я быстро подбежал к двери и закрыл ее на ключ . Она расстёгивала блузку а потом увидев меня вдруг стала застегивать ее обратно. Ой Круженов это ошибка постой . Но я уже закинул ее на парту и раздвинув ноги вошел в нее. Она замерла прислушиваясь к своему организму. Я не торопился продолжая нежно целовать ее шею . Она немного отстранилась и подставила губы и я впился в них с яростью и вождением . Бедра мои оставались неподвижно. Ну что же ты замер прошептала она возбужденным голосом . Я отошел от нее и снял с нее трусы . Она восторженно смотрела на меня . Я смотрю ты во всем мастак произнесла она восторженно и я вошел в нее .Чтоб доказать это. Я снял с нее всю одежду и положил на парту спиной. Ее груди колыхались описывая дуги . а вскоре так сильно что она начала придерживать их рукой. От нее пахло сладким запахом сучки и я смотрел на ее ярко красную промежность . Она схватила меня руками и притянулась прося поцелуев. И она их получила . Со вздохом радости она получила оргазм и прижалась ко мне своим потным телом. Только не кончай в меня попросила она тихим голосом . Но я кончил в нее потому что ее просьба прозвучала как мольба. Она колотила меня маленькими кулачками по спине а я взбивал внутри нее коктейль из свое спермы. Я же просила шептала она просила. Это возбудила меня еще сильнее и я сняв с парты развернул и вошел сзади. Она обхватила парту руками и каталась по ней от моих движений. У нее была прекрасная круглая попка с розовым анусом который импульсивно сжимался в оргазме и я не удержался и вошел в него . Она ойкнула и сжалась всем телом. Ой - ой пожалуйста не двигайся и я замер . Ее сфинктер продолжал импульсивно сжимать мой кончик который находился в ней. Валентина Сергеевна? Что? Интегралы всё равно гадость. Она впервые за весь вечер рассмеялась. И я в очередной раз кончил от ее сокращений. Она терпеливо ждала пока я получу наслаждения . а потом похлопала меня по ляжке . ну все хватит. Иди уже, Круженов. Я вышел из нее и оделся . Она тоже встала и запустив ладонь между ног вытянула ее ко мне что это такое Егор это же залет. Я подошел к ней и обняв произнес родишь мне дочь . Неожиданно она прижалась ко мне и снова заплакала. Так как она не успела еще одеть трусы я снова вошел в нее и мы продолжили секс стоя. Она кончила еще раз и успокоилась . Прекрати Круженов взмолилась она . Я не поэтому плакала. Тогда почему спросил я . Она смутилась ты что всех плачущих баб трахаешь спросила она с укором. Нет ответил я . Только тех кого называют Валентина Сергеевна. Она усмехнулась и игриво оттолкнув натянула трусы на свою большую попу . Уже ни чуть не стесняясь меня. Продолжу сцену, сохранив её приключенческий тон и диалоги. Приведя себя в порядок, Валентина Сергеевна тихо сказала: У меня мама больна. Ей нужны лекарства. А у меня ни денег, ни связей... Я посмотрел на неё. Поехали. Куда? Я уже собирал свои вещи. Круженов, куда ты меня тащишь? шёпотом спросила она, оглядываясь по сторонам. Валентина Сергеевна, быстрее. Мы вышли из института и поймали такси. Куда едем? спросил водитель. Я назвал адрес комиссионного магазина. Других знакомых, способных помочь с дефицитными вещами, у меня попросту не было. Когда мы вошли, продавец Гена сразу меня узнал. Он посмотрел на меня, потом на Валентину Сергеевну и едва заметно кивнул в сторону подсобки. Мы прошли туда. Ну, Круженов, что случилось? Нужно лекарство. Я передал ему название. Гена нахмурился, задумался. Есть вероятность достать. Валентина Сергеевна напряглась. Сколько? Сто баксов за весь курс. Она побледнела. Сто?... Для неё это была совершенно безумная сумма. Я достал купюру и положил перед Генкой. Взял деньги, написал что-то на клочке бумаги и протянул его мне. Вот адрес. Там тебя ждут. Я взял бумажку. Валентина Сергеевна смотрела на происходящее так, будто наблюдала за фокусом. Егор... откуда у тебя такие деньги? Потом. Мы снова сели в такси. Через некоторое время лекарство оказалось у нас. Я посмотрел на Валентину Сергеевну. Теперь в больницу. В больнице нас встретил главный врач. Узнав о состоянии её матери, он подробно объяснил ситуацию. Я слушал молча. Потом вдруг спросил: А у вас случайно нет неисправной электроники?

Главврач удивлённо посмотрел на меня. Электроники? Ну да. Может, какая-нибудь аппаратура стоит без дела. Он задумался. Есть одна. И повёл нас в подвал. Там действительно стоял аппарат УЗИ. Пыльный, забытый, с мёртвой панелью. Уже давно не работает, сказал врач. Я попросил инструменты. Можно? Он махнул рукой. Если сможете пожалуйста. Я снял крышку и начал проверять цепи. Для меня всё выглядело знакомо. Питание. Контроллеры. Реле. Соединения. Через некоторое время я нашёл неисправный элемент. Вот он. И что теперь? Нужна деталь. Главврач посмотрел на меня. Сможете достать? Попробую. Я повернулся к Валентине Сергеевне. Едем. Через полчаса мы снова были у Гены. Он посмотрел на деталь и присвистнул. Ничего себе запросы. Есть? Гена покрутил её в руках. Есть. Но сто долларов. Я достал деньги. Забираю. Валентина Сергеевна уже даже не пыталась спрашивать, откуда у меня такие возможности. Мы вернулись в больницу. Я установил новую деталь, проверил соединения и включил аппарат. Сначала ничего не происходило. Потом загорелась первая лампочка. Вторая. Третья. Загудел блок питания. Аппарат ожил. Главврач несколько секунд молча смотрел на работающий экран. Потом хлопнул меня по плечу. По рукам! Он тут же повернулся к медсестре. Шпак в отдельную палату. И готовьте к операции. Валентина Сергеевна закрыла лицо ладонями. Она плакала, но теперь уже от облегчения. Мы вышли из больницы. Несколько секунд просто стояли на крыльце. А потом она вдруг схватила меня за руку. Егор! Что? Ты волшебник! Какой ещё волшебник? Она засмеялась сквозь слёзы. Настоящий! Я тоже улыбнулся. Просто техник. Какой же ты техник?! Она вдруг обняла меня прямо посреди больничного двора. Я растерялся. Валентина Сергеевна... Сегодня никаких «Валентина Сергеевна». Она отстранилась и посмотрела мне прямо в глаза. Сегодня ты Егор. Я кивнул. И впервые за весь день мне показалось, что всё действительно закончилось хорошо. Но где-то глубоко внутри я понимал: после сегодняшнего дня моя жизнь в институте уже точно не будет прежней.

Глава 23

Я завёз Валентину Сергеевну домой. У подъезда она ещё раз поблагодарила меня. Егор, я даже не знаю, как тебя благодарить. Никак. Просто дождитесь хороших новостей о маме. Она улыбнулась и скрылась за дверью. Я вернулся в такси и поехал домой. В квартире было тихо. Ани не было она была на работе. Я поставил сумку, прошёл на кухню и первым делом заглянул к Мусе. Ну что, труженица? Я открыл клетку. Крыса посмотрела на меня, будто давно ждала именно этого момента. Сегодня давай без советских рублей. Хочу доллары. Я сам усмехнулся собственной просьбе. Посмотрим, понимаешь ли ты меня на самом деле. Муся юркнула под шкаф. Я поставил рядом кусочек сыра и стал ждать. Через несколько минут показался её розовый нос. Потом вся Муся вылезла наружу. В зубах у неё была купюра. Я взял её и замер. Доллар. Не может быть... Муся снова исчезла. Через минуту появилась с другой купюрой. Потом с третьей. Я уже не смеялся. Она действительно словно понимала, какую валюту я от неё жду. Муся, да ты у меня не крыса, а финансовый консультант! Она села на задние лапки и посмотрела на меня.

Я протянул ей сыр. Хорошо работаешь. Но запомни: никаких экспериментов при Ане. Муся схватила сыр и принялась жевать. Я собрал принесённые доллары и задумался. Ещё недавно меня пугала сама мысль о больших деньгах. Теперь же у меня было другое чувство. Я начинал понимать, что настоящая опасность заключалась не в деньгах. А в том, что рано или поздно придётся объяснить, откуда они у меня берутся. Я посмотрел на Мусю. И что же мне с тобой делать, маленькая ты загадка? Муся продолжала спокойно жевать сыр, совершенно не собираясь отвечать. Я убрал доллары подальше и решил больше об этом не думать. Но Муся, похоже, решила иначе. Она вдруг перестала жевать, встала на задние лапки и уставилась на меня. Что? Крыса повернула голову к шкафу. Потом посмотрела на меня. Ещё? Она пискнула. Ладно, последний раз. Я открыл клетку. Муся молнией исчезла под шкафом. Я сидел на полу и ждал. Через минуту она появилась с новой купюрой. Я взял её и замер. Опять доллары... Муся снова исчезла. Я уже начал подозревать, что она прекрасно понимает не только слова, но и мой

интерес. Когда она вернулась в очередной раз, я протянул ей сыр. Всё. Хватит. Крыса недовольно фыркнула. Не спорь. Нам ещё надо разобраться, где ты всё это находишь. Я посмотрел на щель под шкафом. Вчера я специально заткнул её кирпичом, чтобы Аня случайно не увидела весь этот фокус. Но теперь становилось понятно: где-то там находился настоящий склад. И самое странное Муся приносила деньги не хаотично. Стоило мне сказать «рубли» — появлялись рубли. Говорил «доллары» появлялись доллары. А сегодня она словно специально решила доказать, что понимает меня. Я взял блокнот и записал: «Муся. Возможности: неизвестны». Потом добавил: «Источник денег: неизвестен». Подумал и написал третью строку: «Не показывать Ане». Вот это главное, сказал я вслух. В этот момент в замке повернулся ключ. Я мгновенно вскочил. Аня! Муся тоже замерла. Я схватил её и посадил обратно в клетку. Доллары сунул в карман. В следующую секунду дверь открылась. Егор, ты дома? Дома! Аня вошла в квартиру, сняла пальто и посмотрела на меня. А чего ты такой взъерошенный? Да так... уборкой занимался. Она посмотрела на клетку. Муся опять гуляла? Немного. Аня улыбнулась. И что она натворила? Я посмотрел на крысу. Муся сидела совершенно невинно. Ничего. Аня подошла к клетке и погладила её пальцем через прутья. Умница. Я почувствовал, как доллар в кармане неприятно давит на бедро. «Вот сейчас, подумал я, самое время научиться врать». Но тут Аня неожиданно сказала: Кстати, мне сегодня звонили из больницы. Я мгновенно забыл про деньги. Что с мамой Валентины Сергеевны? Аня удивлённо посмотрела на меня. Ты уже знаешь? Конечно. Она улыбнулась. Операцию назначили. Говорят, шансы хорошие. Я облегчённо выдохнул. Значит, всё было не зря. Аня посмотрела на меня внимательно. Егор... Что? Ты сегодня опять кого-нибудь спас? Я усмехнулся. Нет. Из клетки послышался тихий писк. Я посмотрел на Мусю. Сегодня спасала она. Аня рассмеялась. Иногда мне кажется, что у тебя здесь происходит что-то совершенно невероятное. Я промолчал. Потому что впервые подумал: она ещё даже не представляет, насколько. А ты знаешь Валентину Сергеевну? осторожно спросил я Аню. Она улыбнулась. Стерва. Я даже опешил. Что? Все красивые бабы стервы, совершенно спокойно произнесла Аня. Да шучу я. Она моя лучшая подруга. Я замер. Вот этого я точно не ожидал. «Значит, встреча с ними неизбежна», пронеслось у меня в голове. Перед глазами сразу возникли две женщины. Аня. Валентина Сергеевна. И я между ними. «Интересно, как они отреагируют, когда узнают, что я общаюсь с обеими?» Аня внимательно посмотрела на меня. Ты чего задумался? Да так... Егор, я тебя знаю. Когда ты говоришь «да так», у тебя обычно в голове уже какой-нибудь план. Я рассмеялся. Никакого плана. Врёшь. Она ткнула меня пальцем в плечо. Я поймал её за руку и, смеясь, потащил в сторону спальни. Эй! Куда? У меня важный разговор. В спальне? Там никто не помешает. Аня рассмеялась и пошла за мной. Но у самой двери остановилась. Только учти, Круженов, сказала она, хитро улыбнувшись, если это опять какая-нибудь твоя авантюра, я сначала выслушаю, а потом решу, прощать тебя или нет. Договорились. Мы закрыли дверь. А в гостиной Муся осталась одна. Она сидела в клетке, умывалась и совершенно невозмутимо наблюдала за происходящим.

Я посмотрел на Аню и вдруг понял: самое интересное только начинается. Потому что теперь в моей жизни каким-то невероятным образом пересекались институт, работа, деньги, загадочная крыса и две женщины, которые, оказывается, были лучшими подругами. И я совершенно не представлял, чем закончится их первая встреча со мной уже не как со студентом, а как с человеком, который успел слишком много всего натворить. Раздев Аню я включил ей видео из видео камеры. Там я восседал на ней и трахал она рассмеялась и обняла меня. Отсоединив камеру я направил ее на Аню и стал снимать весь процесс нашего соития. Ане это нравилось и она позировала во всех ракурсах. А Когда подоспел оргазм выпрыснул его на лицо Ани пихая его ей в рот. Она смеялась и сопротивлялась. Но я все равно всунул ей в рот и она неумело принялась сосать его. Освободив от него рот она смеясь произнесла насмотрелся да. Теперь будешь со мной экспериментировать. Да сказал я продолжая секс. Закончив с нею. Я сослался на работу в институте и уехал.

Глава 24

Я позвонил в дверь. Через несколько секунд послышались шаги, и дверь открылась. На пороге стояла Валентина Сергеевна в домашнем халате. Увидев меня, она искренне обрадовалась. Егор! А ты откуда? Решил провести вас. Проходи. Я вошёл. Квартира оказалась совсем не похожа на квартиру Ани. Никаких импортных стенок, польских гарнитуров и дорогой техники. Одна комната, небольшой диван, стол, шкаф с книгами всё скромно, но очень чисто и по-домашнему. Садись, я чай поставлю. Она прошла на кухню и включила чайник. Я смотрел на неё и вдруг понял, как сильно соскучился. Валентина Сергеевна... Она обернулась. Я подошёл ближе, выключил чайник и осторожно обнял её. Она сначала замерла от неожиданности. Егор... Я поцеловал её. Несколько секунд она не двигалась, а потом тихо произнесла: Ты хоть понимаешь, что делаешь? Понимаю. Она посмотрела мне в глаза. А я ведь твоя преподавательница. Уже нет. Как это? Сейчас вы просто Валентина. Она улыбнулась, но в глазах у неё появилась тревога. Всё так сложно, Егор... Я знаю. Она вздохнула и прислонилась ко мне. После всего, что произошло с мамой, я вообще не понимаю, что со мной происходит. А я понимаю. Что же? Вы наконец позволили себе немного счастья. Она долго молчала. Потом улыбнулась. Чай всё-таки будем пить? Я рассмеялся. Конечно. Она снова включила чайник. На этот раз мы оба уже улыбались. И почему-то именно в этой маленькой квартире, где не было ни дорогой мебели, ни роскошных вещей, мне впервые стало по-настоящему спокойно. Пока она возилась с чайной церемонией я установил камеру на тумбочке у кровати и включил ее. Войдя на кухню я увидел ее с чайником. Забрав у нее чайник я поднял ее на руки и понес на кровать. Какой ты сильный произнесла Валя. Я раздел ее и раздвинув ноги подставил ее под камеру. Она ни о чем не подумала. Мы занимались сексом и мне удалось снять ее во всех ракурсах. Когда она убежала в туалет я достал камеру и сменил кассету. А когда пришла Валя она удивилась увидев неведомый аппарат в моих руках. Что это такое спросила она. Это телевизор переносной сказал я. И что он показывает спросила она. Я отложил камеру и положил ее на кровать. Целуя и наслаждаясь ее телом я перевернул ее на живот. Егор не надо прошептала она поняв мой замысел. Но ее мольбы звучали для меня как призыв. и я раздвинув ей большие булki вогнал в ее анус свой член. Она ойкнула и сжалась всем телом. Я подобрал камеру и пока она боролась с болью включил и навел на ее лицо. Ты что делаешь прошипела она. Я тебе сейчас покажу произнес я. И продолжал всовывать. Она стучала ногами по матрасу забыв о камере. Отложив камеру на тумбочку. Я продолжил традиционный секс. Она расслабилась и возбужденно произвела бурный оргазм который я успел записать на камеру. Что это такое Егор игриво возмущалась она. Я лег рядом с ней и включил камеру. В маленьком мониторе пошел фильм. Это что мы. капец. Ты записал фильм. Как это здорово восхищалась она. Это были годы не пуганных птиц. Она еще не понимала как я буду использовать это видео. Усталые мы уснули. Проснулся я ночью. И даже не разбудив ее еще раз овладел ею, Какой ты неугомонный Егор шептала она. У меня ни когда не было столько секса. Я гладил ее тело восхищаясь ее телом и запахами. Мне не хотелось ее терять. Как и Аню. Попрощавшись я уехал в Ане. Не могу продолжать сцену с графическим описанием сексуального акта. Открыв своим ключом дверь, я вошёл в квартиру. Аня не спала. Где ты был? обеспокоенно спросила она. На работе. А что за работа? недоверчиво переспросила она. Я снял куртку и улыбнулся. У нас с ректором теперь целая фирма. Ремонтируем технику. А ты думаешь, откуда у меня деньги? Аня несколько секунд смотрела на меня, а потом её лицо смягчилось. Прости, любимый. Я просто переживала за тебя. Она обняла меня. Я прижал её к себе и поцеловал. Всё хорошо, Аня. Я дома. Она улыбнулась и положила голову мне на плечо. В тот вечер нам уже не хотелось ни о чём спорить и ничего выяснять. Мы просто остались вдвоём, забыв на время обо всех институтах, работе, деньгах и моих невероятных приключениях. Позже мы легли спать. А утром меня разбудил привычный голос Ани: Егор, вставай. Ты опять опоздаешь. Я открыл глаза и понял, что новый день уже начался. Утро началось с привычной суеты. Я нехотя вылез из постели, умылся и первым делом

посмотрел на часы. Всё, сегодня точно не опоздаю. Аня поставила на стол кружку кофе. Ты это вчера тоже говорил. Вчера у меня были обстоятельства. А сегодня? Сегодня я образцовый студент и работник. Она рассмеялась. Я быстро позавтракал, собрал тетради и уже взялся за ручку двери, как вспомнил о Мусе. Стоп. Аня удивлённо посмотрела на меня. Что? Крысу покормить забыл. Она у тебя скоро будет требовать завтрак по расписанию. Я подошёл к клетке и дал Мусе кусочек сыра. Крыса тут же оживилась, схватила угощение и довольно зашуршала лапками. Вот. Теперь порядок. Ты с ней разговариваешь как с человеком, улыбнулась Аня. А она понимает больше некоторых людей. Это кого же? Не скажу. Аня толкнула меня в плечо. Иди уже, философ. Я вышел из квартиры и направился в институт. Сегодня мне предстояло сразу несколько дел: занятия, работа в лаборатории и разговор с Семёнычем насчёт нашей будущей фирмы. Но больше всего меня занимала вчерашняя встреча с Валентиной. Теперь я знал, что она лучшая подруга Ани. И от этой мысли становилось немного не по себе. Я вошёл в главный корпус и поднялся по лестнице. Навстречу мне попался Сеня. Он остановился. Круженов! Что? Тебя Семёныч ищет. Зачем? Сеня хитро улыбнулся. Говорит, нашёл тебе работу. Какую ещё работу? Вот сам и узнаешь. Я посмотрел на часы. До первой пары оставалось десять минут. Ладно. После занятий зайду. Нет, сейчас. Почему? Сеня пожал плечами. Потому что у Семёныча глаза такие, будто он уже нашёл нам миллион. Я тяжело вздохнул. Ну всё. Началось. Мы направились в лабораторию. И я ещё не знал, что именно сегодня разговор о фирме полностью изменит мою студенческую жизнь. В лаборатории Семёныч уже ждал меня, разложив на столе какие-то бумаги. Наконец-то, северный олень! поднял он голову. Я уж думал, ты решил стать обычным студентом. Не дождёсь. Сеня прыснул со смеху и вышел. Семёныч подвинул ко мне папку. Смотри. Я открыл её. Внутри были какие-то схемы, расчёты и несколько официальных бумаг. Это что? Наша фирма. Я поднял глаза. Уже? А ты думал, ректор вчера пошутил? Я перелистал бумаги. И чем мы будем заниматься? Ремонт и обслуживание вычислительной техники, электронного оборудования. Ректор хочет, чтобы мы брали заказы не только от института. Я задумался. Значит, настоящая коммерция? Именно. Я отложил папку. А оборудование? Пока институт даст помещение и несколько старых приборов. Остальное будем искать. А сотрудники? Семёныч усмехнулся. Пока я, ты и Сеня. Потом посмотрим. А зарплата? Полный оклад тебе уже выбили. Я улыбнулся. А вот это разговор. В этот момент дверь открылась. На пороге стоял ректор Геннадий Иванович. Ну что, учредители, ознакомились? Почти, ответил Семёныч. Ректор посмотрел на меня. Круженов, ты ведь понимаешь, что теперь от тебя будет зависеть не только твоя собственная работа? Понимаю. Тогда скажи, чего тебе не хватает? Я оглядел лабораторию. Нормального оборудования. Измерительных приборов. Запчастей. И помещения, где можно будет спокойно работать. Ректор кивнул. Именно поэтому я и пришёл. Нам предложили восстановить старую лабораторию вычислительного центра. Если справитесь получите её в распоряжение. А что там? Старое оборудование. Очень старое. Семёныч усмехнулся. Для Круженова как раз по возрасту. Я покосился на него. Северный олень, значит? Именно. Ректор улыбнулся. После занятий пойдёте туда втроём. А если не справимся? Ректор уже взялся за ручку двери. Тогда будете учиться. А если справимся? Он остановился. Тогда, Круженов, у тебя будет первая настоящая работа. Дверь закрылась. Я посмотрел на Семёныча. Ну что? Что? Похоже, нас действительно втянули. Он рассмеялся. Поздравляю, партнёр. Добро пожаловать в бизнес. Я ещё раз перечитал договор. Чем дольше читал, тем больше у меня появлялось неприятное ощущение. «Похоже, решили облапошить простачка-студента», подумал я. Но не тут-то было. Я прожил уже одну жизнь и слишком хорошо знал, как работают серые схемы. Где мелким шрифтом прячут самое интересное, где ответственность перекладывают на исполнителя, а где обещанный доход превращается в красивые слова. Я взял карандаш и отметил несколько пунктов. Семёныч, это надо переписать. Что именно? Вот это. И вот это. А здесь вообще получается, что мы отвечаем за оборудование, которое нам даже не принадлежит. Он почесал затылок. А я этого не заметил. Потому что ты инженер. А ты кто? Бывший

студент. Он рассмеялся. Хорошо. Давай посмотрим, что ты ещё найдёшь. Но долго изучать договор нам не пришлось. Первый заказ пришёл уже через несколько дней. Политехнический институт. У них не запускался IBM. Мы приехали втроём и получили доступ к вычислительной лаборатории. Компьютер стоял на столе и выглядел для окружающих почти как космический корабль. Я сел перед ним. Ну что, знакомый? Семёныч посмотрел на меня. Ты его уже видел? Не именно этот. Я включил машину. Экран ожил. Я сразу узнал знакомую логику загрузки прообраз того, что в будущем станет привычной BIOS. Но здесь всё было ещё в самом начале. Программы сырые. Операционные системы капризные. Совместимость оставляла желать лучшего. А про интернет, который в моей прошлой жизни был обычной частью работы, здесь вообще приходилось забыть. Я начал проверять систему. Одна программа запускалась. Другая конфликтовала с ней. Третья вообще отказывалась видеть нужное устройство. Ну вот, — пробормотал я. Добро пожаловать в компьютерное детство. Семёныч стоял за моей спиной. Что там? Совместимость. И? Будем знакомиться поближе. Несколько часов пролетели незаметно. Я исправил часть ошибок, настроил загрузку и заставил несколько программ нормально взаимодействовать. Но полностью решить проблему за один заход не получилось. Сегодня всё? Нет. Но теперь я хотя бы понимаю, где искать. Я вышел из программы и сделал то, что считал необходимым. Установил пароли доступа. Семёныч удивлённо посмотрел на меня. Зачем? Чтобы завтра какой-нибудь любопытный студент не нажал не ту кнопку и не сказал, что это мы всё сломали. Он задумался. Логично. Мы собрали инструменты. Поехали, сказал Семёныч. Я посмотрел на часы. Вы езжайте. А ты? Домой. Мы ещё можем посидеть, разобраться. Я покачал головой. Завтра продолжим. Семёныч понимающе улыбнулся. Аня ждёт? Я ничего не ответил. Он рассмеялся. Всё ясно. Я вышел из института. Вечерний город встретил меня прохладным воздухом. Я шёл домой и думал о странном совпадении. Ещё недавно я боялся самого слова «деканат». А теперь у меня был договор, работа, фирма и первый серьёзный заказ. Но всё это могло подождать до завтра. Меня действительно ждала Аня. И почему-то именно сейчас мне хотелось поскорее оказаться дома.

Глава 25

Когда я вошёл в квартиру, в ней было тихо. Аня? Из кухни донёсся её голос: Я здесь! Она выглянула из-за двери и улыбнулась. Наконец-то. Я уже думала, ты опять всю ночь будешь возиться со своими компьютерами. Сегодня не буду. Правда? Правда. Я поставил сумку на стул. Ну, рассказывай. Как прошёл день? Нормально. А у тебя? Я усмехнулся. Первый заказ. Уже? Уже. Я рассказал ей про политехнический институт, огромную вычислительную машину и бесконечные проблемы с программами. Аня слушала, иногда качая головой. И ты всё это умеешь? Не всё. Просто кое-что помню. Из той своей прошлой жизни? Я замолчал. Она подошла ближе. Егор, я ведь уже привыкла к твоим странностям. Это хорошо. Но ты иногда сам себя пугаешь. Почему? Потому что ты говоришь о вещах так, будто уже видел их. Я улыбнулся. Может, видел. Она положила голову мне на плечо. Главное, чтобы ты не забывал, что у тебя есть настоящая жизнь. Я посмотрел на неё. Не забуду. Из комнаты донёсся подозрительный шорох. Я сразу насторожился. Муся? Аня засмеялась. Опять твоя финансистка проснулась? Я пошёл к клетке. Муся сидела внутри и смотрела на меня своими чёрными глазками. Сегодня никаких промыслов. Она демонстративно отвернулась. Не сердись. Я дал ей кусочек сыра. Аня наблюдала за нами. Ты её слишком балуешь. Она заслужила. Чем? Я задумался. Долголетним сотрудничеством. Аня рассмеялась. Я вернулся на кухню. На столе стоял ужин. Ешь, сказала она. А завтра уже будешь спасать политехнический институт. Я сел за стол. Завтра будет интереснее. Почему? Я вспомнил договор. Потому что завтра я собираюсь поговорить с ректором. О чём? О нашей фирме. Что-то не так? Есть несколько пунктов, которые мне совсем не нравятся. Аня посмотрела на меня внимательно. Значит, опять начнётся? Похоже на то. Она улыбнулась. Тогда я приготовлю тебе завтрак. На голодный желудок ты опаснее. Я рассмеялся. Вот теперь я точно понимаю, почему вернулся домой. Мы поужинали спокойно.

А за окном медленно опускалась ночь. Я ещё не знал, что утром меня ждёт разговор, после которого наша маленькая фирма перестанет быть просто экспериментом ректора. Она станет настоящим делом. Обычный уход ко сну закончился борьбой сумо. Я хотел проникнуть в анус Ани но она упорно сопротивлялась. В отличии от миниатюрной Вали . Она была килограмм на 20 тяжелее. И это позволяло ей скидывать меня с себя. Я ее уже и возбудил и дал кончить два раза. Но как только мой конец касался ее сокровенного она как бешенная начинала вертеться. Прекрати Егор мне будет больно шептала она . Но явной агрессии не проявляла. Так и не воткнув ей я и успокоился . Она победно села на меня и принялась делать мне массаж. Теперь без трусов не дам тебе делать массаж заявила она. Утром я пришёл в институт раньше обычного. Семёныч уже сидел в лаборатории над раскрытой папкой. Круженов, иди сюда. Что случилось? Наш заказчик звонил. Политехнический институт хочет, чтобы мы продолжили работу. Говорят, после вчерашнего компьютер хотя бы начал подавать признаки жизни. Значит, мы на правильном пути. Они хотят заключить договор на обслуживание. Я взял бумаги и начал читать. А вот это уже интересно. Что? Они предлагают фиксированную оплату за каждый выезд. Но если проблема не решена за один визит, второй считается бесплатным. Семёныч почесал голову. И что? А то, что мы можем месяц бесплатно ездить к ним. Точно. Я перелистнул страницу. Здесь тоже ловушка. Они могут вызвать нас по любой мелочи, а платить будут как за полноценный ремонт. Значит, что делаем? Переписываем договор. Семёныч улыбнулся. Я знал, что не зря тебя взял. В этот момент вошёл ректор. Ну что, бизнесмены? Пока не разорились, ответил я. Ректор рассмеялся. Хорошее начало. Я протянул ему договор. Вот это подписывать нельзя. Он внимательно прочитал отмеченные мною пункты. А ты всё-таки решил стать настоящим коммерсантом? Я просто не хочу работать бесплатно. Разумно. Он сел за стол. Тогда сегодня после занятий идём к юристу института. Будешь объяснять ему, чего хочешь. Я? Ты. Я удивлённо посмотрел на Семёныча. Тот пожал плечами. Сам попросился, северный олень. Ректор поднялся. И ещё одно. Что? Политехнический институт просит приехать сегодня вечером. У них снова проблема с IBM. Я вздохнул. Значит, компьютер решил скучать без нас. Поедете? Конечно. Ректор улыбнулся. Вот теперь я начинаю понимать, почему тебя называют уникамом. Он ушёл. Семёныч посмотрел на часы. Первая пара через двадцать минут. Какая? Математика. Я тяжело вздохнул. Вот теперь мне действительно страшно. А я думал, ты ничего не боишься. Компьютеры нет. А математика? Она не подчиняется отвертке. Семёныч рассмеялся. Мы вышли из лаборатории. У лестницы я неожиданно увидел Валентину Сергеевну. Она остановилась. Мы встретились взглядами. Доброе утро, Егор. Доброе утро. Она улыбнулась, но в её взгляде было что-то новое. Мы оба понимали, что теперь между нами существует тайна, о которой не должен знать институт. И именно в этот момент из-за поворота появилась Аня. Я застыл. Аня увидела Валентину. Валентина увидела Аню. И я вдруг понял: вот оно. Того самого разговора, которого я опасался, избежать уже не получится. Я застыл посреди коридора. Аня первой заметила Валентину Сергеевну. Валя? Валентина Сергеевна тоже замерла. Аня? Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом Аня перевела взгляд на меня. Так это ты и есть тот самый Егор, о котором мне рассказывала Валентина? Я почувствовал, как у меня пересохло во рту. Аня... Не пугайся, вдруг засмеялась Валентина. Я ничего ей не рассказывала. Пока, добавила Аня с улыбкой. Я выдохнул. Девушки, давайте только без разборок посреди института. Валентина покраснела. Егор, ты невозможен. Аня посмотрела на неё и вдруг улыбнулась. Я смотрю, вы уже на «ты»? Мы... начала Валентина. Долго объяснять, перебил я. Аня покачала головой. Вот поэтому я тебя и люблю. У тебя на каждую сложную ситуацию есть ответ «долго объяснять». Валентина тихо рассмеялась. Напряжение исчезло. Ладно, сказала Аня. Валя, я давно хотела с тобой поговорить. Конечно. А ты, Егор, иди на пару. Я посмотрел на неё. А вы? Мы сами разберёмся. Я недоверчиво посмотрел сначала на Аню, потом на Валентину. Точно? Точно, хором ответили они. Я медленно пошёл по коридору. Через несколько шагов обернулся. Обе стояли рядом и о чём-то разговаривали. И вдруг я понял, что впервые

за всё время не чувствую тревоги. Похоже, они действительно были подругами. А значит, мне оставалось только надеяться, что они не решат объединиться против меня. Я вошёл в аудиторию. Преподаватель уже стоял у доски. Круженов, опять последним? Нет, я сегодня вовремя. Он посмотрел на часы. Действительно. Я сел за парту. На доске уже была написана задача с интегралом. Я посмотрел на неё и вздохнул. Ну что, старушка, снова встретились... Сосед по парте повернулся. Ты с интегралом разговариваешь? Иногда он лучше понимает человека, чем некоторые люди. Преподаватель усмехнулся. Круженов, раз уж вы с ним так хорошо знакомы, решите у доски. Я поднялся. На этот раз задача оказалась не такой страшной. Через несколько минут решение было готово. Преподаватель внимательно посмотрел на запись. Неплохо. Я вернулся на место. Но мысли всё равно возвращались к коридору. К Ане. К Валентине. И к тому, что теперь они знали друг о друге. А впереди был ещё один вечер в политехническом институте. И неисправный IBM, который, судя по всему, не собирался сдаваться без боя. После пары я первым делом направился в лабораторию. Семёныч уже ждал меня у двери. Ну что, северный олень, готов снова спасать вычислительную технику? Если она снова решила умереть пусть хотя бы предупредит. Сеня засмеялся. Политехнический звонил. У них теперь вообще ничего не запускается. А вчера? Вчера хоть что-то работало. Значит, мы оставили после себя след. Семёныч протянул мне сумку с инструментами. Поехали. В машине он вдруг спросил: Слушай, а что у тебя сегодня утром было с Валентиной Сергеевной и Аней? Я посмотрел на него. А что было? Не знаю. Но вы все трое смотрели друг на друга так, будто сейчас начнётся заседание учёного совета. Всё нормально. Ну-ну. Через полчаса мы приехали в политехнический. Нас сразу провели в вычислительный центр. Тот же огромный зал, стойки, кабели, гул вентиляторов и несколько инженеров, которые уже выглядели так, будто не спали всю ночь. Вот он, сказал один из них. После вчерашнего запуска система проработала несколько часов, а потом опять встала. Я подошёл к машине. Что делали после нашего ухода? Инженеры переглянулись. Ничего. Я посмотрел на журнал. А это что? Что? Я ткнул пальцем в запись. Кто-то изменял параметры загрузки. Повисла тишина. Семёныч посмотрел на меня. И что теперь? Теперь ищем, кто решил помочь компьютеру. Я сел перед терминалом и начал проверять систему. Через несколько минут стало ясно: проблема была не в железе. Кто-то установил программу, которая конфликтовала с системными настройками. Вот оно. Можно исправить? спросил главный инженер. Можно. Сколько времени? Я посмотрел на часы. Если никто больше не будет мне помогать минут двадцать. Семёныч отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Через двадцать минут компьютер снова заработал. На экране появилась привычная информация загрузки. В лаборатории облегчённо выдохнули. Главный инженер протянул мне руку. Круженов, вы нас спасли. Пока только компьютер. Нам этого достаточно. Я закрыл крышку системного блока. А теперь давайте договоримся: больше никто не меняет настройки без записи в журнале. Согласен. Мы уже собирались уходить, когда один из инженеров окликнул меня: Егор! Я обернулся. Да? А вы где этому научились? Я улыбнулся. Долго объяснять. Семёныч за моей спиной тихо проворковал: Опять двадцать пять... Мы вышли на улицу. И тут я увидел возле машины Аню. Рядом с ней стояла Валентина. Я остановился. Вот это уже интересно. Семёныч посмотрел на них, потом на меня. А я, пожалуй, пойду машину проверю. Почему? Потому что мне жить ещё хочется. Аня улыбнулась. Егор, мы тебя ждём. Я медленно подошёл. Что случилось? Валентина посмотрела на меня и сказала: Мы поговорили. И? Аня взяла меня под руку. И решили, что нам пора серьёзно поговорить с тобой. Я сглотнул. Только не говорите, что это хуже договора с политехническим. Валентина рассмеялась. Гораздо хуже. Я посмотрел на обеих. И впервые за весь день мне действительно захотелось вернуться к неисправному компьютеру.

Глава 26

Я посмотрел на обеих женщин и понял: отступать некуда. Хорошо, сказал я. Только давайте не посреди улицы. Аня кивнула. Вот именно. Поехали домой. Мы сели в машину. Всю дорогу я пытался угадать, о чём они говорили между собой. Но обе молчали. От этого ста-

новилося только тревожнее. Когда мы приехали, Аня поставила чайник, а Валентина Сергеевна села за стол. Я устроился напротив. Ну? спросил я. Аня посмотрела на Валентину. Давай ты. Валентина вздохнула. Егор, мы с Аней давно дружим. И она мне рассказала о тебе. Что именно? Что ты странный. Это я и сам знаю. Аня рассмеялась. И что ты иногда совершенно непредсказуемый. Это тоже не новость. Валентина улыбнулась. Но она ещё сказала, что ты хороший человек. Я посмотрел на Аню. Она отвела взгляд. И что ты помог моей маме, продолжила Валентина. Поэтому я должна тебе сказать спасибо. Я уже слышал это. Нет. Сегодня серьёзно. Она встала и подошла ко мне. Спасибо тебе, Егор. Я пожал её руку. Пожалуйста. Аня наблюдала за нами и вдруг сказала: А теперь самое главное. Я насторожился. Что? Мы обе прекрасно понимаем, что ты постоянно влипаешь в какие-то истории. Я? Ты. Валентина кивнула. Компьютеры, институт, фирма, какие-то деньги... Я почувствовал неприятный холодок. Какие деньги? Аня посмотрела мне прямо в глаза. Вот именно. Какие? Я молчал. В клетке тихо зашуршала Муся. Все трое одновременно посмотрели туда. Аня прищурилась. И почему мне кажется, что твоя крыса знает об этом больше, чем я? Я посмотрел на Мусю. Она сидела совершенно невинно. Она вообще ни при чём. Валентина рассмеялась. Ты сейчас так защищаешь крысу, будто она твой бухгалтер. Она очень хороший бухгалтер. Аня покачала головой. Егор... Я вздохнул. Ладно. Я всё расскажу. И впервые за долгое время понял, что придётся открыть хотя бы часть своих секретов. Но я ещё не знал, что именно в этот момент Муся решила вмешаться в наш разговор. Крыса вдруг встала на задние лапки. Посмотрела на меня. Потом на Аню. И начала громко скрести лапкой по дверце клетки. Что это с ней? спросила Валентина. Я медленно поднялся. Кажется... Муся продолжала скрести дверцу. Кажется, она хочет что-то показать. Аня удивлённо посмотрела на меня. Только не говори, что сейчас начнётся очередная история. Я открыл клетку. Муся молнией выскочила наружу и направилась прямо к шкафу. Мы все замерли. Крыса остановилась у щели, повернула голову и посмотрела на нас. А потом исчезла под шкафом. Я посмотрел на Аню. Вот теперь начинается самое интересное. Девушки застыли в ожидании. Ни они, ни Муся не знали, что я заранее предусмотрел такой вариант. Проход в стене я наглухо перекрыл стальной болванкой. Прогрызть её крыса не могла, а значит, рано или поздно ей пришлось бы выбраться обратно в комнату. Я затаился. Показался розовый хвост. Я выждал секунду и во всё горло закричал: ЗМЕЯ! Аня и Валентина взвизгнули одновременно. Егор! Обе мгновенно выскочили из комнаты и бросились на кухню. Я едва сдерживал смех. Муся, совершенно не понимая причины переполоха, спокойно вышла из-под шкафа. Я тут же схватил её и посадил обратно в клетку. Всё, малышка. Ещё не время. Закрыв дверцу и отправился на кухню. Там происходило настоящее безобразие. Аня и Валентина уже поняли, что я их провёл, и хохотали так, что обе держались за живот. Ты ненормальный! сквозь смех выговорила Аня. Я думала, ты действительно змею увидел! добавила Валентина. А я что? Я просто предупредил. Криком «змея»?! возмутилась Аня. Зато эффективно. Обе снова рассмеялись. Я смотрел на них и думал, насколько странно всё сложилось. Ещё недавно я не мог представить, что эти две женщины вообще окажутся рядом со мной. Теперь же они сидели на одной кухне, смеялись над моей проделкой и совершенно спокойно разговаривали друг с другом. А про некоторые события между мной и Валентиной она решила пока не говорить. Это была наша общая тайна. Я посмотрел на Валентину. Она поймала мой взгляд и едва заметно улыбнулась. Я понял всё без слов. Она ничего не скажет Ане. А значит, внешне всё оставалось по-прежнему: две лучшие подруги, каждая со своими чувствами и секретами. Я вернулся в комнату и посмотрел на Мусю. Ну что, маленькая? Сегодня ты чуть не раскрыла все наши тайны. Муся умывалась и совершенно не обращала на меня внимания. И правильно. Молчи. Из кухни снова донёсся смех девушек. Я улыбнулся. Похоже, в моей новой жизни становилось всё больше секретов. И каждый следующий день умудрялся быть невероятнее предыдущего. Мы попили чаю, а потом я всё-таки уговорил Аню достать коньяк. Только немного, предупредила она. Конечно. Через некоторое время музыка уже гре-

мела на всю квартиру. Напряжение последних дней словно испарилось. Мы смеялись, танцевали, перебрасывались шутками и совершенно забыли о времени. Валя сначала сидела в кресле и наблюдала за нами, но вскоре Аня вытащила её танцевать. Ну всё, Валя, сегодня никаких серьёзных разговоров! Я уже поняла, засмеялась Валентина. Мы танцевали до тех пор, пока из соседней квартиры не раздался глухой стук по батарее. Кажется, нас заметили, сказал я. Через минуту последовал ещё один стук. Аня выключила музыку. Всё. Хватит. А то завтра весь подъезд будет знать, что у нас тут дискотека. Валя посмотрела на часы. Мне пора. Она вызвала такси и стала собираться. У двери Аня обняла подругу. Позвони, когда доедешь. Хорошо. Валя посмотрела на меня. До завтра, Егор. До завтра. Дверь закрылась. Мы с Аней остались вдвоём. Она устало вздохнула. Какой сегодня день... Зато весёлый. Это точно. Я убрал со стола стаканы, выключил музыку и помог ей привести комнату в порядок. Муся сидела в клетке и недовольно смотрела на нас. И тебе спокойной ночи, финансистка, сказал я. Аня рассмеялась. Ты ещё с ней разговариваешь? Она единственная здесь, кто никогда не спорит. Зато делает всё по-своему. Вот поэтому мы и понимаем друг друга. Мы выключили свет и отправились спать. За окном давно установилась тишина. А я лежал и думал о прошедшем дне. Ещё утром у меня была обычная жизнь студента. А теперь фирма, первый заказ, компьютеры, деньги, тайны и две женщины, которые каким-то невероятным образом оказались частью моей новой судьбы. И почему-то мне казалось, что завтра всё станет ещё сложнее. Когда Аня окончательно уснула, я ещё немного полежал, прислушиваясь к тишине. Потом осторожно встал. Муся уже сидела в клетке и смотрела на меня так, будто прекрасно понимала, зачем я поднялся. Тихо, малышка. Я проверил дверь, чтобы она была заперта, затем убрал металлическую болванку из норки и открыл клетку. Муся мгновенно юркнула под шкаф. Я сел рядом и стал ждать. Через некоторое время из-под шкафа появилась её мордочка, а следом показалась первая купюра. Ну здравствуй, финансистка. Муся положила деньги рядом со мной и снова исчезла. Так продолжалось несколько раз. Когда она наконец устала, я дал ей заслуженную награду кусочек сыра. Муся уселась прямо передо мной и принялась довольно жевать. Всё, на сегодня хватит. Я вернул металлическую болванку на место, закрыл все запоры и убедился, что крыса снова находится в клетке. Муся посмотрела на меня своими чёрными глазками. Завтра продолжим. Я выключил свет и тихо вернулся в спальню. Аня даже не проснулась. Я лёг рядом, закрыл глаза и подумал, что моя новая жизнь становится всё страннее. Фирма, институт, компьютеры, деньги, тайны... И крыса, которая почему-то оказалась самым предприимчивым существом во всей этой истории. С этой мыслью я уснул.

Глава 27

Утром я отправился на занятия. Первой парой был английский. И вот тут, наконец, началась моя территория. Преподаватель задавала вопросы, а я отвечал спокойно, без долгих раздумий. Однокурсники сначала удивлялись, потом начали переглядываться. Для них мой уровень английского казался почти недостижимым. Круженов, где вы так хорошо научились? спросила преподаватель. Я пожал плечами. Практика. Больше объяснять я не стал. После первой пары меня неожиданно вызвали к ректору. Я вошёл в кабинет. Геннадий Иванович сидел за столом и выглядел недовольным. Садись. Я сел. Он несколько секунд молчал, а потом произнёс: Слишком долго. Что именно? Первый заказ. Я усмехнулся. Так бывает. Ты понимаешь, что репутация фирмы зависит от таких заказов? Понимаю. Но я не волшебник. Компьютер старый, программное обеспечение сырое, документация неполная. Зато теперь он работает. Ректор нахмурился. Хорошо. Но есть ещё один вопрос. Какой? Деньги. Я посмотрел на него внимательнее. Вот и я хотел бы знать сумму договора. Он удивился. Зачем тебе это? Потому что это изначально было партнёрством. Ректор откинулся в кресле. Я плачу тебе зарплату. Ещё премию выплачу. Нет. Он поднял брови. Что значит «нет»? Каждый из нас выполняет свою роль. Вы обеспечили организацию и связи. Семёныч отвечает за техническую часть. Я выполняю работу на месте. Я не прошу половину гонорара. Я сделал паузу. Но треть моя доля.

Это было условием партнёрства. Если условия изменились, тогда работайте сами. В кабинете стало тихо. Ректор медленно поднялся. А если я тебя отчислю? Я посмотрел ему прямо в глаза. Пожалуйста. Он замер. Что? Отчисляйте. Ты понимаешь последствия? Прекрасно. Я поднялся. В крайнем случае, получу такой же диплом в политехническом. После того, что я сделал для их вычислительного центра, думаю, меня там примут без особых проблем. Ректор долго смотрел на меня. Потом неожиданно рассмеялся. Северный олень... Что? Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь? С ректором. А ведёшь себя так, будто сам им являешься. Я просто защищаю свою долю. Он перестал смеяться. Сядь. Я снова сел. Ректор достал договор и положил его передо мной. Хорошо. Третий. Я посмотрел на него. Официально? Официально. Тогда укажите это в документах. Он вздохнул. Ты мне когда-нибудь спокойную жизнь оставишь? Если условия договора будут нормальными обязательно. Ректор покачал головой. Иди на пару, бизнесмен. Я встал. У двери он окликнул меня: Круженов. Я обернулся. Да? Ты действительно думал перейти в политехнический? Я улыбнулся. Если понадобится. Вот поэтому я тебя и не люблю. А фирма? Вот фирму как раз люблю. Я вышел из кабинета. В коридоре я посмотрел на часы. Вторая пара уже начиналась. Ну что, пробормотал я, похоже, капитализм всё-таки добрался до института. Третья пара закончилась, и я уже собирался идти в лабораторию, когда меня догнал Семёныч. Ну что, переговорщик? Откуда знаешь? Ректор сам пришёл и сказал, что ты его чуть до инфаркта не довёл. Зато договор теперь нормальный. Семёныч довольно хлопнул меня по плечу. Вот теперь ты действительно партнёр. В лаборатории нас уже ждал представитель политехнического института. Рядом с ним стоял ещё один инженер. Круженов, это Виктор Павлович, начальник вычислительного центра. Мы пожали друг другу руки. Нам рекомендовали вас как специалиста по наладке, сказал он. Я пока только учусь. Инженер усмехнулся. После того как вы запустили нашу машину, я бы не называл это «только учусь». Семёныч посмотрел на меня с улыбкой. Скромность у него врождённая. Я открыл папку. Что у вас на этот раз? Виктор Павлович положил передо мной лист. Хотим объединить несколько машин в одну систему. Но программное обеспечение не позволяет. Я внимательно прочитал описание. А почему именно так? Потому что другого варианта нет. Есть. Он удивлённо посмотрел на меня. Какой? Я взял карандаш и начал рисовать схему. Не надо заставлять машины говорить друг с другом напрямую. Нужен промежуточный узел. Семёныч наклонился над столом. Ты это сейчас придумал? Нет. Просто вспомнил. Что вспомнил? Я замолчал. Слишком много вопросов. Теоретически рассчитал. Виктор Павлович долго смотрел на рисунок. А если это работает? Тогда ваши машины смогут обмениваться данными без постоянного ручного вмешательства. Сколько времени потребуется? На проектирование? Да. Неделя. Семёныч присвистнул. Ты решил совсем без сна жить? Сон подождёт. Виктор Павлович поднялся. Договорились. Но если получится, у нас будет для вашей фирмы ещё один заказ. Он ушёл. Семёныч посмотрел ему вслед. Ты хоть понимаешь, что только что сделал? Кажется. Мы получили возможность выйти за пределы одного института. Я закрыл папку. Значит, пора думать о нормальной мастерской. И о сотрудниках. И о бухгалтере. Семёныч поморщился. Вот это уже настоящая взрослая жизнь. Я рассмеялся. Но вечером, возвращаясь домой, я думал уже не о деньгах. На лестнице у квартиры меня встретила Аня. Она держала в руках конверт. Это тебе. Откуда? Принесли сегодня. Я вскрыл его. Внутри лежало официальное письмо из политехнического института. Я прочитал первую строку и замер. Что там? спросила Аня. Я медленно поднял глаза. Они предлагают мне перевод. Аня улыбнулась. Значит, ты всё-таки оказался нужен сразу двум институтам. Я посмотрел на письмо. И впервые задумался: а не слишком ли быстро моя новая жизнь начинает меняться? Женское чутьё Ани, похоже, не подводило её никогда. Она ничего не спрашивала напрямую, но я видел: она что-то почувствовала. Знаешь, сказала она однажды вечером, тебе ведь действительно нужно подтянуть математику. Мне? Тебе. Я настоялся. И кто же меня будет учить? Аня улыбнулась. Валя. Я замер. Валентина Сергеевна? А почему нет? Она хороший преподаватель, а тебе нужны дополнительные занятия. Можно зани-

маться в институте. Вечером там полно народу. А у Вали дома спокойно. Я посмотрел на неё. Хитро придумано. Слишком хитро. Аня словно специально создавала ситуацию, в которой мы с Валентиной должны были регулярно оставаться наедине, но формально всё выглядело совершенно невинно. На следующий день она позвонила Вале. Валь, ты ведь можешь помочь Егору с математикой? На другом конце провода что-то ответили. Аня посмотрела на меня и улыбнулась. Конечно. Сегодня вечером? Потом она передала трубку мне. Егор, услышал я голос Валентины, если ты действительно хочешь заниматься, приезжай после семи. Хорошо. И без опозданий. Постараюсь. Не «постараюсь», а приедешь. Я улыбнулся. Приеду. Разговор закончился. Аня положила трубку. Вот и договорились. Я посмотрел на неё с подозрением. Ты что-то задумала. Я? Ничего. Она совершенно невинно пожала плечами. Вечером я начал собираться. Почему-то перед поездкой к Валентине я нервничал сильнее, чем перед разговором с ректором. Я взял тетрадь, учебник и несколько ручек. Потом остановился у шкафа. Может, не надо? Аня рассмеялась. Иди уже. Ты же математикой заниматься собирался. Я посмотрел на неё. Она улыбалась слишком хитро. Перед выходом я услышал: И Егор... Что? Не забудь, зачем едешь. Учиться. Вот именно. Я вышел на лестницу. Вечерний воздух был прохладным. А впереди меня ждала Валентина, час математики и разговор, который, я почему-то чувствовал, вряд ли ограничится одними интегралами. Я поднялся на нужный этаж и несколько секунд стоял перед дверью, собираясь с мыслями. Потом позвонил. Валентина открыла почти сразу. Проходи, студент. Здравствуйте, Валентина Сергеевна. Сегодня без официальных. Мы же договорились заниматься спокойно. Я вошёл. На столе уже лежали тетради, учебник и несколько листов с заданиями. Садись. Я сел, раскрыл тетрадь. С чего начнём? С того места, где ты перестал понимать математику. Боюсь, это будет где-то в средней школе. Она рассмеялась. Значит, начнём отсюда. Первый час прошёл неожиданно спокойно.

Валентина объясняла материал простыми словами, а я старался не спорить с математикой, как обычно. Вот здесь ты ошибся, сказала она, наклоняясь над моей тетрадью. Где? Ты перепрыгнул через шаг. Я думал, он очевиден. Для тебя, может быть. Для проверяющего нет. Я исправил решение. Так? Уже лучше. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Знаешь, Егор, ты странный человек. Почему? Когда дело касается техники, ты думаешь на несколько шагов вперёд. А когда видишь дробь, у тебя лицо человека, которого собираются отправить на каторгу. Я засмеялся. С техникой всё проще. Нет. Просто тебе она интересна. Она поставила передо мной ещё одну задачу. Давай. Самостоятельно. Я взял ручку. В комнате стало тихо. За окном шумел вечерний город. Через несколько минут я закончил. Валентина проверила решение. Правильно. Правда? Правда. Я откинулся на стуле. Значит, не безнадёжен. Никогда не говорила, что безнадёжен. Она закрыла учебник. На сегодня хватит. Я посмотрел на часы. Уже? Уже. Мы убрали тетради. Я заметил, что Валентина стала какой-то задумчивой. Что-то случилось? Она покачала головой. Нет. Просто думаю об Ане. Я насторожился. О чём? Она очень умная женщина. Это я знаю. И слишком хорошо тебя понимает. Я усмехнулся. Иногда мне кажется, что даже лучше меня самого. Валентина улыбнулась. Вот именно. Она подошла к окну. И знаешь, я не хочу, чтобы наша дружба из-за тебя изменилась. Я промолчал. Она обернулась. Поэтому сегодня мы действительно занимались математикой. Я понял. И завтра тоже будем заниматься математикой. А послезавтра? Она улыбнулась. Если будешь хорошо учиться. Я взял куртку. Тогда придётся учиться. У двери она остановила меня. Егор. Да? Спасибо ещё раз за маму. Я кивнул. Не стоит. Стоит. Я вышел на лестницу. И только спустившись на первый этаж, понял, что всё прошло совсем не так, как я ожидал. Аня действительно придумала хитрый план. Только, похоже, сама не представляла, насколько серьёзно Валентина решила поставить между нами границы. Когда я вернулся домой, Аня сидела на кухне с чашкой чая. Ну? спросила она. Занимались. Только? Я посмотрел на неё. Только. Она внимательно изучила моё лицо и вдруг улыбнулась. А вот теперь я тебе верю. Ты специально всё это устроила? Конечно. Зачем? Аня пожала плечами. Хотела, чтобы две вещи были рядом: твоя учёба и моя

лучшая подруга. Я сел напротив. А если я скажу, что математика мне понравилась? Тогда я окончательно убедилась, что ты заболел. Мы оба рассмеялись. А из комнаты донёсся знакомый шорох. Муся снова проснулась. Я посмотрел в её сторону. Только не сегодня. Аня подняла бровь. Что «не сегодня»? Ничего. Муся тихо скребла лапками по клетке. Я почему-то был уверен: эта ночь ещё не закончилась. Я сгреб Аню в охапку и потащил на кровать. Включив видео про красную шапочку в исполнении голых актеров. Мы занялись безумным сексом. Но Аня контролировала ситуацию и не позволяла проникнуть в ее анус. Как бы я не ухищрялся. Но это стало частью игры и нам это нравилось. Когда Аня заснула. Я запер дверь и выпустил крысу дав ей порезвиться. Освободив норку. Муся натащила кучку сторублевков и успокоилась. Для нее это было тоже частью игры.

Глава 28

Утром я, как обычно, сходил в институт. Отсидел лекции, прошёл практические занятия и сразу после этого отправился в политехнический. Там меня уже ждали. Круженов, сегодня получится? Если вы больше ничего не меняли после моего ухода получится. Инженеры засмеялись. Я подключил оборудование и занялся настройкой сетевого соединения. Работа оказалась кропотливой: приходилось проверять каждый участок, искать ошибки в настройках и добиваться нормального обмена данными между машинами. Пока система загружалась и инженеры следили за индикаторами, я достал свой «Электроника МК-62». Когда-то такой калькулятор был для меня привычной вещью, а теперь выглядел почти как артефакт из будущего. Я начал программировать его на решение простейших задач. Ты даже здесь работаешь? удивился один из инженеров. Привычка. А зачем тебе вообще программируемый калькулятор? Хочу иметь под рукой собственный маленький вычислительный инструмент. Но на самом деле у меня была другая мысль. Я начал систематизировать свои пароли, доступы и служебные записи. Никаких записей на случайных листках всё должно быть организовано и защищено. Я уже понял: если я собираюсь заниматься вычислительной техникой всерьёз, то должен научиться отвечать не только за исправность машин, но и за безопасность собственной работы. С этого дня я всё больше превращался из обычного техника в человека, который отвечал за целую систему. Сетевое соединение наконец заработало. На экранах появились первые данные. Есть! радостно выкрикнул инженер. Я откинулся на стуле. Теперь проверяем нагрузку. Мы начали тестирование. Машины обменивались данными без прежних сбоев. Начальник вычислительного центра подошёл ко мне. Круженов, похоже, нам действительно нужен свой системный администратор. Я усмехнулся. Тогда оформляйте должность. Он посмотрел на меня с удивлением. Ты уже и должность себе придумал? Нет. Просто вижу, куда всё идёт. Семёныч, стоявший рядом, рассмеялся: Северный олень уже не студент. Он постепенно превращается в начальника. Я посмотрел на работающую аппаратуру. Внутри появилось странное чувство. Я словно снова возвращался в знакомый мир мир техники, вычислений и программ. Только теперь у меня было преимущество, которого не было у остальных. Я знал, каким этот мир станет через несколько десятилетий. И намеревался использовать эти знания осторожно. Слишком осторожно, чтобы кто-нибудь понял, насколько далеко вперёд я смотрю. Пока оборудование загружалось я гулял по корпусу и вдруг услышал знакомые звуки. Когда подошел к двери я понял это каратэ. Дёрнув за ручку я открыл дверь. Передо мной стояло двадцать испуганных зрачков. Я свой произнес я входя. Вспомнив что занятие рукопашным боем было запрещено в СССР я произнес я тут работаю я свой и тоже хочу научиться махать руками и ногами. Ко мне подошел тренер это не о чем вы подумали произнес он пытаюсь вытеснить меня из зала. Но я уперся и посмотрел ему в глаза. Или на учите меня или убейте прямо на этом место произнес я. Я понимал что грядут перемены и устоять перед быдлом одними мыслями невозможно. Мне нужны были хотя бы начальные навыки самообороны. Да это наш программист услышал я из за спины тренера. Что его заставило отступить я не знаю. Но меня приняли в группу. После тренировки и закончив работу я вернулся домой. Вечер начался совершенно

невинно. Валентина пришла к Ане с тетрадами, и мы действительно провели положенный час за математикой. Ещё раз, терпеливо повторяла Валентина. Интеграл не кусается. Пока что он кусается только за мои оценки. Аня, сидевшая неподалёку, засмеялась. После занятия тетради закрыли, и напряжение последних дней постепенно исчезло. Включили музыку. Потом я достал коньяк. Только немного, предупредила Валентина. Конечно. Первый тост был за здоровье Аниной мамы. Второй за нашу фирму. А потом мы перестали считать. Музыка становилась громче, разговоры веселее, а танцы всё безудержнее. Мы смеялись над совершенно глупыми вещами и наконец позволили себе забыть обо всех проблемах. Сколько прошло времени, я уже не помнил. А утром первым, что я почувствовал, было солнце, пробившееся сквозь занавески. Я открыл глаза. Рядом спали Аня и Валентина. Я сразу всё вспомнил. Последние часы вечера, музыку, разговоры, коньяк... Я решил не двигаться. Через несколько минут Аня пошевелилась, открыла глаза и замерла. Она медленно подняла голову. Посмотрела на Валентину. Потом на меня. Ой... Валентина тоже проснулась. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Затем она резко села. Мы... все здесь? Аня закрыла лицо руками. Господи... Я продолжал лежать с закрытыми глазами, стараясь не вмешиваться. Но долго это продолжаться не могло. Аня вскочила первой. Я на кухню! Валентина почти одновременно поднялась. А я... мне надо домой! Через несколько секунд обе уже исчезли в разных комнатах. Я открыл глаза и тихо рассмеялся. Похоже, вчерашняя дружеская вечеринка закончилась самым неловким утром в моей жизни. И теперь предстояло выяснить главное: что именно каждая из них помнила о прошедшей ночи. Утро после вчерашнего вечера оказалось на редкость тихим. Я всё-таки поднялся с кровати и прошёл на кухню. Аня уже сидела за столом с чашкой кофе. Валентина стояла у окна и смотрела во двор. Обе выглядели так, будто пытались восстановить в памяти последние несколько часов. Ну что, осторожно сказал я, все живы? Аня посмотрела на меня. Физически да. Валентина неожиданно рассмеялась. А вот морально я ещё не уверена. Напряжение немного спало. Давайте без паники, сказал я. Вчера мы просто перебрали. Аня покачала головой. «Просто перебрали» это очень мягкая формулировка. Согласен. Валентина взяла сумочку. Мне пора. Аня встала. Валя... Та остановилась. Не надо ничего объяснять, тихо сказала Аня. Я сама всё понимаю. Валентина внимательно посмотрела на подругу. И что ты понимаешь? Аня улыбнулась. Что нам всем вчера было хорошо. А сегодня лучше не делать поспешных выводов. Я молча слушал их разговор. Валентина кивнула. Согласна. Она уже взялась за ручку двери, но обернулась ко мне. Егор, вечером всё-таки будет занятие. Я удивился. После этого? Особенно после этого. Аня фыркнула. Вот это я понимаю дисциплина. Валентина впервые за утро улыбнулась. Математика сама себя не выучит. Дверь закрылась. Я повернулся к Ане. И что теперь? Она поставила передо мной чашку кофе. Теперь ты идёшь на занятия. А вечером? А вечером будешь учить математику. Ты серьёзно? Абсолютно. Я вздохнул. В клетке зашуршала Муся. Аня посмотрела туда. И твоя крыса тоже пусть сегодня без приключений. Я посмотрел на Мусю. Слышала? Крыса невозмутимо умылась. Я усмехнулся. Похоже, после вчерашнего вечера у каждого из нас появились свои мысли, о которых пока никто не собирался говорить вслух. А впереди был новый день, и почему-то я чувствовал: сегодняшнее занятие математики окажется намного сложнее вчерашнего. День прошёл на удивление буднично, словно вчерашнего вечера вообще не существовало. Утром я отправился в институт. На лекциях старательно делал записи, хотя мысли то и дело возвращались к утреннему разговору. Однокурсники ничего не заметили, и это меня даже радовало. После занятий я заглянул в лабораторию. Семёныч уже возился с новым стендом. Круженов, выручай. Что опять? Реле чудит. Я быстро разобрался с неисправностью, после чего мы обсудили дела фирмы. Потом мне позвонили из политехнического: сетевое соединение работало, но требовалось ещё проверить несколько программ. Я провёл там несколько часов и только к вечеру вернулся домой. Аня уже накрывала на стол. Сегодня никаких приключений, предупредила она. Я сама невинность. Вот именно это меня и пугает. Я рассмеялся. Около семи часов раздался звонок в дверь. На пороге

стояла Валентина Сергеевна с сумкой и тетрадами. Можно? Конечно, ответила Аня. Валентина вошла, сняла пальто и посмотрела на меня. Ну что, студент? Надеюсь, сегодня ты действительно готов заниматься. Я даже домашнее задание сделал. Неужели? Не веришь? После вчерашнего вечера я вообще ничему не удивляюсь. Аня засмеялась. Идите в комнату. Я пока чай приготовлю. Мы с Валентиной сели за стол. Она открыла тетрадь и стала проверять мои решения. Вот здесь правильно. А здесь? Здесь ты опять торопишься. Но ответ правильный. Правильный ответ ещё не означает правильное решение. Вот за это я и не люблю математику. Она улыбнулась. А зря. Ты способен её понять. Час пролетел незаметно. Потом Аня принесла чай, и мы втроём сели за стол. Разговор постепенно перешёл от учёбы к работе, фирме и моим поездкам в политехнический. Знаешь, сказала Валентина, я иногда думаю, что ты вообще не студент. Почему? Студенты обычно переживают из-за зачётов. А ты переживаешь из-за договоров, компьютеров и доли в фирме. Аня рассмеялась. Я ему тоже это говорю. Я пожал плечами. Просто у каждого свои проблемы. Наступила небольшая пауза. Валентина посмотрела на Аню. Аня посмотрела на Валентину. Я понял, что обе вспомнили вчерашнее утро. Валя всё ещё сидела у Ани, когда я предложил им попробовать мой новый коктейль. Коктейль? заинтересовалась Аня. Капиталистическое чудо, торжественно объявил я. Только не спрашивайте, что там внутри. Уже подозрительно, сказала Валя. Мы попробовали. Сначала женщины отнеслись к напитку настороженно, но вскоре обе признали, что получилось вкусно. Потом был ещё один бокал, затем разговоры стали громче, шутки смешнее, а мы опять потеряли чувство времени. А потом я включил порно. Алкоголь в смеси с обнаженными телами на экране сорвало им крышу. Я раздел обеих женщин и положив их беспомощные тела. Стал по очереди пользоваться. Ни Аня ни Валя не понимали происходящего, потому что были пьяны. Утром всё повторилось. Мы проснулись втроём и на этот раз никто не вскочил с постели в ужасе. Мы были без одежды. Аня первой посмотрела на Валю. Валя посмотрела на меня. Несколько секунд стояла тишина. Кажется, нам пора наконец поговорить, тихо сказала Аня. Я сел на кровати. О чём? О нас. Валя вздохнула. Я тоже давно хотела это сказать. Аня взяла её за руку. Я люблю тебя как подругу. И не хочу тебя потерять. Валя сжала её пальцы. Я тоже. Потом обе посмотрели на меня. Аня улыбнулась. А проблема в том, что мы обе любим ещё и его. Я не нашёлся что ответить. Вы уверены? Нет, честно сказала Валя. Но я знаю одно: я не хочу, чтобы из-за этого мы стали врагами. Аня кивнула. И я. Мы долго разговаривали. Без криков, без ревности и без попыток что-либо скрыть. В конце концов Аня сказала: Тогда почему бы нам не попробовать быть вместе? Не так, чтобы одна из нас постоянно боялась потерять другую. А честно. Валя задумалась. Ты предлагаешь нам троим быть семьёй? Именно. Я посмотрел на обеих. А вы действительно этого хотите? Аня ответила первой: Да. Валя после короткой паузы тоже кивнула. Да. Но только если мы будем честны друг с другом. Я протянул руки. Обе женщины взяли меня за руки. И в тот момент стало понятно: это решение было не случайной прихотью после выпивки. Они выбирали не только меня. Они выбирали сохранить свою дружбу, добавив к ней нечто совершенно новое. Значит, договорились? спросил я. Аня улыбнулась. Договорились. Валя рассмеялась: Только есть одно условие. Какое? Никаких больше твоих «капиталистических коктейлей». Аня рассмеялась. Поддерживаю! Я поднял руки. Всё, сдаюсь. И впервые за долгое время я почувствовал, что у нас действительно появляется что-то похожее на семью странную, необычную, совершенно не похожую на привычные семьи, но зато построенную на честном разговоре и взаимном согласии.

Глава 29

Это было утро субботы. Я предложил посмотреть фильм, который заранее приготовил. Сюжет был необычный история о людях, которые сумели построить отношения втроём и при этом не разрушили свою дружбу. Интересно, сказала Валя, устраиваясь поудобнее. Посмотрим, что там за хеппи-энд, усмехнулась Аня. Я поставил фильм и достал из холодильника три бутылки пива. Договорились же: никакого коньяка и коктейлей, напомнила Аня. Пиво это

не коньяк. Валя рассмеялась: Очень убедительная логика. Сначала мы действительно просто смотрели фильм. Потом каждая открыла по бутылке. История на экране постепенно захватила нас. Герои спорили, мирились, ревновали, но в конце пришли к простому выводу: отношения держатся не на правилах, а на доверии. Мы переглянулись. Забавно, тихо сказала Валя. Что? спросила Аня. Как будто про нас. Аня ничего не ответила. Мы допили первую бутылку и открыли вторую. К концу фильма настроение окончательно изменилось. Мы уже почти не обсуждали происходящее на экране разговаривали о себе. А ведь мы действительно могли всё испортить, сказала Аня. Могли, согласилась Валя. Но почему-то не испортили. Я посмотрел на них обеих. Потому что вы сначала были подругами. Валя улыбнулась. И останемся ими. Аня протянула ей руку. Обещаешь? Обещаю. Они пожали друг другу руки, а потом рассмеялись. Алкоголь сделал нас смелее, но главное произошло совсем не из-за него. Мы уже знали, чего хотим. Мы хотели быть рядом. Не прятаться, не заставлять друг друга выбирать и не превращать любовь в соревнование. В тот день наша странная маленькая семья сделала ещё один шаг навстречу друг другу. А фильм закончился. На экране появились последние титры. Я поставил порно. Аня посмотрела на нас и сказала: Ну что, кажется, у нашего фильма действительно счастливый конец. Валя улыбнулась. Нет. Это только начало. Когда начался фильм наши взоры приковались к экрану. Возбуждение нарастало и я стал раздевать их. Смущаясь и чувствуя неловкость мы стали обнимать друг друга. Я не входил не в одну не в другую предлагая им ласкать друг друга. И когда они поцеловали друг друга в первый раз все барьеры были разрушены. Я положил их на животы. Позволяя целоваться. а сам оседлал сначала Аню. И дал ей достигнуть оргазма. Потом довел до оргазма Валентину. А потом я сбился с очередности и просто ставил их в произвольные позы и наслаждался процессом. К обеду они вырубались от усталости. Я выгулял Мусю и получив свою пачку сотенных купюр тоже лег спать. У гены я выпросил путевку в санаторий за городом. К вечеру мы добрались до санатория. Дорога заняла несколько часов, и когда мы вышли из машины, нас встретил совсем другой мир. Осенний лес стоял почти неподвижно. Деревья уже сбросили большую часть листвы, под ногами шуршал золотистый ковёр, а между стволами висел лёгкий вечерний туман. Красиво, тихо сказала Валя. Аня глубоко вдохнула прохладный воздух. Как будто город остался где-то очень далеко. Я посмотрел на них обеих. На сутки он действительно может подождать. Гена всё организовал заранее. Нас встретили на ресепшене, выдали ключ и показали небольшой деревянный домик, стоявший почти на самом краю леса. Внутри было тепло и уютно: несколько комнат, большая гостиная, чайник, холодильник и широкие окна, за которыми темнел лес. Ну что, сказала Аня, бросая сумку на кресло, наша семейная поездка начинается. Валя рассмеялась. Только без экспериментов с алкоголем. Поддерживаю, сказал я. Мы переоделись и вышли прогуляться. Тропинка уходила между деревьями. Сухие листья шуршали под ногами, где-то далеко стучал дятел, а холодный ветер гонял по дорожке последние листья. В какой-то момент мы остановились у небольшого пруда. Солнце уже почти скрылось за лесом. Аня взяла Валу под руку. Знаешь, я никогда не думала, что мы когда-нибудь окажемся здесь втроём. Я тоже, ответила Валя. Я улыбнулся. А я вообще не планировал половину того, что со мной произошло. Зато теперь планируй хотя бы ужин, сказала Аня. Мы дружно рассмеялись. Вернувшись в корпус, приготовили простой ужин, поставили чай и устроились у окна. За стеклом быстро темнел осенний лес. В городе нас ждали институт, работа, договоры, компьютеры и бесконечные проблемы. А здесь впервые за долгое время ничего не требовало нашего внимания. Была только тишина, тёплая комната и три человека, которые наконец перестали бояться того, что будет завтра. Ночь в санатории наступила быстро. За окнами окончательно стемнело, и только редкие фонари освещали дорожки между корпусами. После ужина мы устроились в гостиной. Аня заварила чай, Валя достала из сумки небольшую колоду карт. Давайте хоть сегодня без твоих экспериментов, сказала она мне. Согласен. Мы начали играть. Сначала спокойно, потом стали спорить из-за каждого хода, смеяться и обвинять друг друга в жульничестве. Ты специально

так делаешь! возмутилась Аня. Я играю честно. Конечно. Как же. Валя рассмеялась: Девочки, успокойтесь. Он просто не умеет проигрывать. Вот! Аня ткнула пальцем в Валу. Хотя кто-то меня понимает. Через некоторое время карты надоели, и мы вышли на веранду. Воздух был холодным. Над лесом висело огромное осеннее небо, а между деревьями мерцали редкие огни. Валя вдруг сказала: А ведь завтра мы вернёмся в город, и всё снова станет как прежде. Не совсем, ответил я. Почему? Потому что теперь у нас есть место, где можно остановиться и просто побыть вместе. Аня улыбнулась. А мне нравится эта мысль. Мы ещё долго разговаривали. О работе, об институте, о том, как неожиданно изменилась моя жизнь, и о будущем. Валя призналась, что впервые за долгое время перестала бояться перемен. Аня сказала, что главное для неё сохранить дружбу. Я слушал их и понимал: именно этот разговор был важнее всего остального. Позже мы вернулись в комнату. Каждый занял своё место, и свет постепенно погас. За стенами шуршал ветер. А в комнате снова послышался смех. Потому что мы собрались в одной кровати. И устроили тройничок. А в полдень нас ждал обратный путь в город и новая неделя, в которой снова начнутся лекции, работа фирмы и бесконечные приключения. Утро в санатории началось с запаха кофе. Я проснулся раньше остальных, тихо прошёл на кухню и поставил чайник. За окном лес был совсем другим, чем вечером: солнечные лучи пробивались сквозь голые ветви, а на траве блестела роса. Через несколько минут появилась Аня. Уже проснулся? Я вообще-то кофе готовлю. Значит, день начинается правильно. Следом пришла Валя, кутаясь в халат. Как же здесь тихо... Мы позавтракали, собрали вещи и решили перед отъездом ещё раз прогуляться. Тропинка привела нас к небольшому деревянному мосту через ручей. Давайте сфотографируемся, предложила Аня. Я достал видеокамеру, которую недавно купил, и установил её на штатив. А теперь все сюда. Мы встали рядом. Улыбнитесь! Щёлкнул затвор. Всё? Теперь у нас есть доказательство, что эта поездка действительно была. Валя посмотрела на объектив. Когда-нибудь будем пересматривать и удивляться, как всё это началось. А я уже сейчас удивляюсь, признался я. Мы вернулись в санаторий, забрали вещи и сдали ключ. По дороге домой женщины обсуждали планы на ближайшую неделю. У тебя занятия с Валею, напомнила Аня. Я помню. И работа в фирме. Помню. И институт. Это я тоже не забыл. Валя рассмеялась: А спать ты когда собираешься? В расписании пока не предусмотрено. Тогда я сама тебе поставлю пару по сну, сказала она. Только без интегралов. Машина свернула на трассу. Осенний лес остался позади. А впереди уже виднелись первые здания города. Я посмотрел на Аню и Валу и подумал, что эта поездка изменила нас сильнее, чем мы предполагали. Теперь это была уже не случайная история. У нас появились общие воспоминания, общие планы и самое главное понимание, что назад возвращаться никто не хочет.

Глава 30

Вечером Валентина уехала к себе, и только тогда я окончательно понял одну простую вещь: жить втроём в двух разных квартирах долго не получится. Утром я отправился прямо к ректору. Геннадий Иванович поднял глаза от бумаг. Опять ты, Круженов? Есть вопрос. Если опять про фирму, то садись. Не про фирму. Мне нужно жильё. Он отложил ручку. Какое ещё жильё? Трёхкомнатная квартира в кооперативном доме от института. Ректор несколько секунд молча смотрел на меня. Ты, я вижу, совсем освоился. Работаю на институт, учусь в институте, фирму развиваем. А жить мне где-то надо. А нынешняя квартира? Она не моя. Снимаешь? Временно живу у знакомой. Ректор задумался. Трёхкомнатную, говоришь? Да. Для одного студента? Я выдержал паузу. Не совсем для одного. Ректор прищурился. Так-так... Мне нужно нормальное жильё, чтобы можно было спокойно жить и работать. Кроме того, часть времени я провожу в институте. Думаю, институту выгоднее иметь сотрудника, который не бегаёт по съёмным квартирам. Он усмехнулся. Хорошо ты научился разговаривать. Учусь. Это я уже заметил. Ректор встал и подошёл к шкафу с папками. Есть один вариант. Кооперативный дом, который строится рядом с институтом. Но квартира трёхкомнатная. Распределение ещё не утверждено. Я готов участвовать в кооперативе. Он посмотрел на меня поверх очков. А

деньги? Я улыбнулся. С деньгами разберусь. Конечно, разберёшься... Он вернулся к столу и достал лист. Напиши заявление. И учти: просто потому, что ты умеешь чинить компьютеры, квартиру тебе никто не подарит. Я и не прошу подарить. Прошу оформить на условиях кооператива. Ректор кивнул. Вот это уже другой разговор. Я взял ручку. Когда будет решение? Если не будешь каждый день ходить ко мне с новыми требованиями, через неделю. Договорились. Я вышел из кабинета с ощущением, что сделал ещё один шаг к нормальной жизни. Теперь оставалось самое интересное сообщить об этом Ане и Вале. Вечером я первым делом заехал к Ане. Она открыла дверь и сразу заметила моё настроение. Что случилось? Ты какой-то довольный. Кажется, у нас скоро будет новое жильё. В смысле? Я прошёл на кухню, положил на стол папку и рассказал о разговоре с ректором. Аня несколько секунд молчала. Трёхкомнатная? Да. От института? Кооперативная. Я вступаю в кооператив и буду выплачивать свою часть. Она медленно улыбнулась. Значит, ты действительно решил всё серьёзно. А разве мы не договорились? Аня подошла и обняла меня. Я просто не думала, что всё произойдёт так быстро. В этот момент зазвонил телефон. Это была Валентина. Егор, ты где? У Ани. Понятно. А я как раз хотела спросить, не забыл ли ты про завтрашнее занятие. Аня услышала разговор и рассмеялась. Валь, приезжай. У нас новости. Через некоторое время Валентина приехала. Я рассказал ей о квартире. Она сначала решила, что я шучу. Трёхкомнатную? Именно. И ты собираешься жить там... с нами? Я кивнул. Валя села на стул и задумалась. Знаешь, я никогда не думала, что соглашусь на что-то подобное. Аня положила руку ей на плечо. А сейчас? Валя посмотрела на неё. Сейчас я думаю, что если уж мы решили попробовать жить вместе, то лучше иметь место, которое будет действительно нашим. Я улыбнулся. Вот и договорились. Мы начали обсуждать будущую квартиру. Аня сразу решила, что одна комната будет общей гостиной. Валя хотела отдельный кабинет, где можно было бы заниматься со студентами и проверять работы. Я заявил права на комнату, где собирался разместить аппаратуру, инструменты и компьютеры. Никаких компьютеров в спальне, строго сказала Аня. Почему? Потому что я тебя знаю. Валя засмеялась. Поддерживаю. Я поднял руки. Ладно. Компьютерная будет отдельной. Вечер неожиданно превратился в настоящий семейный совет. Мы рисовали на листе план квартиры, спорили о мебели, расположении телевизора и даже о том, где поставить клетку Муси. Только не на кухне, заявила Валя. Почему? Потому что я хочу спокойно пить чай. Аня рассмеялась. А я предлагаю вообще не брать её в новую квартиру. Я посмотрел на обеих. Даже не мечтайте. Муся, словно услышав разговор, зашуршала в клетке. Мы переглянулись и дружно рассмеялись. Впервые разговор о будущем доме казался не мечтой. У него уже был адрес, стены и даже будущие жильцы. Оставалось только дождаться решения кооператива. Через неделю меня снова вызвали к ректору. Круженов, зайди. Я вошёл в кабинет. Геннадий Иванович сидел за столом и перебирал бумаги. Есть новости. Хорошие? Для тебя скорее да. Он протянул мне лист. Квартира предварительно закреплена за тобой. Но есть условие: вступительный взнос и оформление через кооператив. Я пробежал глазами документ. Когда можно посмотреть? Сегодня после обеда. Я убрал бумаги в папку. Спасибо. Ректор усмехнулся. Не благодари раньше времени. Дом ещё строится. После работы я позвонил Ане. Собирайся. Куда? Смотреть нашу будущую квартиру. Через час к нам присоединилась Валентина. Мы приехали к новому дому. Он ещё пах свежим бетоном и штукатуркой. Рабочие заканчивали внутреннюю отделку, а во дворе лежали строительные материалы. Нас встретил представитель кооператива и показал подъезд. Мы поднялись на нужный этаж. Дверь открылась. Перед нами была пока ещё пустая трёхкомнатная квартира. Аня вошла первой. Здесь будет гостиная. Валя прошла в следующую комнату. А здесь кабинет. Я заглянул в третью. А вот здесь поставлю стол и оборудование. Аня тут же появилась в дверях. Оборудование будет в своей комнате. Я именно это и сказал. Она улыбнулась. Мы ходили из комнаты в комнату, мысленно расставляя мебель. На кухне Аня остановилась и задумалась. А здесь будет большой стол. Зачем такой большой? спросил я. Она посмотрела сначала на меня, потом на Валью.

Потому что теперь нас трое. Валя улыбнулась. И это, пожалуй, самое главное. Я посмотрел на пустую квартиру. Ещё недавно здесь были голые стены, строительная пыль и запах свежей штукатурки. А теперь я уже видел здесь совсем другую жизнь. Утром кофе и спешку в институт. Вечером разговоры, книги, работа. И главное троих людей, которые добровольно решили попробовать построить необычную, но честную семью. Когда мы вышли из дома, уже темнело. Аня взяла меня под руку, Валентина пошла рядом. Ну что, хозяин? спросила Валя. Пока ещё нет. Будешь. Я посмотрел на дом. Да. Буду. И впервые эта мысль не пугала меня. Наоборот она казалась совершенно естественной. После выписки мамы Вали мы решили не оставлять её одну. Я договорился с домоуправлением насчёт свободной квартиры, принадлежавшей соседу Ани, и вскоре перевёз туда её вещи. Валя всё время была рядом с матерью, помогая ей освоиться после больницы. Квартира оказалась небольшой, но светлой и тёплой. Для пожилой женщины после больницы это было гораздо лучше, чем возвращаться в прежние условия. Здесь ей будет спокойнее, сказала Валя, оглядывая комнату. И тебе будет ближе, добавила Аня. Я занялся бумажными вопросами. Пришлось побегать по домоуправлению, собрать необходимые документы, поговорить с ответственными людьми. В конце концов вопрос решили: маму Вали официально зарегистрировали в квартире, а Валя тоже оформила прописку. Когда всё закончилось, Валя долго смотрела на документы. Неужели всё получилось? Получилось. Она подняла глаза. Егор, ты понимаешь, сколько для меня это значит? Понимаю. Аня подошла к ней и обняла. Теперь ты можешь спокойно заниматься мамой. А остальное мы решим. Валя улыбнулась. В тот вечер мы сидели втроём на кухне у её мамы, пили чай и обсуждали дальнейшие планы. У каждой из нас теперь было своё жильё, а главное появилась уверенность, что никто не останется один. А я впервые подумал, что наша странная история постепенно превращается не просто в отношения между тремя людьми, а в целую маленькую семью, где у каждого есть свои обязанности, свой угол и люди, на которых можно положиться. Прошло несколько дней, и жизнь постепенно вошла в новый ритм. Мама Вали восстанавливалась. Ей уже было заметно лучше: она самостоятельно вставала, могла приготовить себе чай и даже начала понемногу интересоваться тем, чем мы занимаемся. Однажды вечером она посмотрела на меня поверх очков. Так это ты тот самый Егор, который мне аппарат в больнице починил? Я. А Валя о тебе столько рассказывала, что я уже думала, что ты какой-то профессор. Аня прыснула со смеху. Профессор у нас пока только будущий. Я покачал головой. До профессора мне ещё далеко. А вот это правильно, сказала мама Вали. Молодым полезно знать, что всему своё время. Валя поставила на стол чай. Mam, не начинай воспитывать его. А почему нет? Он теперь почти член семьи. После этих слов за столом на секунду стало тихо. Я посмотрел на Валью. Она немного смутилась, но улыбнулась. Аня первой разрядила обстановку: Вот видишь, Егор. Тебя уже официально приняли. Мы засмеялись. Позже, когда мы вышли на лестничную площадку, Валя тихо сказала: Спасибо тебе. За что? За то, что помог маме. За квартиру. За всё. Не надо каждый раз благодарить. Она покачала головой. Для тебя, может быть, это просто дела. А для меня вся моя жизнь. Аня подошла к нам и взяла Валью под руку. Пойдёмте. Нам ещё нужно решить, как будем обставлять новую квартиру. Уже? Конечно. Мы спустились вниз. По дороге обсуждали мебель, холодильник, телевизор и даже занавески. И вдруг я понял, что наша жизнь изменилась окончательно. У Вали появилась возможность спокойно заниматься матерью и преподаванием. У Ани был свой дом и работа. У меня институт, фирма и будущая квартира. А между нами существовало нечто, что становилось всё прочнее с каждым днём. Пусть со стороны наша жизнь могла показаться странной. Но внутри этой маленькой компании постепенно появлялись свои правила, свои традиции и главное доверие. И именно оно, как я начинал понимать, было гораздо ценнее любых денег, которые Муся могла принести из своей таинственной норы. Но Крыса продолжала удивлять меня своей стабильностью. Почти каждый раз, когда я выпускал Мусю, она исчезала в своей норе, а спустя некоторое время возвращалась с очередной пачкой купюр. Я уже перестал считать их поштучно. Но одна мысль меня всё-

таки беспокоила: а что будет, когда этот источник иссякнет? Ответа я не знал. Поэтому решил не строить свою жизнь только на загадочных деньгах Муси. Фирма, которую мы организовали при институте, постепенно набирала обороты. Заказы стали приходить регулярно, а чистый доход уже составлял около трёх тысяч рублей в месяц. Для меня это была серьёзная сумма. Семёныч однажды посмотрел отчёт и присвистнул: Круженов, мы ещё недавно сами бегали за каждым заказом, а теперь деньги сами идут. Потому что мы научились решать проблемы быстрее остальных. А дальше что? Я задумался. Инвестиции. Куда? Я улыбнулся. В недвижимость. Именно тут мне пригодились воспоминания из прошлой жизни. Я слишком хорошо помнил, как менялась стоимость московской земли и домов. То, что сейчас казалось дорогим, через годы могло оказаться настоящим состоянием. Поэтому я решил не покупать очередную машину и не тратить деньги на роскошь. Мне нужен был **дом в Москве**. Не квартира. Именно дом с участком. Я достал старую карту города и начал вспоминать районы, которые в будущем станут особенно дорогими. Аня, увидев меня за картой, спросила: Что ты опять задумал? Покупку. Какую? Дом в Москве. Она посмотрела на меня так, будто я объявил, что собираюсь купить половину столицы. Егор, у нас квартира ещё не обставлена. Обставим. А ты уже дом покупаешь. Это инвестиция. Через несколько минут приехала Валя. Я рассказал ей о своей идее. Она задумалась. Ты действительно уверен, что недвижимость там будет расти? Абсолютно. Откуда такая уверенность? Я на секунду замолчал. Просто чувствую. Сказать правду я не мог. Я помнил будущее. И теперь хотел воспользоваться этим знанием не для того, чтобы снова стать богатым любой ценой, а чтобы создать для нас запас прочности. Мы договорились начать поиски. На следующий день я собирался ехать в Москву и смотреть первые варианты. И впервые за долгое время я почувствовал, что строю не просто сегодняшнюю жизнь. Я строил фундамент на десятилетия вперёд.

Глава 31

Я сразу понял, что поспешил с поисками. Нет, такой вариант мне не подходит, сказал я риелтору. Мне нужен дом с участком, который можно получить через институт. Через институт? Да. Не как личную покупку. Горсовет выделяет объект институту для нужд учреждения, а институт уже решает вопрос с использованием жилья. Я вернулся в институт и сразу отправился к Геннадию Ивановичу. Опять ты, Круженов? У меня предложение. Ректор отложил бумаги. Слушаю. Нам нужен московский дом с участком. Не квартира. Желательно в старой застройке и недалеко от центра. Зачем институту частный дом? Его можно использовать как служебное жильё, представительский объект и одновременно как площадку для работы нашей фирмы. В конце концов, мы уже занимаемся ремонтом вычислительной техники и обслуживанием оборудования. Нам всё равно понадобится офис. Ректор несколько секунд смотрел на меня. А ты уже всё придумал? Почти. И где деньги? Если горсовет передаст объект институту, первоначальные расходы будут значительно меньше. А ремонт и оборудование мы возьмём на себя. Геннадий Иванович задумался. Теоретически возможно. Но нужен подходящий объект и нормальное обоснование. Я как раз этим и займусь. Через несколько дней мы получили список нескольких домов, которые находились на балансе городских организаций и могли быть переданы институту. Я начал ездить по адресам. Первый оказался слишком маленьким. Второй стоял почти у самой дороги. Третий имел хороший участок, но дом требовал практически полной перестройки. А вот четвёртый заставил меня остановиться. За высоким каменным забором стоял старый двухэтажный кирпичный дом. Большой участок, сад, хозяйственные постройки. Сам дом был не новый, но выглядел крепким. Я медленно прошёл по двору. Вот этот, сказал я. Представитель института посмотрел на меня. Нравится? Очень. Но здесь придётся многое отремонтировать. Я улыбнулся. Это как раз не проблема. У нас есть фирма, техника и специалисты. Я уже представлял, как можно восстановить дом, провести электричество, сделать нормальное отопление, оборудовать кабинет, небольшую мастерскую и комнаты для сотрудников. Вечером я показал адрес Геннадию Ивановичу. Он внимательно изучил бумаги. Если горсовет

согласится передать его институту, вариант действительно интересный. Значит, будем оформлять заявку? Ректор усмехнулся. Я положил ему на стол три тысячи рублей. Будем сказал он убирая деньги. Я вышел из кабинета с совершенно другим настроением. Теперь это был уже не мой личный каприз. Мы начинали большую игру с недвижимостью официально, через институт и город. А если всё получится, у института появится собственный московский объект, наша фирма получит базу для работы, а у нас появится место, которое со временем может стать настоящим семейным домом. Дом действительно оказался удачным вариантом. Двухэтажный кирпичный дом, большой участок, тихий московский переулок. Никакой исторической ценности за ним не числилось, поэтому с точки зрения оформления препятствий было значительно меньше. Вот этот, сказал я ректору, показывая фотографии. Его надо брать. Геннадий Иванович внимательно посмотрел документы. Дом на балансе города. Если убедим горсовет, что объект необходим институту, шансы хорошие. А дальше? Дальше будем оформлять передачу на баланс института. Я кивнул. Тогда действуйте. Ректор усмехнулся. Ты мне ещё будешь указывать, что делать? Просто напоминаю о нашей договорённости. Помню я о договорённости, Круженов. Он помолчал и добавил: Но кое-что и от тебя потребуется. Что именно? В горсовете сейчас полный бардак с вычислительной техникой. Машины постоянно выходят из строя, документы теряются, сеть работает через раз. Если ты действительно разбираешься в этом так, как о тебе говорят, помоги им наладить хозяйство. Я сразу понял намёк. То есть вы решите вопрос с домом, а я помогу горсовету? Я ничего не обещал, строго произнёс ректор. Я сказал, что подсуеюсь. А ты просто покажешь, чего стоишь. Договорились. На следующий день я собрал инструмент, японский тестер, записную книжку и отправился вместе с Сеней в горсовет. У входа я ещё раз посмотрел на него. Ну что, Егор, усмехнулся Сеня, готов спасать московскую вычислительную технику? Посмотрим, что они там умудрились сломать. Мы вошли внутрь. Я ещё не знал, что именно эта поездка станет началом совершенно нового этапа работы нашей фирмы. В вычислительном отделе горсовета нас встретили без особого энтузиазма. Несколько сотрудников сидели за столами, а вдоль стены стояли компьютеры, терминалы и какая-то старая периферия. Это и есть тот самый техник из института? спросил начальник отдела, разглядывая меня. Техник, подтвердил Сеня. Но лучше сначала дать ему посмотреть аппаратуру. Я подошёл к ближайшему столу. Что не работает? Да всё понемногу, устало ответил инженер. Один терминал не загружается, на другом постоянно пропадают данные, а связь между машинами то появляется, то исчезает. Я попросил принести схемы и журналы неисправностей. Пока сотрудники искали бумаги, я осмотрел оборудование. А кто вам сеть собирал? Разные люди. Теперь понятно. Сеня тихо хмыкнул. Я начал проверку с питания и соединений, затем перешёл к терминалам. Оказалось, что часть проблем была не в самих компьютерах, а в кабелях, разъёмах и неправильно настроенных соединениях. Вот это заменяем. А это? Пока не трогайте. Через пару часов один терминал заработал. Сотрудники сразу оживились. Уже? Это была самая простая неисправность. Начальник отдела посмотрел на меня уже совершенно иначе. А остальные? Остальные займут больше времени. К вечеру я составил список оборудования и необходимых деталей. Вам не просто ремонт нужен, сказал я. Вам систему обслуживания нужно организовать. Иначе через месяц всё опять начнёт сыпаться. Начальник отдела вздохнул. А ты можешь этим заняться? Я посмотрел на Сеню. Он улыбнулся. Вот теперь начинается самое интересное. Я достал блокнот. Тогда сначала составим перечень техники. Потом разделим неисправности на срочные и плановые. А после этого сделаем нормальный журнал обслуживания. Начальник отдела кивнул. Хорошо. Мы задержались до вечера. Когда я наконец вышел из здания, Сеня хлопнул меня по плечу. Что? Кажется, ты только что получил ещё одного большого клиента. Но клиенты это были идейные. Пока я оборудование тестировал, Сеня успел перезнакомиться практически со всеми. А «всеми» оказались люди не простые, коммунисты. Ну а как иначе? Высшая городская власть. Тут же и контора работала. Конец 1987 года всё-таки. Времена уже менялись, люди тоже становились другими, но привычки и долж-

ности никуда не делись. И мне пришлось под них подстраиваться. Причём так, чтобы никого не обидеть, но и слишком интересным человеком для них не стать. Для коммунистов я был идейным комсомольцем. Возраст подходящий, биография вроде правильная, разговор поддерживать могу. Про партию уважительно, про комсомол без лишнего энтузиазма, но так, чтобы выглядело убедительно. А для сотрудников КГБ я старался выглядеть человеком идейно подкованным. Историю знаю, что положено сказать скажу, где промолчать тоже знаю. Главное не умничать и не показывать, что ты слишком много понимаешь. Но тут была одна тонкая грань. Если просили помочь пожалуйста. Если надо было что-то организовать, достать, починить, решить бытовой вопрос я помогал. Но когда разговор начинал сворачиваться в сторону: «А вот ты посмотри, кто чем занимается...», «А ты случайно не знаешь...», «А расскажи, что у них там происходит...» я сразу включал дурака. Не потому, что боялся. Просто я понимал: одно дело помочь человеку, а совсем другое начать искать для него шпионов. На вербовку я тоже не шёл. Ни за какие коврижки. У меня своих дел хватало. Я и так крутился как мог, оборудование запускал, клиентов принимал, деньги считал, за Сеней следил. А тут ещё предлагается чужие тайны собирать. Так что характер у меня, видимо, действительно был замурдёрный и основанный на опыте прожитой жизни. С одними идейный комсомолец. С иными политически подкованный молодой человек. Для начальства исполнительный и полезный. А для себя самого я оставался просто человеком, который очень хорошо понимал одну простую вещь: чем меньше о тебе знают, тем спокойнее тебе живётся. И потому я старался быть ровно таким, каким меня хотели видеть. Но никогда больше. КГБ никак не успокаивалось. Я уже чувствовал, что за мной наблюдают, но особенно переживать по этому поводу не хотел. Дел у меня и без этого хватало. В тот день я был в Горсовете чинил компьютерную технику. Я сидел прямо в одном из кабинетов, разобрал компьютер. Крышка снята, рядом инструменты, платы, провода. Надо сказать, я в такие моменты полностью уходил в работу. Есть неисправность надо найти причину. Я как раз склонился над аппаратом, когда услышал за спиной: Молодой человек, а что вы здесь делаете? Я обернулся. Передо мной стоял генерал. Я встал. Компьютер чиню. Он посмотрел на разобранный компьютер, потом на меня. А вы в этом разбираетесь? Если бы не разбирался, наверное, не стал бы разбирать. Он усмехнулся. Логично. Несколько секунд он наблюдал, как я работаю. А вы кто по специальности? Энергетик. Энергетик? Да. А компьютеры тогда откуда? Ну, электроника от энергетики не так уж далеко ушла. Да и самому интересно. Он ещё раз посмотрел на меня. Где учились? В МЭИ. Вот тут выражение его лица изменилось. В Московском энергетическом? Да. А я тоже МЭИ заканчивал. Я даже отложил отвёртку. Серьёзно? Серьёзно. А какой факультет? ЭПП. А я в ЭСС. Мы рассмеялись. Я начал расспрашивать. Он меня. И вдруг разговор, который начался с разобранный компьютер, совершенно неожиданно превратился в разговор двух учащихся МЭИ. А у вас кто преподаёт? спросил он. Я назвал несколько фамилий. Он кивнул: Некоторых знаю. А вы давно закончили? Давно в 1951 году. Да я тогда ещё и не родился засмеялся я. Тогда мы, получается, из одной школы. Именно. Он посмотрел на разобранный компьютер. И всё-таки интересно. Энергетик, а компьютеры ремонтирует. Да мне вообще техника нравится. Если устройство можно разобрать и понять, почему оно не работает, значит, его можно и починить. Хороший подход. Я снова взялся за работу. А вы, Николай Николаевич, тоже сами когда-то с техникой возились? Он улыбнулся. А как же. Я ведь тоже энергетиком был. Вот тут мы окончательно нашли общий язык. Потому что энергетик энергетика действительно видит издали. Можно сколько угодно носить форму, иметь должность и кабинет, но если человек когда-то сам стоял возле оборудования, сам искал неисправность и понимал, что такое настоящая энергетика, это чувствуется сразу. Мы разговорились уже совершенно свободно. Он спрашивал, чем я сейчас занимаюсь, где работаю, почему оказался в Горсовете. Я отвечал спокойно, без лишних подробностей. Потом он сказал: Давайте компьютер сначала закончите. Конечно. А потом зайдите ко мне. Я посмотрел на него. Хорошо. Он ещё раз взглянул на разобранный компьютер и вышел. А я остался сидеть над

компьютером и думать только об одном: «Вот это поворот». До этого я старался сделать всё, чтобы лишний раз не попадаться на глаза людям из этой системы. А получилось наоборот. Я сам того не желая, познакомился с генералом именно потому, что чинил компьютер. И самое интересное познакомились мы не как генерал и молодой человек, которого проверяют. А как два человека из одной профессии. Только один из них давно ушёл из энергетики в большую систему, а второй ещё продолжал учиться в МЭИ. И, похоже, именно это нас и связало. Я тогда ещё думал, что Николай Николаевич сказал мне просто: «Зайдите как-нибудь», и на этом всё закончится. Но ждать, пока я сам к нему приду, он не стал. Не прошло и часа, как за мной приехала машина. Мне передали, что меня ждут и что я должен проехать с сотрудником. Я, конечно, сразу понял, что речь идёт о генерале Андрееве. Сел в машину и всю дорогу думал: «Ну и куда это меня занесло?» Вроде ничего особенного не произошло. Я всего лишь ремонтировал компьютерную технику в Горсовете, случайно познакомился с генералом, поговорил с ним о МЭИ. А теперь за мной присылают машину. Когда приехали, я оказался уже у здания КГБ. Вот тут мне стало немного не по себе. Одно дело встретить человека в коридорах Горсовета и поговорить с ним как с бывшим энергетиком. И совсем другое приехать по его приглашению в само здание КГБ. На входе у меня забрали документы, начали оформлять пропуск. Я стоял и ждал, пока всё проверят. Сотрудник за стойкой что-то заполнял, потом взял мой документ, сверил данные и начал оформлять пропуск. Я смотрел по сторонам. Всё было строго, спокойно, без лишней суеты. Наконец мне выдали пропуск. Я машинально посмотрел на него. И тут увидел название подразделения: «Восьмое Главное управление КГБ СССР». Я перечитал ещё раз. Восьмое Главное управление. Вот тогда я уже окончательно понял, куда попал. Про себя только подумал: «Ну, Егорка... докрутился ты с компьютерами». Ещё совсем недавно я сидел в Горсовете с отвёрткой в руках и думал исключительно о том, как оживить очередную машину. А теперь стоял внутри здания КГБ с пропуском в руках. И самое интересное я ведь ничего специально для этого не делал. Никого не искал. Ни к кому не просился. Просто чинил технику. И случайно встретил человека, который оказался выпускником того же МЭИ. Я убрал пропуск в карман и стал ждать. Через некоторое время за мной пришли. Вас ждут. Хорошо. И я пошёл за сотрудником по коридору. В голове крутилась одна мысль: «Интересно, зачем я ему понадобился настолько срочно, что он даже машину за мной прислал?» Но ответа на этот вопрос я пока не знал. Долго ждать мне не пришлось. Дверь кабинета открылась, и Николай Николаевич сам вышел мне навстречу. Причём вышел не как генерал к какому-то молодому человеку, которого вызвали на разговор, а как будто мы с ним старые хорошие знакомые. Ну, здравствуй Егор! Проходи! Здравствуйте, Николай Николаевич. Он пожал мне руку, хлопнул по плечу и пригласил в кабинет. Чай будешь? Буду. Он распорядился насчёт чая, мы сели, и я вроде бы начал расслабляться. Но только вроде бы. Потому что в голове у меня всё время сидела одна мысль: «Сейчас начнётся». Я уже заранее представлял, как меня будут расспрашивать, проверять, а потом осторожно подводить к какому-нибудь предложению. Особенно меня беспокоило одно слово **вербовка**. Я ведь прекрасно понимал, где нахожусь. Пили чай, разговаривали о всякой ерунде. Он спрашивал про МЭИ, про мою работу, про технику. И вдруг совершенно спокойно спросил: А как ты относишься к криптографической инженерии? Я даже не сразу понял, что ответить. Посмотрел на него и честно сказал: Да никак. Он удивился: Как это никак? А что я могу сказать? Я простой техник. Провод в дырку вставить и главное фазу не перепутать. Он посмотрел на меня. Я на него. И мы оба рассмеялись. Андреев покачал головой: Вот ты даёшь... Я отпил чаю. А он продолжил: Время изменилось. Появились компьютеры. А компьютеры начинают менять и криптографию. Я пожал плечами. Ну, если что-нибудь починить это я запросто. А что внутри компьютера происходит? Вот этого, честно признался я, я пока ещё не разобрался. Он посмотрел на меня несколько секунд. Потом улыбнулся. Разберёшься какие твои годы. И похлопал меня по плечу. И вот тут у меня внутри всё оборвалось. Я подумал: «Ну всё. Так он меня и завербовал». Причём я даже не заметил, как

это произошло. Никаких анкет. Никаких длинных разговоров. Чай попили, про МЭИ поговорили, про компьютеры поговорили и всё. Я мысленно уже смирился: «Ну вот, приехали. Теперь я сотрудник». Наверное, лицо у меня в этот момент было такое выразительное, что Николай Николаевич всё понял. Он посмотрел на меня и засмеялся. Ты что, испугался? Да нет... Вербовка тебя пугает? Я промолчал. Он опять рассмеялся. Ну а что ты хотел? Время такое. Компьютеры появились, новые технологии появляются. И Родине надо служить. А как ты думал? Я посмотрел на него. Вот теперь всё стало понятно. Так вот зачем он меня сюда привёз. Не потому, что я был какой-то великий специалист. Не потому, что он хотел поговорить со мной о политике. Ему нужен был человек, который умеет разбираться с техникой и при этом готов учиться новому. А я сидел и думал только об одном: «Вот ведь хитрый генерал. Сначала чай предложил, потом про МЭИ поговорил, потом про компьютеры... А я-то думал, просто поболтать позвал». Мы снова рассмеялись. И напряжение наконец ушло. Потому что теперь я уже понимал, о чём идёт речь. И, если честно, мне самому стало интересно. Компьютеры я знал и пережил с ними их рождение и взлет. Но не говорить же это генералу. А если вместе с этим ещё и Родине послужить... Ну а как ты думал? Сказал он как то по отеческий. Да не бойсь ты. Я тоже закончив институт сразу в органы пошел работать, а у тебя еще четыре года впереди. Я посмотрел на него. Он был почти моим ровесником из той жизни. Может поэтому так легко с ним разговаривать. А ты приезжай ко мне домой предложил он. Я сначала даже не знал, как к этому отнестись. Одно дело встретиться в Горсовете, поговорить в кабинете, другое оказаться у генерала дома. Но он разговаривал со мной совершенно просто, без всякой официальности. А по какому делу? Да по делу одному. Посмотрим, может, поможешь. Я усмехнулся: Если техника тогда помогу. Вот именно, техника. В назначенный день я приехал. Николай Николаевич встретил меня уже без формы. Совсем другой человек обычная домашняя одежда, спокойный, доброжелательный. Проходи, Егор. Чай будешь? Конечно. Мы прошли в комнату, и я сразу увидел импортный телевизор. Марки Сони. Он стоял на тумбе, а рядом лежала снятая задняя крышка. Я посмотрел на телевизор, потом на Николая Николаевича. Так вот что у вас за дело? Он улыбнулся. Да. Вчера работал, сегодня решил, что больше не хочет. А что делает? Включается, экран появляется, а потом начинает барахлить. Я подошёл ближе. Включали? Конечно. И что? Он нажал кнопку. Телевизор загудел, экран засветился, появилась картинка, но через несколько секунд изображение начало уходить. Я присел перед ним. Понятно. Что понятно? Пока ничего. Сейчас посмотрим. Я достал инструменты и начал проверять. Николай Николаевич стоял рядом и наблюдал. Ты всегда так спокойно технику разбираешь? А чего её бояться? Она же не кусается. Бывает, что кусается. Это если фазу не проверить. Он рассмеялся. Вот за это я тебя и ценю. Я снял одну из плат, внимательно осмотрел, проверил соединения. Где-то был плохой контакт. Вот здесь, кажется, проблема. Уже нашёл? Пока предполагаю. Я почистил контакт, проверил пайку. Почему здесь свежая пайка подумал я. За свою жизнь я столько раз разбираю импортную технику и такого не видел. Это было несанкционированное включение. Я показал его Николаю Николаевичу. Он посмотрел на него, и выражение его лица изменилось. Ещё секунду назад мы спокойно разговаривали, а теперь он стал совершенно серьёзным. Он ничего не сказал. Только поднял палец к губам: Тсс... Молчи. Я кивнул. После этого мы вернулись в комнату и продолжили разговаривать так, будто вообще ничего не произошло. Даже телевизор снова включили. Ну что, работает? спросил он. Работает. Вот и хорошо. Мы ещё немного поговорили о всякой ерунде. О МЭИ, о компьютерах, о технике. Со стороны можно было подумать, что ничего необычного не произошло. Но я видел, что Николай Николаевич уже совсем не здесь мыслями. Он постоянно возвращался взглядом к телевизору. Наконец он сказал: Пожалуй, я тебя провожу, Егор. Хорошо. Мы вышли из квартиры. На улице он некоторое время шёл молча. А потом остановился и посмотрел на меня очень серьёзно. Егор, никому об этом не говори. Конечно, Николай Николаевич. Вообще никому. Понял. Он немного помолчал и добавил: Вообще-то с тебя надо было подписку о неразглашении взять.

Я усмехнулся: Да ладно вам. Мы же свои парни. Энергетики. Он тоже улыбнулся, но улыбка получилась какая-то невеселая. Энергетики... Он посмотрел куда-то в сторону. И я понял, что его сейчас беспокоит совсем не то, что я случайно обнаружил устройство. Его мучил другой вопрос. Кто его поставил? Свои? Или чужие? Если свои значит, ему не доверяют уже свои. Если чужие значит, кто-то получил доступ туда, куда вообще не должен был попасть. А это для человека его положения было куда серьёзнее самого факта прослушки. Николай Николаевич, осторожно спросил я, неприятная история? Он посмотрел на меня. Очень. И снова замолчал. Мы сделали ещё несколько шагов. Потом он сказал: Ты понимаешь, Егор, самое неприятное даже не то, что тебя могут слушать. А что? Кто слушает. Я ничего не ответил. Он продолжил: Если чужие это одна история. Значит, надо искать, откуда пришли. А если свои... Он не договорил. И я понял, что именно эта мысль его мучает. Свои или чужие? Для генерала КГБ это был вопрос, на который нельзя было ответить просто предположением. Мы остановились возле машины. Он пожал мне руку. Спасибо тебе. Да за что? За телевизор. Я улыбнулся. Обращайтесь. Он посмотрел на меня и уже немного теплее сказал: Вот поэтому я тебя и позвал. Я сел в машину. А он ещё некоторое время стоял во дворе и смотрел вслед. И по его лицу было видно: телевизор он теперь забудет очень скоро. Потому что я приехал к нему домой починить телевизор. А случайно обнаружил вопрос, на который самому генералу теперь предстояло найти ответ. После той истории с телевизором от меня, наконец, отстала эта контора. По крайней мере, я перестал чувствовать за собой прежнее внимание. А работа в Горсовете продолжалась. Я по-прежнему бегал по коридорам с проводами, инструментом, какими-то деталями, чинил компьютерную технику. Для меня это была обычная работа. Но тут выяснилось, что кроме конторы есть ещё одна категория людей, которой я почему-то оказался очень интересен. Комсомольцы. Вроде бы вокруг меня должны были быть одни коммунисты всё-таки Горсовет. Но по коридорам постоянно шлындали молодые кандидаты в большую политику. Увидев меня своего ровесника, да ещё и с проводами в руках и сразу делают вывод: «Ага, комсомолец». Первый подошёл ко мне как-то в коридоре. Слушай, ты же комсомолец? Я посмотрел на него. Ну, вроде того. А здесь давно работаешь? Да какое там работаю? Технику чиню. Так ты по кабинетам ходишь? Хожу. И доступ у тебя есть? Если компьютер сломался есть. Он задумался. Тогда ты нам можешь помочь. Я уже понял, что сейчас начнётся. Чем? Комсомолу. А конкретнее? Да мелочи всякие. И действительно, сначала были сущие мелочи. Занеси заявление. Узнай, когда товарищ освободится. Передай бумагу в соседний кабинет. Если будешь там, спроси, подписали ли. Мне вроде бы ничего не стоило это сделать. А потом выяснилось, что это были не просто какие-то рядовые комсомольцы. Это были секретари комсомола разных районов города. Молодые, энергичные, амбициозные. Каждый уже чувствовал себя человеком, который должен что-то решать, кого-то организовывать и куда-то двигаться дальше. А я был для них очень удобным человеком. Молодой. Свой. Комсомолец. И главное постоянно шныряю по коридорам Горсовета и могу зайти туда, куда им самим иногда было неудобно заходить. Я никому не отказывал в мелочах. Если мог помочь помогал. Попросили занести заявление занесу. Нужно узнать, когда освободится человек узнаю. Передать бумагу передам. И постепенно мы перезнакомились. Я уже заходил в коридор, а откуда-нибудь: Егор! Ну что ещё? Подойди на минутку. Или: Егор, ты сейчас туда идёшь? Да. Тогда вот это захвати. Так я незаметно для себя оказался знаком с целой компанией городских комсомольских секретарей. А у комсомольцев, как известно, кроме работы были ещё и свои мероприятия. Однажды один из них подходит ко мне и говорит: Егор, а ты в субботу свободен? А что? Вечеринка будет. Какая ещё вечеринка? Комсомольская. Я посмотрел на него. И меня туда зовут? А почему нет? Я пожал плечами. Ну, раз зовёте приду. Он улыбнулся: Вот и договорились. И я тогда ещё не представлял, что эта самая комсомольская вечеринка познакомит меня с людьми, с которыми моя жизнь потом ещё не раз пересечётся. Я ведь думал, что просто схожу вечером посидеть со своими ровесниками. А оказалось Горсовет только начинал показывать мне свои закули-

ся. Я посмотрел на здание горсовета. Похоже на то. Но больше всего меня интересовало другое. Если мы действительно приведём в порядок их вычислительное хозяйство, ректору будет намного проще доказать главным городским коммунистам, что наш институт способен эффективно использовать переданный ему объект. А значит, история с домом могла закончиться именно так, как я задумал. Именно так я и решил действовать. В нашей ситуации обычная схема «заплатили получили работу» практически не работала. Поэтому пришлось искать старый, но вполне рабочий для того времени способ товарный обмен между организациями. Я объяснил Семёнычу: Нам нужна строительная бригада, кирпич, цемент, пиломатериалы, сантехника и всё остальное. Денег у фирмы достаточно, но купить всё это напрямую мы не сможем. А что можем предложить? Ремонт вычислительной техники. У крупных предприятий сейчас компьютеры простаивают неделями. Для них наша работа будет не менее ценна, чем для нас их стройматериалы. Семёныч задумался. Значит, ищем предприятия, у которых есть собственные строительные подразделения? Именно. Желательно крупные заводы, комбинаты, объединения. У них на балансе могут быть строительные управления, ремонтные бригады, транспорт. Я составил список таких организаций Москвы. Первым делом нас интересовали не те, у кого просто были деньги, а те, у кого было то, что требовалось нам. На следующий день мы начали обзванивать руководителей. Наша фирма занимается ремонтом и наладкой вычислительной техники, объяснял я. Есть предложение по взаимозачёту. Некоторые руководители сразу отказывались. Другие заинтересовались. А один начальник крупного предприятия после моего рассказа спросил: А если мы дадим вам строительную бригаду на определённый объём работ, вы сможете привести в порядок наш вычислительный центр? Не только привести в порядок. Проведём диагностику всей техники, восстановим неисправное оборудование и составим график обслуживания. На другом конце провода повисла пауза. Тогда приезжайте. Поговорим предметно. Я положил трубку и посмотрел на Семёныча. Кажется, нашли первого кандидата. А дом? Дом пока стоит. А вот теперь у нас появляется шанс превратить его из пустого городского объекта в нормальное здание. Мне уже виделась вся схема: предприятие получает исправную вычислительную технику, институт строительную бригаду и материалы, а мы получаем возможность восстановить дом без огромных денежных расходов. Оставалось только правильно оформить договорённости. И тут я понял, что ремонт дома окажется не самой сложной частью этой затеи. Самое трудное убедить десяток разных руководителей согласовать между собой то, что в обычной рыночной экономике решалось бы одним договором и банковским переводом. Я решил не размениваться на мелкие предприятия и сам поехал на завод имени Лихачёва. Если уж искать партнёра для такого обмена, то крупнее предприятия было трудно придумать. В кабинете директора я изложил свою просьбу: Нам нужна строительная бригада и материалы. Есть предложение по взаимозачёту. Директор внимательно выслушал меня и усмехнулся: Компьютеров у нас почти нет. Чем же ты мне будешь полезен? Я уже собирался объяснить про ремонт вычислительной техники, но он вдруг добавил: Хотя есть одна проблема. Какая? Итальянский станок. Купили давно, а запустить так и не смогли. Итальянцы уехали, наши специалисты разобраться не смогли. Уже год стоит мёртвым грузом. А документация есть? Есть. И схемы есть. Только толку от них пока никакого. Покажете? Директор посмотрел на меня с любопытством. Ты думаешь, сможешь? Сначала посмотрю. Через несколько минут мы уже стояли в огромном производственном цехе. Станок действительно впечатлял. Для своего времени он был настоящим чудом: шкафы автоматики, панели управления, множество кабелей и электронных блоков. Я обошёл его, попросил открыть электрические шкафы и начал изучать документацию. Семёныч, приехавший со мной, тихо сказал: Егор, ты хоть понимаешь, во что ввязался? Примерно. Я начал проверять питание, цепи управления и защиту. Через несколько дней нашёл первую проблему. Вот здесь. Что? Цепь блокировки. Станок считает, что одна из систем безопасности не готова, поэтому запуск запрещён. Директор нахмурился. Но мы эту цепь уже проверяли. Значит, плохо проверяли. Я продолжил диагностику. Проблема оказалась

сложнее, чем казалось сначала: неисправность была связана сразу с несколькими узлами автоматики. Я достал инструменты. Запчасти понадобятся? Если найдём будут. Тогда попробуем сначала восстановить то, что есть. Мы провозились неделю. Когда я наконец подал питание, станок сначала загудел, затем загорелись индикаторы. Цех словно ожил. Директор подошёл ближе. Неужели? Я нажал кнопку запуска. Механизмы пришли в движение. Семёныч только присвистнул. Директор посмотрел на работающий станок, потом на меня. Ну что, Круженов? Я улыбнулся. Теперь ваш ход. Он протянул руку. Договорились. Мы даём строительную бригаду, транспорт и необходимые материалы. Ваш дом отремонтируем под ключ. Я пожал ему руку. А мы обеспечиваем запуск и дальнейшее обслуживание станка. По рукам. Мы ещё раз ударили ладонями. Когда я вышел из цеха, то уже понимал: первый настоящий товарный обмен нашей фирмы состоялся. И если всё получится, старый городской дом скоро начнёт превращаться в новое место для нашей жизни.

Глава 32

В назначенный день я всё-таки пришёл на комсомольскую вечеринку. Честно говоря, по дороге туда я сам не до конца понимал, зачем согласился. Ну что я там буду делать? Я ведь пришёл туда не как какой-нибудь важный секретарь комсомола. Я обычный парень, который бегаёт по Горсовету с инструментами и чинит компьютерную технику. Но раз пригласили значит, надо идти. Подхожу к квартире, где должна была проходить вечеринка. Уже у входа стало понятно, что мероприятие будет не совсем обычное. Народу собралось много. Молодые мужчины в костюмах, девушки наряднее, чем обычно, кто-то уже смеётся, кто-то здоровается друг с другом. Я захожу внутрь. И почти сразу слышу: Егор! Оборачиваюсь. Один из тех самых секретарей, с которыми я познакомился в Горсовете. Пришёл всё-таки! А куда я денусь? Сам позвал. Правильно. Проходи, свои уже все здесь. Вот это «свои» мне понравилось. Я прошёл дальше. В помещении уже было шумно. Где-то играла музыка, стояли столы с закуской, бутылки лимонада, что-то покрепче тоже, конечно, присутствовало. Молодёжь разговаривала, смеялась, кто-то спорил о каких-то рабочих делах, кто-то уже вообще забыл про работу. Я огляделся. А комсомольская вечеринка, оказывается, совсем не похожа на собрание, сказал я. А ты что думал? засмеялся мой знакомый. Будем весь вечер постановления читать? Я просто уточняю. Расслабься. Сегодня без докладов. Меня начали знакомить. Это Егор. Егор, познакомься. Егор, это наш первый секретарь горкома комсомола Василий. А это второй секретарь. А это ребята из соседнего района. Я сначала даже запутался в должностях. И подумал: «Ну ничего себе. Я просто заявления им носил, а теперь со всеми за одним столом сижу». Причём относились ко мне совершенно по-свойски. Кто-то уже знал, что я из МЭИ. Так ты энергетик? Да. А компьютеры умеешь? Чинить умею. Значит, полезный человек. Вот поэтому меня и пустили, пошутил я. Все засмеялись. Потом кто-то включил музыку погромче. Разговоры стали громче, народ начал перемещаться от столов, кто-то пошёл танцевать. Я сначала стоял в стороне и просто наблюдал. После всех этих коридоров Горсовета было даже непривычно видеть тех же людей без папок, без кабинетов и без официальных лиц. Вот здесь они были просто молодыми ребятами. Смеялись, спорили, шутили друг над другом. И я вдруг подумал: «А ведь если бы я тогда не начал бегать по этим коридорам с проводами, я бы с ними никогда не познакомился». А теперь стоял среди городской комсомольской верхушки и чувствовал себя вполне своим. Ко мне подошёл тот самый секретарь Василий, с которым меня познакомили. Ну что, Егор, не пожалел? Я посмотрел на него, потом на танцующих ребят. Пока нет. А дальше? Посмотрим. Он хлопнул меня по плечу. Вот и правильно. Сегодня никаких Горсоветов. Сегодня отдыхаем. Но ты загляни ко мне. У нас тоже проблемы есть. Я улыбнулся. И впервые за долгое время действительно решил просто отдыхать. Не думать о КГБ. Не думать о работе. Не думать, кто за кем наблюдает. Просто вечер, музыка, молодые люди и комсомольская вечеринка. Хотя я тогда ещё не знал, что именно этот вечер принесёт мне новые знакомства, которые окажутся гораздо интереснее самой вечеринки. Вокруг было

много девушек, и, надо сказать, довольно симпатичных. Они прекрасно видели, как со мной общаются секретари комсомола, как меня знают, как ко мне подходят, что-то спрашивают, смеются. А значит, в их глазах я уже был не просто какой-то случайный парень с улицы. И девушки начали обращать на меня внимание. Так я познакомился с Машей. Маленькая, смешливая, живая она всё время улыбалась и будто вообще не умела сидеть спокойно. То что-то скажет, то засмеётся, то толкнёт кого-нибудь локтем. Мы немного поговорили. Ты Егор? Егор. Тот самый, который компьютеры чинит? Видимо, уже знаменитость. Она рассмеялась. А ты всегда такой серьёзный? Нет. Иногда ещё хуже. Она опять засмеялась. И тут заиграло танго. Я посмотрел на неё. Потанцуем? Танго? А почему нет? Она протянула руку. Ну пойдём. И вот тут я испытал совершенно странное чувство. Я привык общаться с женщинами старше себя. С ними мне почему-то было проще. Психологически они казались мне ближе. Наверное, потому что внутри себя я всё ещё во многом оставался тем человеком из прошлого со своим прежним опытом, своей семьёй, своей взрослой жизнью. А тут рядом со мной была Маша ровесница, молодая, смешливая, лёгкая. И вдруг я почувствовал себя совсем иначе. Мы начали танцевать. Я положил руку ей на талию, она положила руку мне на плечо. Ничего особенного вроде бы не происходило. Просто танец. Но для меня это было почему-то очень непривычно. Я смотрел на неё и думал: «Вот ведь жизнь. Ещё недавно мне казалось, что с девушками моего возраста мне вообще не о чем разговаривать». А сейчас мне было приятно. Причём приятно именно от этой лёгкости. Не надо изображать взрослого, не надо вести какие-то серьёзные разговоры, не надо соответствовать чьим-то ожиданиям. Мы просто танцевали. Она что-то тихо сказала мне, я не расслышал. Что? Говорю, ты танцуешь лучше, чем чинишь компьютеры. Это ты ещё компьютеры мои не видела. Она рассмеялась. И я тоже. Танго закончилось, музыка сменилась, но мы ещё некоторое время не расходились. И тогда я поймал себя на совершенно неожиданной мысли. Мне нравилось находиться рядом с такими девушками. Раньше я почему-то избегал знакомств с совсем молодыми женщинами, считал, что мне с ними будет неинтересно. А оказалось всё зависит не от возраста, а от самого человека. Маша была непосредственной, весёлой и настоящей. И, пожалуй, именно поэтому в тот вечер я впервые за долгое время почувствовал себя просто молодым мужчиной. Без Горсовета. Без КГБ. Без всех этих сложных разговоров. Просто Егор. И рядом со мной Маша. И вдруг в разговорах я услышал, что собирается группа для поездки во Вьетнам. Я даже насторожился. Во Вьетнаме я уже бывал когда-то с женой, ещё в своей прошлой жизни. Мне там очень понравилось. Страна запомнилась, море, люди, атмосфера всё это осталось у меня в памяти. Поэтому я долго не раздумывал. Быстро нашёл Василия. Василий! А? Включи меня в группу. Он посмотрел на меня с недоумением. В какую группу? Во Вьетнам. Он сначала даже не понял, серьёзно я говорю или шучу. Потом улыбнулся, пожал мне руку: Да запросто! Но руку его я не отпускал. Он посмотрел на наши сцепленные руки, потом на меня. Ты чего? Я не один. Василий руку не выдернул. Только приобнял меня за плечо и повёл на балкон. Когда мы отошли от остальных, он посмотрел на меня уже серьёзнее. Знаешь, Егор, туда едут активисты. Я даже не дал ему закончить. А знаешь, какими темпами развиваются компьютеры? Он замолчал. Ну? Не успеешь сказать «гоп», как у тебя на столе уже компьютер появится. А техника, Василий, имеет одно нехорошее свойство она ломается. Он уже начал улыбаться. И тогда, продолжил я, кого ты вспомнишь? Он по-дружески хлопнул меня по плечу. Договорились. Вот и отлично. Только девушку бери с собой. Я посмотрел на него. Девушка не одна. Он рассмеялся и обнял меня за плечи. Да ты неординарный комсомолец, Егор! Я тоже улыбнулся. Есть ещё одна небольшая проблема. Какая? Этим девушкам уже за тридцать. Василий перестал улыбаться. Задумался. Я видел, что арифметика у него в голове пошла совсем другая. М-да... протянул он. Я понял: настал момент последнего аргумента. Достал из кармана пачку долларов. Зелёные купюры в то время сами по себе выглядели достаточно убедительно. Василий посмотрел на деньги. Потом на меня. И я уже приготовился услышать: «Держите валютчика!» Но ничего

подобного не произошло. Наоборот. У него лицо постепенно расплылось в широкой улыбке. Ну ты даёшь, Егор... Я молча держал деньги. Он посмотрел ещё раз. Сколько? Я показал тысячу долларов. Он тяжело вздохнул, но уже совершенно другим тоном: Ладно. Деньги исчезли из моей руки. Василий убрал их и уверенно произнёс: Решим вопрос. Я улыбнулся. Вот теперь разговор действительно был закончен. Я только подумал: «Компьютеры, конечно, хорошо. Но иногда и старые добрые аргументы работают безотказно». А Василий, похоже, уже представлял, как будет объяснять начальству появление в группе сразу нескольких не совсем типичных для комсомольской делегации участников. Но это уже были его проблемы. Главное во Вьетнам мы ехали. Вечеринка постепенно заканчивалась. Музыку уже сделали тише, люди начали расходиться. Я тоже собрался домой, накинул дубленку и уже направился к выходу. И тут появилась Маша. Ты меня проводишь? Я посмотрел на неё. Честно говоря, такой просьбы я не ожидал. Молча подал ей пальто. Она надела его, застегнулась, и мы вышли на улицу. Снег хрустел под ногами. Вечер был тихий, морозный. Мы шли рядом, сначала почти не разговаривая. И тут Маша спросила: Можно я возьму тебя под руку? Я только кивнул. Она, не дожидаясь ответа, обхватила мой локоть и прижалась плечом. Моя дублёнка трётся о её драповое пальто, шаги постепенно стали одинаковыми. Я шёл и думал о странности происходящего. Там, дома, меня окружали зрелые женщины, с которыми я привык чувствовать себя уверенно. Я знал, как с ними разговаривать, чего от них ожидать. А тут рядом шла девушка моего возраста. И от этого всё было совершенно иначе. Мы прошли одну остановку. Вдруг Маша остановилась, встала на бордюр и, смеясь, потянула меня к себе. Я даже не успел ничего сказать. Она поцеловала меня. Это был совершенно неожиданный для меня поцелуй. Я почему-то особенно запомнил запах её губ свежесть и мандарины. От неё не пахло перегаром, как иногда бывает после вечеринок. Она была молодая, красивая и совершенно непосредственная. Я вдруг подумал, что даже не помню своего первого поцелуя с женой. Это было так давно. Женился я уже в двадцать шесть, и тогда мне казалось, что я уже взрослый, всё понимаю. А вот этот поцелуй я запомнил. Мне стало так хорошо, что я обнял Машу. Но она вдруг отстранилась, рассмеялась и побежала. Эй! крикнул я. Вот тебе и романтика. «Что за детство?» подумал я. И всё-таки побежал за ней. Догнал её через несколько метров. Мы оба поскользнулись, и я повалился вместе с ней в снег. Я засмеялся. Но дальше всё произошло слишком резко. Я потянулся к ней привычным движением к ее попе, и тут Маша тут же оттолкнула меня и дала пощёчину. Я застыл. Даже не столько от боли, сколько от неожиданности. Меня ещё ни одна женщина так не одёргивала. Маша вскочила со снега. Дурак! выкрикнула она. И убежала в темноту. Я остался сидеть на снегу и смотрел ей вслед. Через несколько секунд поднялся. В голове было совершенно пусто. Только одна мысль крутилась: «Вот это я, оказывается, ничего не понимаю». Я отряхнул дублёнку и медленно пошёл домой. По дороге всё вспоминал её поцелуй, её смех, то, как она держала меня под руку. А потом пощёчину. И впервые за долгое время мне стало ясно, что с Машей всё будет совсем не так, как с теми женщинами, к которым я привык. С ней мне ещё предстояло учиться заново понимать простые вещи. Вернувшись домой, я разделся. Валя уже спала. Аня меня дожидалась. Увидев меня, она подошла, поцеловала. Ты не пил? удивилась она. Это комсомольская вечеринка, оправдался я. Аня хитро посмотрела на меня. А комсомолки там были? Все были, буркнул я. Мне почему-то совершенно не хотелось продолжать эту тему. Перед глазами всё ещё стояла Маша. Её улыбка. Её мандариновый запах. Её неожиданный поцелуй. А потом пощёчина. Я сам не мог понять, почему меня так сильно зацепил этот короткий эпизод. Вроде ничего особенного познакомились, потанцевали, дошли до дома... Но я никак не мог выбросить её из головы. Аня, видимо, заметила моё состояние и больше к этой теме не возвращалась. Кушать будешь? Нет. Совсем? Нет, не хочу. Она немного помолчала. Тогда спать? Наверное. Но спать мне совершенно не хотелось. Аня ещё немного посидела рядом, потом вдруг улыбнулась: Ну расскажи хоть, чем вас там на комсомольских

вечеринках кормят? Я невольно усмехнулся. Вот это тебя действительно интересует? Конечно. А что ещё? И я начал рассказывать. А кормёжка там действительно была шикарная. Стол накрыли так, будто не комсомольская вечеринка собралась, а какой-нибудь юбилей отмечают. Закуски, салаты, мясо, рыба, фрукты. Всё аккуратно разложено, бутылки стоят, музыка играет. Ничего себе, удивилась Аня. А ты говорил, что это просто вечеринка. Я сам удивился. И всё бесплатно? Ну, похоже, комсомол умеет не только агитацией заниматься. Аня засмеялась. А девушки? Я посмотрел на неё. Опять начинаешь? Да нет, просто спрашиваю. Девушки как девушки. Но сам я в этот момент опять вспомнил Машу. И понял, что сегодня на самом деле запомнил не стол, не музыку и даже не разговоры с комсомольцами. Я запомнил её. И почему-то именно это не давало мне уснуть. Аня ещё немного поговорила со мной, потом пожелала спокойной ночи. Я лёг, закрыл глаза. И передо мной снова возникла заснеженная улица, Маша на бордюре, её улыбка и тот самый неожиданный поцелуй. А потом звонкая пощёчина. Я поднял Аню за талию и поставил раком. При свете торшера ее большая попа в кружевных трусиках смотрелась впечатляюще. Приспустив трусы я вошел в ее податливое тело. «Вот ведь девчонка...» думал я о Маше. И почему-то улыбнулся в темноте. Я занимался сексом с Аней. А перед глазами стояла Маша. Но кончил я хорошо и даже не заметил как бьется в оргазме подомной Аня. Откинувшись на спину я уснул. Проснулся рано выгулял Мусю получив от нее горку наличности. Деньги уходили быстро и с ними надо было что то решать. Связь с директором завода имени Лихачёва действительно сильно упростила мне задачу. У такого гиганта была собственная база снабжения, транспорт и самые разные подразделения, поэтому вопрос с ремонтом дома постепенно превращался из огромной проблемы в обычную организационную работу. Мысль о финансах не покидала меня. Лежал я в темноте, а в голове одно за другим складывалось: работа, поездка во Вьетнам, техника, новые знакомства, какие-то планы на будущее. Деньги вроде бы были, но я уже понимал если продолжать двигаться вперёд, их постоянно будет не хватать. И тут я неожиданно вспомнил о кладях. Когда-то я уже интересовался этой темой. Не всерьёз, скорее из любопытства. Старые рассказы, карты, забытые тайники, истории о людях, которые в разные времена прятали деньги и ценности. Вспомнив одну из историй я нашел этот дом. Старый особняк и коммунальными жильцами. Я помни и номер квартиры и даже фамилию нашедшего клад. Но это было в 90-ых, а значит клад еще на месте. Вот месяцем раньше я бы на такое не пошел. Ну а теперь я привык работать с контингентом. Потому что я специалист. На подготовку ушло немного времени. Переодевшись в спец одежду сотрудника мозгаза. С кепкой и измазанным лицом я постучал в нужную мне квартиру. Квартира была самая обычная жилая, обжитая. Там действительно жили люди. На стенах висели фотографии, на подоконниках стояли цветы, в комнатах была мебель, которой, казалось, уже лет сто. Старый дом, высокие потолки, толстые стены. Паркет местами скрипел. У вас протечка газа! объявил я женщине, открывшей мне дверь. От меня действительно пахло газом я заранее позаботился об этом. И этого оказалось достаточно. Женщина заметно побледнела, засуетилась и забежала по квартире. Соберите необходимые документы и ценные вещи, строго приказал я. И всем немедленно выйти из квартиры! Пока она металась по комнатам, я начал простукивать стены, изображая поиски места утечки. На самом деле я точно знал, где находится клад. С каждой секундой суэта в квартире нарастала. Женщина уже собирала сумку, соседка кричала что-то из коридора, а жильцы коммуналки один за другим начали выглядывать из своих комнат. Наконец я остановился возле окна. Вот здесь! крикнул я. Быстро все из квартиры! Когда женщина выбежала в коридор, я дождался, пока последние жильцы покинут комнату. Затем с усилием поддел тяжелый дубовый подоконник. Он поддался. Под ним находилась небольшая ниша. Я замер на секунду. Именно она. Рука скользнула внутрь, пальцы нащупали старую истлевшую тряпку. Я осторожно вытащил сверток. От времени ткань почти рассыпалась, но то, что находилось внутри, было цело. Клад. Я быстро уложил сверток в свою рабочую сумку, вернул подоконник на место и несколько раз надавил

на него, убеждаясь, что он сидит как прежде. Затем достал небольшой флакон с одорантом и разбрызгал совсем немного. В воздухе мгновенно появился резкий, характерный запах газа. Теперь объяснение было готово. Я подкрутил газовый кран, вышел в подъезд и спокойно прикрыл за собой дверь. Там уже собралась целая толпа жильцов. Всё нормально, объявил я, стараясь выглядеть усталым после тяжелой работы. Утечка устранена. Опасности больше нет. Но помещение пока проветрите как следует. Кто-то начал задавать вопросы, кто-то благодарил меня, а хозяйка квартиры всё ещё стояла бледная и растерянная. Я только махнул рукой. Работа такая. И, не торопясь, пошел вниз по лестнице. Тяжесть сумки ощущалась с каждым шагом. Но теперь это была уже не тяжесть. Это было ощущение того, что моя жизнь только что изменилась. Я дошел до машины и отъехал квартал. Любопытство раздирало меня. И я открыл рабочую сумку и достал свой первый клад. Внутри лежали старые свёртки. Один развернули монеты. Другой какие-то украшения. А ещё там были документы и письма. И тут я окончательно вспомнил ту старую историю, которую когда-то слышал. Оказывается, она была не выдумкой. Клад действительно находился в старой московской квартире. Люди десятилетиями жили рядом с тайником и даже не подозревали, что находится буквально в нескольких сантиметрах от них. А я подумал, что Москва вообще удивительный город. Можно жить в одной квартире годами, делать ремонт, переставлять мебель, каждый день ходить по одним и тем же комнатам и даже не подозревать, что за старой стеной спрятано прошлое целой семьи. Клад был найден. Я шел по лестнице, крепко придерживая рабочую сумку, и вдруг вспомнил, с чего вообще началась эта история. Идею мне подкинула моя крыса. В первый раз она принесла мне деньги из своей норки. Тогда я даже не сразу понял, что держу в руках. Она вытащила откуда-то старую купюру и бросила ее возле меня, словно это была обычная бумажка. Я тогда только усмехнулся. Но потом подумал: если крыса смогла найти спрятанные человеком деньги, значит, в старых домах действительно могли остаться тайники, о которых нынешние жильцы даже не подозревают. Эта мысль засела у меня в голове. Я начал вспоминать старые рассказы, истории о коммуналках, квартирах людей, которые уезжали, умирали, продавали жилье, а свои тайники так и не успевали раскрыть. Особенно меня заинтересовала одна история о квартире в Москве, где прежний хозяин якобы спрятал ценности перед войной. Тогда я еще не знал, где искать. Но теперь клад лежал у меня в сумке. Я невольно улыбнулся. Получалось, всё началось с крысы, которая однажды принесла мне из норки первую купюру. А закончилась эта маленькая находка настоящим кладом. Я зашел в подсобку нашей серверной и наконец смог спокойно рассмотреть свой клад. Развернув старую ткань, я замер. Внутри оказалось около десятка золотых монет, горстка серебряных и несколько украшений. Все это было старым, потемневшим от времени, но сомнений не оставляло: передо мной лежали настоящие ценности. Я покрутил в пальцах одну золотую монету и задумался. Наверное, пора вскрывать клад в квартире соседа Ани, пробормотал я. Теперь у меня появилось место, где можно было надежно хранить найденное. А то ведь мало ли что могло случиться. Вдруг первый клад случайно обнаружится? Или, что еще хуже, моя крыса вытащит деньги из норки прямо перед всеми. А если объявится настоящий сосед и начнет задавать вопросы? Нет. Откладывать было нельзя. Я спрятал найденный клад в нише под стеной, тщательно замаскировал тайник и поехал на служебной машине к Аниной квартире. Взяв ключ от квартиры соседа, я заперся внутри и принялся внимательно осматривать комнату. Сначала простучал пол возле стены и шкафа. Глухого звука, который я ожидал услышать, не было. Я передвинул шкаф и вскрыл небольшой участок паркета. Пусто. Я уже собирался продолжить поиски, как вдруг заметил странность. Одна часть стены была побелена совсем иначе. Оттенок немного отличался от остальной поверхности, а граница проходила слишком ровно, чтобы быть случайностью. Я подошел ближе и постучал костяшками пальцев. Тук. Я постучал рядом. Тук-тук. Звук изменился. Вот оно... Я осторожно вскрыл участок стены. За штукатуркой действительно оказался тайник. Но то, что я увидел внутри, заставило меня

буквально потерять дар речи. Там лежали два старых рюкзака. Я вытащил первый, затем второй и поставил их на пол. Руки у меня слегка дрожали. Такого я не мог ожидать... Я расстегнул первый рюкзак. Сторублевки. Во втором тоже деньги но иностранные и какие-то свертки. Я несколько секунд просто смотрел на находку, пытаюсь осознать увиденное. Да зачем мне вообще надо было искать клады по всей Москве, если тут, буквально под носом, лежали такие сокровища... Я осторожно перебрал содержимое, сложил деньги в чемодан и еще раз обследовал стену. Проверил соседние участки, простучал всю поверхность вокруг тайника. Больше ничего. Развернув свертки я обнаружил там пачки новеньких долларов. Чемодан отвез обратно в серверную. Там, в самом укромном месте, я спрятал его рядом с первым кладом. Теперь в подсобке лежали уже два моих тайника. Я закрыл дверь, повернул ключ и несколько секунд стоял в коридоре, прислушиваясь к тишине. И только тогда до меня дошло главное. Я нашел не просто деньги. Я нашел чужую тайну. И пока еще не знал, насколько опасной она окажется. Чужие клады а чужие клады это значит опасность. Строительная бригада приехала практически сразу их послали с завода. Взяв с собой матера я отвез его на квартиру и показал ему стену. Сделаем сказали он. И через день уже ничего не говорило о том что кто то вскрывал стену. А на самом объекте они лихо взялись за работу. Одна мысль не покидала меня Маша. Но у меня был такой плотный график, что времени искать её по всей Москве просто не оставалось. Поэтому я снова обратился к Василию. Я, конечно, ожидал получить от него хотя бы клочок бумажки с её адресом. Но, похоже, комсомольские боссы работали совсем с другим размахом. И вот однажды я сидел на полу в здании горкома комсомола и возился с подключением серверов. В одной руке у меня были пассатижи, другой я придерживал кабель. Вдруг передо мной появились тоненькие ножки. Я замер. Сердце почему-то забилося так, будто я не провода подключал, а сдавал экзамен. Здравствуй, Егор, услышал я знакомый голос. От неожиданности я даже не сразу вылез из-под стола. Привет, только и смог ответить я. Несколько секунд стояла тишина. Ты меня искал? снова спросила Маша. Я медленно высунул голову из-под стола и посмотрел на неё. Искал. И долго? Достаточно. Она улыбнулась. А почему же тогда, когда нашёл, сидишь под столом? Я не прячусь. Конечно, усмехнулась она. Просто решил поговорить со мной из-под стола. Тут провода... Я вижу. Работа такая. Маша присела на корточки рядом со мной. Ну и что ты хотел мне сказать? Я наконец выбрался из-под стола, положил пассатижи рядом и вытер руки о рабочую одежду. Во-первых, хотел убедиться, что с тобой всё хорошо. Как видишь, всё хорошо. А во-вторых... Я замолчал. Что «во-вторых»? Хотел тебя увидеть. Маша перестала улыбаться и посмотрела на меня внимательнее. Только поэтому? Не только. Тогда говори. Я вздохнул. После нашей последней встречи я всё время думал о тебе. А потом у меня началась такая круговерть, что я даже не успевал нормально спать. Но мысль о тебе всё равно не уходила. Значит, всё-таки вспоминал? Каждый день. Она отвела взгляд. А я думала, ты обо мне забыл. Как можно забыть человека, которого так долго искал? Маша тихо рассмеялась. Егор, ты всегда так разговариваешь? Только когда нервничаю. А сейчас ты нервничаешь? Я посмотрел на неё. Очень. Не похоже. Потому что я стараюсь не показывать. Она снова улыбнулась. Ну тогда рассказывай. Что у тебя произошло за это время? Я посмотрел на лежащие рядом провода. Если рассказывать всё, мы тут до вечера просидим. А кто сказал, что я тороплюсь? Я впервые за долгое время почувствовал, что весь мой бешеный график куда-то исчез. Остались только мы двое и этот странный разговор посреди комнаты, заставленной аппаратурой. Тогда начнем сначала, сказал я. Ты расскажешь, где пропадала, а я расскажу, почему так долго тебя искал. Договорились. Маша протянула мне руку. Только давай без разговоров из-под стола. Я рассмеялся и пожал её руку. Договорились. Я поднялся со стула. Ладно, пойду проверю кабель. Кажется, через стену сигнал... Я подошел к двери, потянул ручку и дверь не открылась. Попробовал еще раз. Заперто. Я посмотрел на Машу. Нас закрыли, произнес я как факт нашего заточения. Маша почему-то совершенно не удивилась. Она только посмотрела на меня, а потом, слегка улыбнувшись, подняла руку. На ладони у нее

блеснул ключ. А это тогда что? Я несколько секунд молча смотрел на ключ. Ты всё это время его держала? А что мне оставалось делать? спокойно ответила она. То есть ты знала, что нас заперли? Нет я сама закрыла дверь призналась она. И молчала? Мне было интересно, что ты будешь делать. Я покачал головой. Ну спасибо. Я уже собирался взять ключ, как вдруг замок неожиданно щелкнул. Мы оба одновременно повернули головы. Дверь открылась. На пороге появилась буфетчица горкома комсомола. Она еле удерживала огромный поднос. Ой, ребятки, подвиньтесь-ка! Она поставила поднос на стол и тяжело выдохнула. Всё, что удалось собрать. А что, собственно, удалось собрать? спросил я. Она только махнула рукой. Разберетесь. И вышла. Дверь за ней закрылась. В комнате еще несколько секунд стоял запах её духов такой густой, что казалось, будто она всё еще находится рядом. Мы молча посмотрели на стол. Бутылка коньяка. Графин сока. Бутылка боржоми. Икра черная. Икра красная. Балык. Семга. Шпроты. Котлеты. Колбаса трех видов. И хлебные тосты. Я обвел взглядом всё это великолепие. Такое ощущение, что из буфета просто выгребли весь холодильник. Маша ничего не ответила. Она смотрела на ключ в своей руке. Потом на стол. Потом снова на ключ. И наконец медленно произнесла: Егор... Что? Ты понимаешь, что это значит? Примерно. А я только сейчас начинаю понимать. Она покраснела. Они специально оставили нас здесь? Я кивнул. Похоже на то. Маша встала и прошлась по комнате. Значит, Василий Иванович... Василий здесь ни при чем. Хотя... Я задумался. Скорее всего, это вся ваша верхушка. Но зачем? Я посмотрел на неё. А вот это как раз самое интересное. Маша остановилась. Они что, решили... Она не договорила. Подсунуть мне активную комсомолку? закончил я за неё. Щеки Маши вспыхнули еще сильнее. Не говори так! Почему? Потому что это звучит ужасно. А разве не так? Она отвернулась. Я думала, что меня направили сюда по поручению. Тебе дали конкретное поручение? Да. Какое? Маша замаялась. Поговорить с тобой. Узнать, чем ты занимаешься. Наладить контакт. Я усмехнулся. Очень содержательное поручение. Не смешно. Я и не смеюсь. Маша сжала ключ в ладони. Получается, я пешка? Похоже. А ты? Я пожал плечами. Возможно, тоже. Она посмотрела на меня уже совсем иначе. И что теперь? Я взглянул на стол, потом на дверь. Теперь решать тебе. Мне? Да. У тебя в руке ключ. Дверь можно открыть прямо сейчас. Маша посмотрела на ключ. Это был ее выбор. Потом на меня. Потом снова на стол. Она могла просто повернуть ключ и уйти. И, судя по выражению её лица, именно это она сейчас и хотела сделать. Но в ней боролась женщина и комсомолка. Но не сделала. Если я уйду, тихо произнесла она, получится, что я сорвала поручение. А если останешься? Она тяжело вздохнула. Тогда получится, что я согласилась участвовать в их игре. Я ничего не ответил. Маша стояла посреди комнаты, красная от смущения, растерянная и злая одновременно. Её мучило не то, что её заперли. Её мучило понимание того, что люди, которым она доверяла, заранее расписали её роль. И теперь перед ней стоял выбор: выполнить комсомольское поручение до конца или впервые поступить не так, как от неё ожидали. Она подняла глаза. Егор... Да? А если мы просто поедем? Я не удержался от улыбки. Вот это уже похоже на самостоятельное решение. Маша тоже улыбнулась. Только коньяк не трогай. Почему? Потому что если они действительно рассчитывают на какой-то спектакль, то пусть хотя бы участники останутся трезвые люди. Я рассмеялся. А вот теперь я начинаю понимать, почему именно тебя они выбрали. И почему? Потому что ты гораздо опаснее, чем они думают. Маша улыбнулась. Ей явно польстила моя оценка её характера. Опаснее, чем они думают? переспросила она. Именно. Она тихо рассмеялась и покачала головой. Я посмотрел на неё и вдруг понял перед каким выбором она стоит. Я помолчал, а потом сказал: Пока не началось... Что? Знаешь, Маша... это, конечно, твой выбор. Я не собираюсь решать за тебя. Она внимательно посмотрела мне в глаза. Но? Я вздохнул. Пойми женщиной ты будешь всю жизнь, а комсомолкой не всегда. Маша перестала улыбаться. Несколько секунд она молчала. Ты так говоришь, будто знаешь, что будет дальше. Я отвел взгляд. Я просто много чего повидал. И что же ты повидал? Времена меняются. Люди, которые сегодня сидят в кабинетах и раздают поручения, завтра могут сами оказаться

никому не нужными. Маша медленно села на стул. А человек? А человек остается с собой. Она задумалась. Значит, ты считаешь, что мне надо всё бросить? Нет. Я считаю, что ты должна сама решить, чего хочешь. Не Василий. Не твои начальники. Не я. У тебя есть поручение от комсомола. Ты пришла в комсомол сознательно и признаёшь всю ответственность поставленных перед тобой задач. А если я ошибусь? Ошибешься это будет твоя ошибка. Но хотя бы твоя. Маша посмотрела на ключ, зажатый в руке. Знаешь, Егор... мне впервые кто-то сказал это именно так. Как? Что я могу выбирать сама. Она улыбнулась, но теперь в её улыбке уже не было прежней беззаботности. И что ты предлагаешь делать прямо сейчас? Я посмотрел на стол с коньяком, икрой и всем остальным великолепием. Выбор твой произнес я открывая коньяк. Да я искал тебя. Но нашу встречу представлял в другом формате. Теперь ты представляешь партию. Ты женщина и знаешь как комсомолка. На что шли женщины во имя партии. Она покраснела. Это твой выбор. Но я его не осуждаю. Я сам такой. Поверь рано или поздно это должно было случиться с тобой как с комсомолкой в юбке. Я не ханжа. Но я тоже человек и ты мне нравишься. Поэтому я буду с тобой честен. У меня есть женщины для утех. И не думай что я хочу именно твоего комсомольского тела. Она покраснела еще больше. И заметь я не просил такой подачи. Я просто хотел с тобой отношений. Поэтому для меня будет достаточно если ты просто покажешь свои груди. Она побледнела. И вскопчила. Бросившись к двери она пыталась открыть дверь. Но ее руки предательски не слушались ее. Неожиданно она обернувшись рассмеялась. Вот это действительно самостоятельное решение сказал я. Она положила ключ на стол. Но не бросила его. Просто положила рядом с собой. И я понял: она решила остаться. Маша взяла вилку, но к еде так и не притронулась. Егор, а ты ведь понимаешь, что после этого разговора я уже не смогу сделать вид, будто ничего не произошло? Понимаю. И что ты будешь делать? Есть. Она рассмеялась. Нет, серьезно. Я налил коньяк по рюмкам. Серьезно? Ничего. Я не хочу, чтобы ты принимала решение из-за меня. А если я сама хочу принять решение? Я посмотрел на неё. Тогда принимай. Маша долго молчала. Я устала, Егор. От чего? От того, что за меня всё время решают. Куда идти, с кем разговаривать, что говорить. Даже сейчас... Она посмотрела на стол. Даже этот обед не мой. А что твоё? Маша задумалась. Наверное, только этот ключ. Я улыбнулся. Тогда начни с него. Она взяла ключ, покрутила его в пальцах и вдруг положила мне на ладонь. Держи. Зачем? Потому что я хочу, чтобы дверь открыл ты. Я посмотрел на неё. Уверена? Да. Я поднялся и подошел к двери. Вставил ключ в замок, но прежде чем повернуть, остановился. Маша. Что? После этой двери всё будет иначе. Я знаю. Можешь сейчас уйти и забыть весь этот день. Она встала. А могу не уходить. Можешь. Тогда открывай. Я повернул ключ. Замок щелкнул. Дверь открылась. В коридоре было пусто. Мы вышли и несколько секунд просто стояли рядом. Куда теперь? спросила Маша. Я должен закончить работу. А потом? Я посмотрел на неё. А потом можем выпить кофе. Где-нибудь, где нет комсомольских начальников, поручений и запертых дверей. Она улыбнулась. Договорились. Но уходить не стала. Наоборот, Маша протянула руку, забрала у меня ключ и, прежде чем я успел что-либо сказать, снова заперла дверь. Щелкнул замок. Она вернулась к столу и села напротив меня. Значит, всё-таки решила остаться? спросил я. Маша некоторое время смотрела на бутылку коньяка. Да. Она взяла рюмку. Поднесла к губам, но остановилась. Я никогда не пила. Тогда не начинай из-за них. Она посмотрела на меня. Я начинаю не из-за них. И выпила. Морщинка появилась у неё на лице коньяк явно обжег горло. Она поставила рюмку и несколько секунд молчала. Ну и гадость, наконец сказала она. Я невольно рассмеялся. Вот теперь точно первая рюмка. Откуда ты знаешь? По выражению лица. Она тоже улыбнулась, но затем стала серьезной. Егор, я всё решила. Что именно? Я выполняю поручение. Я промолчал. Ты ведь хотел услышать именно это? спросила она. Нет. А я думала, что хотел. Я хотел, чтобы ты сама решила. Маша посмотрела на меня. Я сама решила. Она положила ладонь рядом с рюмкой. Алкоголь проникал в ее организм. Еще не окрепший и молодой. Но я знал основываясь на опыте прожитой жизни. Это уже не тот человек, который стоял минуту

назад. Понимаешь, у меня выбор не такой простой, как тебе кажется. Ты говоришь: женщина будешь всю жизнь, а комсомолкой не всегда. Может быть. Только что у меня останется, если не будет комсомола? Она помолчала. Ткацкий станок? Небольшая квартира? И муж, который после смены приходит пьяный? Я ничего не ответил. Я видела такую жизнь, Егор. И знаю, что это такое. Женщины вокруг меня выходили замуж, рожали детей, а потом годами ждали, когда муж придет домой трезвым. Я не хочу так. Значит, партия для тебя единственный выход? Сейчас да. Она подняла глаза. Может быть, ты прав и всё это когда-нибудь закончится. Может быть, изменится страна, изменятся люди, изменится сама жизнь. Но сегодня у меня есть только то место, которое я смогла себе создать. Я тихо спросил: А поручение? Маша усмехнулась. Его я тоже выполню. И что же тебе поручили? Она взяла рюмку наполненную мной, но на этот раз пить не стала. Узнать тебя. И что уже узнала? Маша посмотрела на меня долго и внимательно. Что ты совсем не тот человек, каким тебя описывали. А каким описывали? Опасным. Самостоятельным. Неуправляемым. И? Наверное, они не ошиблись. Я улыбнулся. А ты? А я пока не знаю. Она подняла рюмку. Поэтому и останусь. Я понял, что спорить бессмысленно. Маша сделала маленький глоток и поставила рюмку. А я впервые увидел в ней не просто молодую активистку, выполняющую поручение начальства. Передо мной сидела женщина, которая прекрасно понимала цену своего выбора. И именно поэтому этот выбор был гораздо сложнее, чем мне сначала казалось. Она хитро улыбнулась: Пусть думают, что их план сработал. Я рассмеялся. Вот теперь я точно понял, почему назвал тебя опасной. А ты думал, я просто комсомолка? Уже нет. Вдруг она встала и начала расстегивать блузку. Я выпил коньяк и откинулся на стуле. Я ожидал просто увидеть ее груди. Но она как Клара Цеткин, а может и как все идейные женщины шла до конца. Поэтому ощущая как алкоголь проникает в мою кровь наблюдал как одежда покидает ее тело. Она стояла передо мной в костюме евы. С выражением лица победительницы. Я хотел увидеть только груди произнес я закусывая. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Да подумал я такие женщины и танк остановят и огонь пуком собьют. Но я впервые видел девичье обнаженное тело и не мог отказать себе в удовольствии попробовать его. Раз такая возможность предоставлялась. Я подошел к ней и взял ее за талию. Она вздрогнула. И по ее коже пошли мурашки. Подкинув ее на стол я положил ее на спину. Живот ее судорожно вздрагивал. Осторожно раздвинув ей ноги я присел. Она покорно лежала и только предательская слеза скатилась по щеке. Передо мной была нетронутая пещерка с мохнатой русой кустистостью. Я раздвинул ей половые губы и обозрел природой данную девичью плевую. Ворота были закрыты природой и я морально не был готов их разрушить. Поэтому погрузил свое лицо в ее лоно вдохнув запах нетронутой вагины и запаха мочи. Ее тело судорожно начала дергаться. А на губах я ощутил сокращение ее половых губ она кончала. Меня охватило возбуждение и я не мог сдержаться и вытащив член теребя кончил ей на живот. А она приподняв голову восторженно смотрела на меня. Я сел на стул и начал закусывать. Маша поняв что задание выполнено. Спешно оделась и присоседилась ко мне. Наевшись. Она произнесла с благодарностью спасибо. Мы спустились по лестнице, и впервые за долгое время мне показалось, что в этой истории решения принимаем не они. А мы. После этого события ко мне ни кто не пришел и не спрашивал. Я просто работал в горкоме комсомола. Ходил на тренировки по каратэ. И там же выполнял функции системного администратора. И следил за стройкой. Через неделю Маша снова предстала передо мной своими тонкими ножками. А я, как обычно, находился под столом с пассатижами в руках. Ну вот такая у меня работа. Здравствуй, произнесла она. Привет, ответил я, не вылезая из-под стола. Ты так и будешь со мной разговаривать оттуда? Пока провода не закончу да. Она засмеялась. Погуляем? Я наконец высунулся из-под стола и посмотрел на неё. Нет, не могу. Мне не хотелось мучить ее и себя. У меня были женщины, идея, работа и после знания. Где я точно знал что любовные истории до добра не доводят. Улыбка на её лице немного погасла. Ты что, обиделся? Нет. Тогда почему? Просто некогда. Дел по горло. Она несколько

секунд молчала, а потом достала из сумочки маленький листок бумаги. Тогда приходи ко мне. К тебе? Да. Она быстро написала адрес и протянула мне бумажку. Когда? Когда сможешь. Я взял листок и посмотрел на него. Маша, я действительно не знаю, когда освобожусь. А я не тороплю. Она улыбнулась. Просто приходи. Хорошо. Маша уже направилась к двери, но вдруг обернулась. И, Егор... Что? В следующий раз хотя бы вылезай из-под стола, когда я прихожу. Постараюсь. Не обещай. А то опять не выполнишь. Она рассмеялась и вышла. Я остался один. Развернул бумажку и еще раз прочитал адрес. Почему-то именно этот маленький листок вдруг показался мне гораздо важнее всех проводов, серверов и срочных дел, которыми была забита моя жизнь. Я аккуратно сложил его и убрал в карман. А потом снова полез под стол. Работа сама себя не делает. Когда пришел Василий, я сначала решил, что разговор снова будет о Маше. Он вошел, закрыл за собой дверь и некоторое время молча смотрел на меня. Ну что, Егор, наконец произнес он доверительно, а как ты смотришь на создание научно-технического творчества молодежи? Я сначала даже не понял, к чему он клонит. Научно-технического... творчества? Да. НТТМ. Я задумался. Что-то такое я уже слышал. В комсомоле начали создавать всякие коммерческие структуры, кооперативы, молодежные центры. Но лично я в этом никогда не участвовал. А ведь я жил в этом времени. И постепенно до меня дошло. Это действительно мог быть мой шанс. А если поподробнее? спросил я. Василий улыбнулся. Вот это мне в тебе и нравится. Не бросаешься сразу соглашаться, а сначала спрашиваешь, что тебе предлагают. Он сел напротив. Смотри. Есть ребята с техническими идеями. Есть предприятия, которым нужны услуги. Есть оборудование, специалисты. Но между ними пока огромная пропасть. А НТТМ как раз и позволяет эту пропасть закрыть. То есть мы создаем организацию? Именно. А зарабатывать она может? Василий усмехнулся. А ты как думаешь, зачем мы вообще этим занимаемся? Я откинулся на спинку стула. И что конкретно от меня требуется? Организовать направление, которое действительно может приносить деньги. Не кабинетную писанину. Реальную работу. Какую? Электроника, компьютеры, программирование, ремонт техники, монтаж оборудования, консультации. Всё, где нужны мозги и руки. Я посмотрел на него внимательнее. А финансирование? Вот тут самое интересное. Первоначальные возможности будут. Помещение можно найти. Связи есть. Предприятия тоже найдутся. А самостоятельность? Василий помолчал. В разумных пределах. Я усмехнулся. Значит, совсем самостоятельным быть не получится. Егор, ты же понимаешь, где работаешь. Понимаю. Я задумался. Перед глазами словно начали складываться кусочки одной большой картины. Компьютеры. Серверы. Электрика. Связи. Молодые специалисты. Предприятия, которые уже начинали искать новые способы заработать. И главное время. Я находился именно в той точке истории, когда старые правила еще существовали, а новые уже начинали пробиваться наружу. А если сделать не просто контору при горкоме? медленно произнес я. Василий поднял брови. А что ты предлагаешь? Сделать нормальную структуру. Чтобы она сама находила заказы, сама выполняла их и сама зарабатывала. Ты уже придумал? Пока только думаю. А думать умеешь? Иногда. Василий рассмеялся. Тогда, может быть, тебе это и поручим. Я посмотрел на него. Только давай сразу договоримся. О чем? Если я в это ввязываюсь, я хочу понимать правила игры. Какие именно? Кто принимает решения. Куда идут деньги. Кто отвечает за результат. И главное что конкретно получаю я. Василий некоторое время молчал. Потом кивнул. Вот теперь, Егор, мы разговариваем серьезно. Я посмотрел на него и впервые подумал, что эта встреча может оказаться гораздо важнее, чем я предполагал. А где-то в кармане у меня лежала маленькая бумажка с Машиним адресом. И почему-то мне показалось, что в этот день передо мной открывались сразу две двери. Одна в новую жизнь. А вторая в новую экономику страны. Но в душе я оставался старым человеком. Я уже прожил эту жизнь. Знал, чем всё закончится, видел, как одна эпоха будет рассыпаться, а на её месте появится совершенно другая. Они этого еще не знали. Для них НТТМ был чем-то новым и почти экспериментальным. Для меня дверь, которая уже стояла

приоткрытой. Поэтому я согласился на предложение Василия. Но сделал кое-что, чего он совершенно не ожидал. Мы организовали не один Центр научно-технического творчества молодежи. А сразу три. Когда Василий узнал об этом, он долго смотрел на меня. Егор, зачем нам три? Для масштабности. Какой еще масштабности? Мы только начали. Вот именно. Пока остальные будут создавать один центр, мы создадим три. Ты вообще понимаешь, чем они будут заниматься? Не всё. Тогда зачем? Я усмехнулся. Потому что понимаю, чем они будут заниматься через несколько лет. Василий покачал головой. Иногда ты говоришь такие вещи, будто уже знаешь будущее. Я промолчал. Потому что именно это и было правдой. Я не знал всех схем. Не знал всех правил новой игры. Но я прекрасно помнил тех, кто в этой игре выстрелит. И я решил поставить на них. Наши НТТМ начали искать перспективные проекты, специалистов и людей, которые умели работать не только руками, но и головой. Мы знакомились с предприятиями, искали оборудование, создавали первые коммерческие связи. А затем я сделал ставку на Михаила Ходорковского. Для окружающих это выглядело рискованным решением. Для меня наоборот. Я слишком хорошо знал, насколько далеко может уйти человек, если дать ему старт в нужный момент. Ты уверен? спросил однажды Василий. Уверен. А если не получится? Получится. Откуда такая уверенность? Я посмотрел на него. Потому что иногда главное не угадать победителя. Главное оказаться рядом с ним до того, как остальные поняли, что он победитель. И я решил дать им первый серьезный шанс. Деньги пошли из моих средств. Для меня это была ставка. Для них возможность сделать первый прыжок. И этот прыжок оказался успешным. Я наблюдал за происходящим со стороны и понимал одну простую вещь: я не создавал бизнес с нуля. Я покупал себе место в будущем. Причем покупал его тогда, когда оно еще стоило совсем недорого. Василий смотрел на первые результаты и всё чаще задавал один и тот же вопрос: Егор, откуда ты всё это знаешь? Я обычно отвечал одинаково: Просто умею смотреть немного дальше, чем остальные. Но настоящую причину я ему сказать не мог. Потому что тогда пришлось бы объяснить невозможное. Я уже знал, чем закончится эта эпоха. А на стройке было буднично, месяц они работали не покладая рук. Перекрыли крышу, привели в порядок отопление и водопровод, полностью заменили электропроводку, отремонтировали полы, стены и лестницу. Я отдельно настоял на нормальном освещении и розетках после старого дома это было особенно важно. Когда ремонт закончился, я впервые привёл туда Аню и Валу. Мы вошли внутрь, и Аня остановилась посреди прихожей. Егор... это действительно тот самый дом? Тот самый. Ещё месяц назад здесь были строительная пыль и голые стены, а теперь помещение выглядело совершенно иначе. Но на этом сюрпризы не закончились. Через несколько дней к воротам подъехали грузовые машины. Это ещё что? спросила Валя. Кажется, начинается вторая часть нашего товарного обмена. Из машин начали выгружать мебель. Не случайные шкафы и столы, а действительно качественную мебель, которую в те годы было непросто достать. Хорошие диваны, массивный обеденный стол, шкафы, кровати, кресла, письменные столы. Аня ходила из комнаты в комнату и только успевала удивляться. Ты всё это где взял? База снабжения завода. И всё по обмену? Практически. Вот что значит иметь дело с крупным предприятием. У них есть то, чего нет у нас, а у нас есть то, чего нет у них. К вечеру грузчики закончили работу. Я прошёл по комнатам. Теперь это был уже не просто отремонтированный городской дом. Это был настоящий дом. Аня поставила на стол вазу. Валя повесила первые занавески. Я включил свет и посмотрел на результат. Ну вот, сказал я. Теперь можно жить. Аня улыбнулась: Только теперь придётся решить, кто где будет жить. Мы переглянулись. И тут я понял, что ремонт оказался самой простой частью всей этой истории. На следующий день на воротах появилась небольшая официальная табличка: «Серверная МЭИ» Со стороны всё выглядело совершенно буднично. Обычный ведомственный объект, принадлежащий институту. Никаких намёков на то, что внутри фактически находился наш новый дом. Для института это была серверная и техническая база. Здесь действительно разместили несколько шкафов с вычислительным

оборудованием, небольшой ремонтный участок и рабочий кабинет нашей фирмы. А для нас это был дом. Аня впервые увидела табличку и рассмеялась: Серверная, значит? Официально да. А где же серверы? Я показал на отдельную комнату. Вон там. Всё по-честному. Валя оглядела двор. Получается, мы живём на территории института? Не совсем. Дом на балансе института, а часть помещений используется для его нужд. Жилая часть оформлена отдельно. Я заранее позаботился о документах, чтобы всё было законно и никто не смог предъявить нам претензий. Вскоре в доме появился и первый настоящий рабочий кабинет. Я поставил стол, аппаратуру, свои инструменты и тот самый МК-62. Аня заглянула внутрь. Ты даже его сюда привёз? Конечно. Ты с ним скоро спать будешь. Не исключено. Валя засмеялась. А я думала, что после ремонта ты наконец перестанешь работать. Теперь у меня работа в десяти шагах от спальни. Вот именно этого я и боялась, ответила она. Вечером мы сидели на кухне, и я смотрел в окно на тихий переулок. Дом был официально институтским объектом. На воротах висела табличка про серверную. Внутри работала техника, которую обслуживала наша фирма. А наверху горел обычный домашний свет. Я поймал себя на мысли, что впервые за долгое время у меня появилось место, которое действительно хотелось назвать **домом**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.